НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС

Серия: *политология и социология*

УЧРЕДИТЕЛЬ:
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

№1 2014

Журнал основан в 2009 г.
Периодичность серии 4 номера в год

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор (председатель Редакционного совета);

Е. М. Бабосов, академик Национальной Академии Наук Республики Беларусь;

В. А. Лоскутов, д-р филос. наук, профессор;

А. В. Понеделков, д-р полит. наук, профессор;

С. П. Поцелуев, д-р полит. наук, доцент;

Ф. М. Эфендиев, д-р филос. наук, профессор;

М. Я. Яхьяев, д-р филос. наук, профессор

Главный редактор:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

Д. Р. Яворский, д-р филос. наук, доцент

Ответственный научный секретарь:

А. Л. Кузеванова, д-р социол. наук, доцент

Редакционная коллегия:

С. С. Восканян, д-р полит. наук, доцент;

Е. В. Гуляева, канд. филол. наук, доцент;

Р. А. Данакари, д-р филос. наук, доцент;

О. А. Долгополова, канд. психол. наук, доцент;

Ю. А. Дроздова, канд. социол. наук, доцент;

Д. М. Зиновьева, канд. психол. наук;

В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент;

А. Л. Клейтман, канд. ист. наук;

А. М. Медведев, канд. психол. наук, доцент;

Е. Р. Мкртчян, канд. социол. наук, доцент;

И. Л. Морозов, д-р полит. наук, доцент;

Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;

О. В. Рвачева, канд. ист. наук, доцент;

Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;

А. В. Одинцов, канд. социол. наук (секретарь)

Е. В. Перерва, канд. ист. наук (секретарь)

Адрес редакции: Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik-vags@yandex.ru

Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014

От редакции!

Уважаемые читатели!

Журнал «Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология» планируется издавать ежеквартально. Структура данной серии будет включать три основных раздела: политология, социология, гуманитарное знание. На страницах этого издания при необходимости могут быть сформированы разделы: история, психология, социолингвистика, дискуссии, наука Волгоградского филиала РАНХиГС, книжная полка и другие. Редакционная коллегия намерена систематически отражать работу конференций, круглых столов, дискуссионных клубов и других научных мероприятий, проводимых в Волгоградском филиале РАНХиГС.

В современном мире существует огромное количество отечественных и зарубежных изданий подобного рода, но каждое из них наряду с общенаучными задачами решает проблемы внутреннего развития. Издание нашего журнала не исключает высоких целей по поиску научных истин в гуманитарной и общественной сферах бытия. Однако не менее значимо для нас и то, что данная серия журнала будет способствовать развитию научного потенциала профессорско-преподавательского состава учебного заведения, а также являться важным фактором формирования исследовательских навыков у аспирантов, магистрантов и студентов.

Редакционную политику журнала планируется построить с учетом специфики учебного заведения, поэтому приоритет будет отдаваться научным исследованиям, связанным с проблемами управления, власти, государственной и муниципальной службы. Востребованными являются и научные результаты о социальных процессах, полученные в процессе комплексного, междисциплинарного исследования; глубокие аналитические материалы о человеке, которые могут стать теоретико-методологической основой для социально-политических исследований прикладного характера. Редакционный совет, Редакционная коллегия будут способствовать тому, чтобы журнал стал научной дискуссионной площадкой, где в рамках действующего законодательства о свободе слова каждый автор мог бы изложить свою точку зрения. Как и всякий социальный организм, серия «Политология и социология» в своем становлении будет иметь трудности «роста», поэтому призываем весь коллектив Волгоградского филиала РАНХиГС к активному участию в формировании солидного научного издания и намерены внимательно относиться к предложениям, замечаниям своих коллег.

Главный редактор,
председатель Редакционной коллегии ***А.И. Бардаков***

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бардаков А.И.
Понятие «электорат»: проблемы интерпретации……. 5

Олейникова Е.Г.
Государственное управление социально-трудовыми отношениями в период становления рыночной экономики в Российской Федерации…….. 12

Поломошнов А.Ф.
Маниловщина и европейничанье как болезни российских реформаторов образования…… 20

Варакин С.В.
Кризис идеологии или идеология кризиса……. 30

СОЦИОЛОГИЯ

Полтавская М.Б., Борисенко Е.В.
Новые формы социально-экономической и гражданской активности в городском формате…… 35

Субочев Н.С., Ленская И.Ю.
Социологические методы в исследовании процессов управления персоналом……. 40

Одинцов А.В.
Феномен групповой идентичности: на примере анализа художественных фестивалей г. Волгограда (к вопросам формирования методологии)…… 46

Беликова Е.О.
Этнокультурное и религиозное пространство региона…… 50

Лактюхина Е.Г.
Нарратив о браке в исследовании ранних разводов…… 54

CONTENTS

POLITICAL SCIENCE

Bardakov A.I.
The Concept of "Electorate": Problems of Interpretation……. 5

Oleynikova E.G.
State Management of Social and Labor Relationship in the Period of Market Economy Formation in the Russian Federation …… 12

Polomoshnov A.F.
Inactivity and Imitation of Europe as Particular Qualities of Russian Education Reformers ……. 20

Varakin S.V.
The Crisis of Ideology or the Ideology of Crisis …… 30

SOCIAL SCIENCE

Poltavskaya M.B., Borisenko E.V.
New Forms of Social, Economic and Civil Activism in a City Format ……..... 35

Subochev N.S., Lenskaya I. U.
Sociological Research Methods of Personnel Management ……. 40

Odintsov A.V.
The Phenomenon of Group Identity: Based on Case Analysis of Art Festivals in Volgograd (Revising Methodological Problems)…….. 46

Belikova E.O.
Ethnic, Cultural and Religious Diversity of Volgograd Region …… 50

Laktukhina E.G.
Narration About Marriage in the Early Divorces Research …… 54

Николенко Н.А., Березенчук М.В.
Fanstudies как научное направление, изучающее фандом: история возникновения и специфика предмета исследования……. 58

Nikolenko N.A., Berezenchuk M.V.
Fanstudies as Scientific Direction about Fandom: History of Origin and Specific of the Article of Research ……... 58

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMAN SCIENCES

Перерва Е.В.
Исследование черепов золотоордынского времени Нижнего Поволжья с непреднамеренной искусственной деформацией (палеопатологический аспект)…… 65

Pererva E.V.
Research of Skulls of Golden Horde Period from the Lower Volga River Region with Unintentional Artificial Deformation (Paleopathological Approach)…….. 65

Блохин В.Г.
Несколько этюдов об этнокультурной идентификации золотоордынских погребальных памятников Нижней Волги..... 75

Blohin V.G.
Several Studies on Ethnic and Cultural Identification of the Golden Horde Burial Monuments in the Lower Volga Region...……. 75

Рвачева О.В.
Процессы восстановления российской государственности на казачьих территориях Юга России в период Гражданской войны……... 85

Rvacheva O.V.
The Processes of Restoration of Russian Statehood in the Cossack Territories in the South of Russia during the Civil War ……...……..... 85

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ…….. 93

ABOUT THE AUTHORS ……... 93

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 324
ББК 66.042.11

ПОНЯТИЕ «ЭЛЕКТОРАТ»: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А.И. Бардаков

Аннотация: В статье раскрывается процесс становления понятия «электорат» в российском обществе. Сравнительный анализ трактовок электората в различных отраслях общественного и гуманитарного знания позволяет обнаружить единодушие исследователей в его формально-правовой трактовке, однако субстанциональные основания исследуемого понятия не обладают научной полнотой. Используя историко-лингвистический метод исследования, удается обнаружить, что электорат как социально-политический феномен не изменяет своей сущности. Методологическое основание о неизменности сущности электората позволяет выявить причинно-следственную взаимосвязь электората и власти. Формы и механизмы взаимообусловленности власти и электората раскрываются в парадигмах советского прошлого и современных российских электоральных процессах.

Ключевые слова: курфюрст, партийный руководитель, собственник, электорат, избиратели, выборы, власть.

THE CONCEPT OF “ELECTORATE”: PROBLEMS OF INTERPRETATION

A.I. Bardakov

Abstract: The article says about the process of establishing the concept of electorate in Russian society. Comparative analysis of various rendering of the electorate in humanities knowledge and social knowledge shows unanimity of researchers. Nevertheless the substantial bases of this conception don`t have scientific depth. We have arrived at the conclusion that the electorate as a social and political phenomenon is stable according to our historical and linguistic methods. A methodological foundation of the fixity of electorate allows to show up a cause-and-effect relationship between the electorate and the power. Some forms of interdependence of the electorate and the power open up in the paradigms of Soviet history and in the modern Russian electoral process.

Keywords: the prince-electors, a party leader, an owner, an electorate, a body of electors, elections, a power.

Активное использование термина «электорат» в современной российской политической практике предопределяет научный интерес не только к самому явлению, но и к данному понятию. Многообразие направлений электоральных преобразований как в Российской Федерации, так и за рубежом зависит от многих факторов и требует широкой исследовательской деятельности. Понятие «электорат» используется в контексте политической культуры, политического пространства, политического лидерства [5; 13; 15].

При всем многообразии трактовок понятия «электорат» прослеживается общее: электорат – это часть общества, имеющая право участвовать в выборах. Так, в политологическом словаре электорат определяется как «… население, формирующее власть в результате выборов; круг избирателей, которые голосуют за определенную партию на парламентских, президентских или муниципальных выборах» [11]. В юридическом словаре данное понятие трактуется значительно шире, там утверждается, что электорат (лат. elector – избиратель) – это насе-

ление, обладающее избирательным правом [1], подобная мысль высказывается и в «новоязе», где используется термин «электорат» для наименования «… всех людей, имеющих право выбора и потенциально участвующих в выборах любого уровня» [14]. Однако проблема как раз и состоит в том, что право на выборы реализуется далеко не всеми гражданами, поэтому возникает проблема смыслового наполнения категории «электорат».

В рамках исследования электорального процесса необходимо уточнить смысловую нагрузку категории «электорат». В соответствии со смысловой нагрузкой термина «электорат» избирателями, избирателем можно назвать отдельного индивида, группу людей, осуществляющих голосование по избранию отдельного лица или группы лиц. Голосование является реальностью и при присуждении, определении места на конкурсах, которые бывают у поваров, парикмахеров, певцов, строителей и т.п. При этом, если голосуют члены комиссии, жюри, то в связи с ограниченностью голосующих достаточно сложно вести речь об электорате, поскольку это не часть общества, а специалисты. Совершенно другое дело конкурс с участием в голосовании телезрителей, пользователей компьютеров, мобильных телефонов, количество которых может составлять миллионы. Соответственно такое количество трудно не признать частью общества. В соответствии с федеральным законом №131-ФЗ в муниципальном образовании, насчитывающем меньше ста человек, на сходе (собрании) формируется институт главы муниципалитета, т.е. на муниципальных выборах избирается орган, соответственно, по формально-логическим основаниям несколько десятков человек можно называть электоратом. В тоже время голосование в многотысячном производственном коллективе, товариществе собственников жилья, территориальном общественном самоуправлении, партийном съезде и многом другом достаточно сложно соотносить с феноменом электорат. В связи с очевидностью многообразия видов голосования необходимо установить корреляцию категории «электорат» с функцией голосования, а также определить значение гражданственности избирателей для участия в выборах.

Для решения этой научной задачи необходимо определиться с методологией исследования. Методология исследования должна быть направлена на выявление сущности электората, которая позволит корректно фиксировать практики электоральных процессов и адекватно отражать электорат в многообразии голосования. Используя метод восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, видимо, можно понять сущность феномена электорат. Наиболее продуктивной в выявлении сущности электората представляется историко-лингвистическая составляющая. Важно установить на каком историческом этапе социума возникает явление «электорат» и какова логика развития (использования) термина «электорат». Важным моментом в решении наших задач является также методология исследования кровнородственных, социально-статусных характеристик электората. Ведь избиратель может обладать правом голоса по наследству, имущественному цензу, на основании гражданства. Методологически корректным будет выявить соотношение понятия «электорат» с принципами всеобщности, равенства, прямого и тайного голосования.

В современной справочной литературе, которая сейчас широко представлена на электронном ресурсе «Словари и энциклопедии на Академике» [10], можно обнаружить единодушие экономистов, юристов, политологов, социологов, философов и других исследователей гуманитарной и общественной сфер в трактовке термина электорат. В энциклопедиях, словарях, справочниках термином «электорат» обозначают избирателей, людей, выборщиков, участвующих или не участвующих в формировании государственных или муниципальных органов путем голосования. Не отрицая важность и значимость участия и неучастия граждан в избирательном процессе, видимо, более корректно называть электоратом ту часть общества, тех граждан, которые формируют государственные и муниципальные органы. В этой характеристике электората важно обратить внимание также на то обстоятельство, что обладание правом формирования (избирательным правом) вовсе не гарантирует реального участия в формировании органов власти. Иначе говоря, полноту электорального статуса обретает та часть избирателей, по отношению к которой ограничения в избирательном процессе не носят социально-политический характер. Ограничения же на основании решения суда, а также по биотическим показателям являются релевантными на выбо-

рах и выгодно оттеняют избирателей в политическом процессе.

Таким образом, категория «электорат» отражает социальную группу, которая формирует власть. Сущность данного феномена проявляется в его свойстве (социальном взаимодействии), определяющем форму и содержание власти. Наряду с электоратом существуют избиратели, которые на определенном историческом этапе становятся особенно востребованными, чтобы электорат мог вещать обществу, что результат формирования власти – это воля всех, а не узкого круга людей. Категория «избиратели» отражает социальную группу, участвующую или не участвующую в выборах, соответственно сущность этого феномена проявляется в участии или неучастии в выборах. Конечно, возникают вопросы относительно того, что, если гражданин не участвовал в выборах, его можно считать избирателем или же нет? На данный вопрос мы отвечаем положительно, поскольку его отсутствие на выборах является его гражданской позицией, которую он проявляет своим отсутствием, т.е. протестом. Демонстрация данного протеста может быть обусловлена многими причинами, но ведь и императивы участия в выборах многообразны. Поэтому призывы В.М. Смирнова к неучастию в выборах как действенного средства борьбы с аферами в электоральных процессах [12] являются ошибочными, поскольку участие или неучастие избирателя в выборах не имеет принципиального значения для электората, формирующего власть.

В решении поставленных исследовательских задач важно понять время возникновения и причины появления этого слова в российской практике. Слово «электорат» в русский лексикон вошло в XIX веке. Видимо, не случайно в словарных комментариях XIX века А.Д. Михельсона [4] слово «электорат» трактуется как достоинство (атрибут) курфиршества. И в начале XX века А.Н. Чудинов [9], по сути, повторяет вышеизложенную трактовку, а Ф.Ф. Павленков прямо пишет: «электорат – то же, что курфиршество» [8]. Кратко уточним, что курфиршество является производным словом от термина «курфюрст», который трактуется и современными авторами, и Брокгаузом и Ефроном как князь, имевший право участвовать в выборах императора. При этом важно уточнить, что слово князь употребляется в своем обобщенном значении, поскольку в группе курфюрстов мог быть граф, герцог, король. К сожалению, достаточно сложно определить полномочия курфюрстов в формировании списка претендентов на вакантную должность императора. Но, поскольку, курфиршество – это группа лиц, принимающая решение о персоне императора, то, видимо, без их участия список кандидатов на должность императора формироваться не мог. Данное предположение основывается на том, что курфюрсты были блюстителями традиций, крупными собственниками и носителями власти, а, соответственно, выборы нового императора могли быть причиной укрепления социально-политических позиций всех или части из них, поэтому есть основания полагать, что борьба за власть во времена курфюрстов была не менее острой, чем в современном обществе.

Понятно, что современный термин «электорат» не может быть тождественен термину «курфиршество», поскольку из электорального процесса «выбыли» курфюрсты. В связи с этим возникает вопрос – категория «электорат» имеет другую сущность или же у курфиршества и электората она единая? Ответ на этот вопрос весьма важен для современной политической практики, т.к. важно понять: изменения происходят на уровне явлений и формы или же изменения затрагивают сущностные и содержательные стороны социально-политических процессов.

При внимательном рассмотрении терминологии русского политического лексикона второй половины XIX и начала XX веков можно обнаружить в избирательных процессах ряд оснований, которые не позволяли укорениться термину «электорат». Так, в этот период государственное управление есть на уровне империи, губерний, имеет место и в уездах, хотя его наличие проявляется в слабых формах, поскольку предводитель уездного дворянства руководит уездом на общественных началах, поскольку в этот период еще не существует отлаженных механизмов реализации установок государства на этом уровне. Конечно, по поводу полноты государственного управления в российских уездах XIX и начала XX веков можно вести дискуссию, но проблема заключается в другом. В России этого периода имеется система государственного управления, которая в начале XX века обретает и законодательную ветвь власти, имеются дворянское, городское, зем-

ское, крестьянское, казачье самоуправления, а термин «электорат» отождествляется с курфиршеством. Такое отождествление является закономерным и отражает сущность происходящего процесса.

Кратковременное существование четырех Государственных Дум (1906–1917) в российской монархической истории XX века не было результатом электоральных процессов с участием больших социальных групп. Следует заметить, в борьбе за сохранение монархической власти успешно использовались технологии, связанные с изменением законодательства. После двух созывов Государственной Думы, которые имели более широкое представительство социальных групп по сравнению с двумя последующими, путем изменения избирательного законодательства произошло «… перераспределение числа выборщиков в пользу «электората», обладавшего большим имущественным цензом и априори считавшегося менее радикальным в претензиях к исполнительной власти» [7]. Изменение количества избирателей в четырех куриях (курии земледельцев, городской курии, состоящей из двух разрядов, крестьянской курии, рабочей курии) являлось своеобразной технологией, позволявшей помещикам и крупной буржуазии иметь квалифицированное большинство в законодательном органе. «Таким образом, земледельческая курия и крупная буржуазия избирали 2/3 всех выборщиков, а на долю крестьян и рабочих приходилось около четверти выборщиков» [2, с. 125]. По меткому замечанию С.Ю. Витте «новый выборный закон исключил из Думы народный голос, т.е. голос масс и их представителей, а дал только голос сильным и послушным» [2, с. 125]. Тем не менее, краткий экскурс в историю российского электорального процесса показывает, что выборы, голосование имели место, поэтому важно понять: был ли электорат в этот период?

Рассматривая всеобщее избирательное право как один из необходимых принципов появления нового смыслового содержания понятия «электорат», можно предположить, что курфиршество будет вытеснено, заменено электоратом. Однакопомня об ограничениях полового, национального, религиозного, имущественного характера в электоральных процессах начала XX века, можно понять причины того, что «… в Москве в избирательные списки были включены менее 5 процентов граждан, в С.-Петербурге – чуть более 5 процентов, а в целом по России среди городского населения – не свыше 15 процентов» [7]. В сельских же общинах волеизъявление крестьян, обладающих наделом земли, имело место только на уровне крестьянского самоуправления, а к органам государственной власти их волеизъявление имело весьма опосредованное отношение. Отсутствие всеобщего избирательного права настолько сужало круг избирателей, что они были подобны курфюрстам.

Равенства гражданского статуса между землевладельцами и другими сословиями избирателей также не было. Голос избирателя землевладельца при формировании III, IV Государственных Дум в количественном выражении превосходил рабочего в 543 раза, крестьянина 260, мелкого буржуа и городского интеллигента 65, крупного буржуа 4,3 раза [2, с. 123–124]. Данная статистика показательна не только в плане электоральной атрибутивности избирателей, но и их гражданственности, т.е. у каждого сословия была своя доля гражданственности в сравнении с полноценными гражданами-землевладельцами. Проще говоря, даже из числа имеющих право голосовать только узкая социальная группа землевладельцев являлась гражданами и могла быть обозначена термином «электорат», смысловая нагрузка которого была значительно ближе слову курфиршество.

Принцип прямого участия на выборах в законодательный орган также не был реализован в монархической системе. Если представители землевладельцев и горожан обретали право выборщика в результате одного голосования (одной ступени), то в крестьянской и рабочей куриях выборы носили многоступенчатый характер. Крестьяне непосредственно участвовали в избрании выборщиков в селе или хуторе, а далее на уровне волости и уезда уже сами выборщики избирали своих представителей для участия в выборах. Рабочие же непосредственно избирали своих уполномоченных от производственного предприятия, затем эти уполномоченные избирали на губернском собрании своих выборщиков, которые совместно с представителями других курий избирали депутатов Государственной Думы от губернии. С учетом того, что не только представителями земледельцев, но и крестьян, и рабочих были, как правило, дворяне, а представители крупной буржуазии по имущественному (социальному) цензу были подобны князьям – это и предопре-

делило компаративистику термина «электорат» с архаичной формой курфиршество.

Принцип тайного голосования на выборах в Государственную Думу был реализован в полном объеме, но этого свойства электорального процесса явно не хватало, чтобы детерминировать электорат как явление нового порядка. Таким образом, в избирательных процессах государственного уровня монархической России понятие «электорат» имеет корреляцию с понятием «курфиршество».

Обратимся к отечественным историческим формам самоуправления – дворянской, городской, земской, крестьянской, казачьей. Перечень форм самоуправления показывает, что их основным организационным принципом была сословность, поэтому электората, который может обрести свое собственное состояние на основании всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, а также при равенстве гражданственности индивидов, не могло возникнуть. Наличие сословий уже свидетельствует о различиях в гражданском статусе индивидов. Внутри же самих самоуправлений была также дифференциация. Так, дворяне по наследству имели преимущество перед дворянами, получившими этот титул за заслуги перед отечеством. Из числа последних не могли быть избраны предводители уездного или губернского собрания. Всякая попытка рассматривать дворянство в качестве электората не может быть успешной, так как не только члены этой социальной группы не допускали своей идентификации с индивидами других сословий, но и другие сословия воспринимали их долгое время как что-то более высокое, а в начальный советский период как нечто враждебное.

Избирательный процесс советского периода имеет значительные отличия от монархического периода. Не останавливаясь на специфике избирательного процесса в различные периоды советской власти, обратим внимание на ограничения по волеизъявлению индивида в формировании органов власти. Ограничения были связаны с возрастом, медицинскими показаниями и решением суда, что вполне является разумным и законным. Можно согласиться с М.В. Желтовым, что расширение количества избирателей оказывает влияние на развитие общества [3, с. 178], но обеспечивает ли данный процесс превращение всех избирателей в электорат, остается неясным. Советский избирательный процесс интересен и тем, что именно в этот период в нашем отечестве он стал всеобщим, равным, прямым и тайным, т.е. можно зафиксировать начальное состояние иной атрибутивности исследуемого объекта. Выражаясь иначе, можно сказать, двигаясь от многообразия современной конкретики к упрощенному советскому прошлому, мы осуществим процесс познания посредством восхождения от конкретного к абстрактному.

Охарактеризуем кратко электоральный процесс последних десятилетий советского периода. В исполнительных комитетах (райисполком, горисполком, облисполком) были должностные лица – секретари исполкома, которые по своим функциональным обязанностям являлись организаторами выборов. Секретари исполкомов готовили списки кандидатов в депутаты. В зависимости от конкретной территории выстраивался социальный состав будущих депутатов. При этом «подборе кадров» исходили из того, что все социальные группы должны быть представлены в представительно-законодательном органе. При подготовке списка будущих депутатов, как правило, руководствовались следующими критериями: законопослушность, профессия, возраст, пол, партийность. В территориях, где общество было многонациональным, критерием отбора была и национальность. Подготовленный список согласовывался с председателем исполкома, а окончательно утверждался секретарем комитета партии (райкома, горкома, обкома). Важно заметить, что именно секретарь принимал решение о персоне на должность председателя исполкома, которое подавалось как воля членов бюро комитета партии, а затем избранные депутаты избирали президиум, который предлагал согласованную с секретарем партии кандидатуру председателя исполкома, а депутаты посредством голосования ее утверждали. И все это обладало признаками легитимности и законности. Организация выборов в советский период была такой, что участие в выборах было не только правом, но и обязанностью, поэтому явка избирателей была очень высокой. В статистических отчетах о явке на выборы стоят цифры выше 99%, понятно, что эти цифры завышены, но их превышение не носит принципиального значения, поскольку основная масса людей участвовала в выборах.

Из представленной характеристики советского электорального процесса хорошо видно, что электорат это небольшая социальная группа людей, которые посредством таких форм управления как бюро, президиум формировали органы власти. Количественная доминанта в бюро и президиумах реальных носителей власти, т.е. обладателей функции распоряжения государственной собственностью обеспечивала управляемость этими структурами, а незначительный процент присутствия людей, не обремененных управленческими функциями в этих структурах, был хорошим поводом для демонстрации демократии. А участие огромных масс избирателей в выборах было хорошо организованной имитацией волеизъявления по формированию органов власти. Все это позволяет сделать вывод о том, что советская социально-политическая система изменила содержание и форму электората, но сущность осталась неизменной, поэтому электорат советского периода подобен курфиршеству.

В конце 80-х годов советская политическая система исчерпала себя, утратила свою организационную эффективность, поэтому начался поиск нового социально-политического обустройства общества в целом и избирательного процесса в частности. В 1989 году 26 марта состоялись выборы народных депутатов СССР, а 4 марта 1990 года народных депутатов РСФСР. Особенностями этих выборов были: их альтернативная основа, упрощенная процедура обретения статуса кандидата в депутаты, высокая активность участия граждан в выборах. Можно согласиться с В.М. Смирновым в том, что на этих выборах выдвижение кандидатов «… было исключительно свободным» [12]. Для того чтобы стать кандидатом в депутаты, необходимо было организовать собрание не менее чем из 300 граждан, обладающих избирательным правом, и заручиться поддержкой более 50% участников собрания. Надо сказать прямо, что выборы депутатов СССР, а затем депутатов РСФСР стоят особняком в отечественном избирательном процессе. Исходя из того, что мы предлагаем электоратом именовать социальную группу, которая определяет список кандидатов, а затем из этого списка определяет персону, которая достойна занимать высокую выборную должность, может показаться, что в 1989 и 1990 годах советские граждане обрели свое электоральное состояние. Если поставить вопрос в редакции – советские граждане формировали органы власти в этот период? Ответ будет отрицательным. Уместен и другой вопрос – органы власти (Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР, Съезд народных депутатов РСФСР, Верховный Совет РСФСР), сформированные в 1989 и 1990 годах, были эффективными и жизнеспособными? Ответ тоже отрицательный.

Обратим внимание на формы работы народных депутатов СССР и РСФСР. Работа 2250 депутатов СССР осуществлялась на Съезде, который должен был собираться один раз в год, а небольшая часть депутатов, реально занимавшихся законотворчеством, работала на постоянной основе и составляла Верховный Совет СССР. Подобным образом строилась и работа народных депутатов РСФСР, поэтому достаточно сложно согласиться с идеей В.М. Смирнова о том, что посредством совершенствования электорального процесса можно изменить власть [12]. Автор полагает, что «идеальная» избирательная система могла бы прошлую советскую декларацию о власти народа превратить в реальность, надеясь, что в современных российских реалиях этот подход остается актуальным. Однако дело в том, что власть – это господство небольшой части над другой большой частью общества, обусловленное *владением* частной собственностью или *обладанием* функцией распоряжения государственной собственностью. И как показывают современные социальные практики, владение и обладание часто сосредоточены у одних и тех же лиц. И господствующая часть сделает все, чтобы сохранить свое положение во всех сферах общественных отношений, в том числе и посредством электорального процесса.

Электоральные процессы влияют на механизмы формирования власти, но они не изменяют ее сущности. Существует закон «перетекания» власти, который свойственен любой социальной системе. Суть данного закона состоит в том, что персонифицированные носители власти в процессе метаморфозы власти «перетекают» в своем большинстве в новые формы власти. Хорошим примером «перетекания» персоны вслед за властью (функцией распоряжения государственной собственностью) является деятельность М.С. Горбачева. При обнаружении утраты власти Генеральным секретарем ЦК КПСС, он, оставаясь генсеком, осуществляет

свою властную деятельность как Председатель Верховного Совета СССР, а при осознании непрочности данной должности, он избирается Президентом СССР. Подобные переходы из одной должности в другую были характерны для большинства партийных руководителей республик, областей, городов и районов, поэтому можно говорить о законе «перетекания» власти вместе с ее носителями.

Не менее интересный, но вполне закономерный процесс «перетекания» власти можно наблюдать осенью 2014 года в Волгоградской области. В муниципальных районах региона до сентября 2014 года главы этих муниципалитетов в большинстве случаев возглавляли администрации. В целях совершенствования местного самоуправления в Волгоградской области было законодательно закреплено, что муниципальные электоральные процессы осуществляются только в городских и сельских поселениях, а затем из глав и депутатов этих муниципалитетов формируется представительный орган муниципального района. Такой порядок формирования муниципальных органов предопределил, что глава муниципального района избирается из состава депутатов районного представительного органа и исполняет функции его председателя. Практика назначения на должность глав администраций муниципальных районов показывает, что бывшие главы районов отказываются от высшей должности «Глава муниципального района» и становятся главами исполнительных органов. Данный процесс вполне предсказуем, поскольку функция распоряжения муниципальной собственностью, а, соответственно, и реальная власть остается у главы администрации.

Формирование органов власти посредством электоральных процессов имеет свои изъяны в виде фальсификации выборов. В категориальном ряду культуры уже сам термин «фальсификация» вызывает отторжение, а вот в политической борьбе за власть он рутинная повседневность. Видимо, О.Д. Парамонов и В.В. Кириченко правы в том, что на выборах никому из кандидатов не выгодно поднимать и обсуждать вопрос о фальсификации выборов [6], поскольку в той или иной степени, все участники борьбы за власть готовы к фальсификации. Вопрос только в том, что у кого-то есть такой ресурс, а другие его лишены.

Электоральные процессы современной России в своем внешне-атрибутивном проявлении имеют значительное отличие от советского и, тем более, монархического периодов, но по своей сущности они остались неизменными. Практика федеральных, региональных и муниципальных выборов показывает, что избирательным правом обладает максимально возможное количество граждан России. Политики и законодатели настаивают на альтернативности выборов, ученые постоянно работают над совершенствованием избирательной системы, что можно рассматривать как позитив для электоральных процессов. Однако количество людей, определяющих список кандидатов на должности глав и депутатов, остается неизменно малым. И именно эта малая группа (электорат) формирует органы государственной и муниципальной власти. Между электоратом советского периода и современным российским электоратом имеются отличия, но они не носят сущностного характера. Так, если в советской системе социальная группа, формирующая органы власти – это обладатели функции распоряжения государственной собственностью, то в современных российских практиках электорат – это владельцы собственности и обладатели функции распоряжения государственной и муниципальной собственностью. В нынешних российских электоральных процессах уровень выборов всегда имеет корреляцию с масштабами собственности и величиной политических акторов.

Библиографический список

1. *Барихин, А.Б.* Большой юридический словарь [Текст] / А.Б. Барихин. – М.: Книжный мир, 2005. – 720 с.

2. Высшие органы государственной власти и управления России. IX–XX вв.: Справочник [Текст] / Под общ. ред. А.С. Тургаева. – СПб.: Издательство СКАГС; Издательство «Образование – Культура», 2000. – 368 с.

3. *Желтов, М.В*. Избирательное право и выборы в современном контексте жизни [Текст] / М.В. Желтов // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308. – №3. – С. 178–182.

4. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с обозначением их корней / А.Д. Михельсон. – 1865 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_

fwords/573/%D0%AD%D0%9B%D0%95%D0%9A%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%90%D0%A2 (дата обращения: 03.10.2014).

5. *Орешкин, Д.Б.* География электоральной культуры России [Текст] / Д.Б. Орешкин, Д.Д. Орешкина // Общественные науки и современность. – 2006. – № 5. – С. 20–34.

6. *Парамонов, Д.О.* Методы фальсификации выборов / В.В. Кириченко, Д.О. Парамонов. – М.: Южно Российский институт информационных технологий, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/param/index.php (дата обращения: 16.11.2014).

7. *Родионов, Ю.П.* Становление российского парламентаризма в начале XX века / Ю.П. Родионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://duma.tomsk.ru/page/8346/ (дата обращения: 19.08.11).

8. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Павленков Ф., 1907. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/573/%D0%AD%D0%9B%D0%95%D0%9A%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%90%D0%A2 (дата обращения: 03.10.2014).

9. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Чудинов А.Н., 1910. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/573/%D0%AD%D0%9B%D0%95%D0%9A%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%90%D0%A2 (дата обращения: 03.10.2014).

10. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%82&from=ru&to=xx&did=&stype=0 (дата обращения: 12.09.2014).

11. Словарь по политологии / отв. ред. В.Н. Коновалов. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vipstudent.ru/index.php?q=lib&r=26&id=1192723759 (дата обращения: 30.11.2014).

12. *Смирнов, В.М.* Афера на выборах / В.М. Смирнов. – М.: Алгоритм, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/smirnov/index.php (дата обращения: 16.11.2014).

13. *Смолякова, Е.В.* Мода на лидера как фактор влияния на электоральные предпочтения / Е.В. Смолякова // Власть. – 2008. – № 9. – С. 37–40.

14. Толковый Словарь Демократического Новояза и Эвфемизмов. Составители: А. Белояр, Даркус, Джу, НЕС. – 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xpomo.com/ruskolan/liter/slovnik.htm (дата обращения: 10.09.2014).

15. *Туровский, Р.Ф.* Региональное измерение электорального процесса [Текст] / Р.Ф. Туровский // Общественные науки и современность. – 2006. – №5. – С. 5–19.

УДК 364.14
ББК 65.240.5-21

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРОЙ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.Г. Олейникова

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам государственного управления, которые еще не получили достаточного освещения в отечественной научной литературе. Автор рассматривает различные направления и тенденции государственной политики в сфере регулирования социально-трудовых отношений в период становления плюрализма форм собственности в экономике Российской Федерации, когда российское государство теряло роль единственного собственника средств производства и переставало быть работодателем-монополистом, основным гарантом соблюдения прав трудящихся. Либерализация экономики осуществлялась чрезвычайно высокими темпами, в результате сложившаяся в административно-командный период система трудовых отношений теряла основу для существования. Это предельно обострило проблему гармонизации социальных интересов участников производства. Автором проанализированы сложные, многоплановые процессы формирования системы трехстороннего социального партнерства в условиях глобальной экономической трансформации. Рассмотрена эволюция нормативно-правовой базы социального партнерства. Обобщен практический опыт

становления и развития системы трипартизма в Российской Федерации. Автор исследует процессы заключения и выполнения трудовых договоров и приходит к выводу, что позитивная практика партнерства работников и работодателей, осуществляемая через коллективные договоры, не должна ограничиваться лишь «защитными» гарантиями, которые администрация представляет трудовому коллективу в обмен на его полное устранение от решения важнейших вопросов производства. На основе научного анализа многочисленных источников автор обосновывает вывод о том, что наиболее последовательно идея сотрудничества работодателей, трудящихся и властных органов впервые воплотилась в трехстороннем соглашении, заключенном между правительством, профсоюзами и предпринимателями (работодателями) г. Москвы на 1993 год. Документ предусматривал регулирование важнейших социальных вопросов: оплаты и условий труда, социальной защиты, занятости в конкретных условиях кризисной экономики. Он позволил осуществлять чрезвычайно наполненную и многообразную деятельность по гармонизации социальных интересов в обществе со стороны работодателей, профсоюзов, государства. Этот подход концептуально был наиболее близок модели трипартизма в социальном государстве. Характеризуя особенности современной системы государственного управления социально-трудовой сферой, автор приходит к выводу, что она является неотъемлемой частью внутренней политики социального государства, частью, которая обеспечивает достойный уровень жизни наемных работников и их семей, способствует гармонизации интересов различных социальных групп современного общества.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, государственное управление социально-трудовой сферой, социальное партнерство, трипартизм.

STATE MANAGEMENT OF SOCIAL AND LABOR RELATIONSHIP IN THE PERIOD OF MARKET ECONOMY FORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

E.G. Oleynikova

Abstract: The article is devoted to actual problems of governance that have not sufficiently addressed in the national literature. The author examines the various trends and tendencies of the state policy in the sphere of regulation of labor relations in the period of the plurality of forms of ownership in the economy of the Russian Federation, when the Russian state lost the role of sole owner of the means of production and ceased to be an employer-monopolist, the main guarantor of the rights of workers. Economic liberalization was carried out very rapidly, as a result of prevailing in the administrative-command system of labor relations between losing the basis for existence. It is extremely exacerbated the problem of harmonization of social interests of participants in the proceedings. The author analyzes the complex, multifaceted process of formation of the tripartite system of social partnership in the context of global economic transformation. The evolution of the regulatory framework of social partnership. Generalized experience of formation and development of tripartism in the Russian Federation. The author explores the process of concluding and implementing labor agreements and concludes that the positive practice of partnership of workers and employers, carried out through collective agreements should not be limited only "defensive" guarantees that the administration is the labor collective in exchange for its complete elimination of critical issues production. On the basis of scientific analysis of multiple sources the author substantiates the conclusion that the most consistent idea of cooperation between employers, workers and government officials for the first time embodied in a tripartite agreement between the government, unions and employers in Moscow for 1993. The document provides for the regulation of important social issues: wages and working conditions, social protection, employment in the specific conditions of the crisis of the economy. It's allowed to carry out an extremely diverse and filled with activities for the harmonization of social interests in society on the part of employers, trade unions and the state. This approach is conceptually was the closest model of tripartism in the social state. Describing the features of a modern system of government social and labor issues, the author comes to the conclusion that it is an integral part of the internal politics of the welfare state, part of which provides a decent living wage earners and their families, contributes to the harmonization of interests of different social groups in modern society.

Keywords: social and labor relations, public administration, social and labor issues, social partnership, tripartism.

Активная государственная политика, направленная на гармонизацию социально-трудовых отношений работодателей и наемных работников в условиях рыночной экономики, является одной из основных функций социального государства. В Российской Федерации в короткий срок произошел переход от плановой экономики к рыночной, в настоящее время развивается процесс построения социального государства, основой которого является социально ориентированное рыночное хозяйство. Динамика этого процесса во многом зависит от того, насколько эффективным будет государственное управление социально-трудовой сферой. Повышению эффективности управления может способствовать, наряду с использованием зарубежных, зарекомендовавших себя в общемировом масштабе приемов и методов, осмысление отечественного опыта как позитивного, так и негативного.

В ходе экономических реформ 1990-х годов российское государство теряло роль единственного собственника средств производства и переставало быть работодателем-монополистом, основным гарантом соблюдения прав трудящихся. Либерализация экономики осуществлялась чрезвычайно высокими темпами, в результате сложившаяся в административно-командный период система трудовых отношений теряла основу для существования. Это предельно обострило проблему гармонизации социальных интересов участников производства.

Массовая приватизация предприятий усилила потребность трудовых коллективов в правовых нормах, которые защищали бы их интересы и регулировали отношения работников и работодателей различных форм собственности. 11 марта 1992 г. был принят Закон Российской Федерации № 2491-1 «О коллективных договорах и соглашениях». Коллективный договор в нем определялся как правовой акт, регулирующий трудовые социально-экономические и профессиональные отношения между работодателем и работником. Но заключение коллективного договора отнюдь не стало обязательным. К примеру, в 1993 г. только 25% от общего количества работающих г. Москвы регулировали свои взаимоотношения с работодателем в соответствии с коллективным договором. В других регионах страны этот показатель был гораздо меньше [11, с. 5].

В то же время, ряду предприятий удалось использовать коллективные договоры в поиске компромиссов с работодателями и для реализации интересов трудового коллектива. Так, коллективный договор между администрацией и коллективом предприятия «Тюментрансгаз», заключенный в 1994 г., предусматривал для работников предприятия ряд защитных мер: выплачивать компенсации в связи с длительными поездками от места работы до места проживания; рабочим и служащим, успешно обучающимся по очно-заочной форме обучения – оплачиваемый отпуск из расчета среднего заработка по предъявлении документа об успешном обучении; работникам предприятий, имеющим 10 лет непрерывного стажа и уволившимся в связи с уходом на пенсию по возрасту – единовременное вознаграждение в размере 100 тыс. руб. и за каждый последующий сверх 10 лет отработанный год на предприятии – 10 тыс. руб.; матерям, воспитывающим школьников 1–4 класса, предоставлялся дополнительный однодневный отпуск 1 сентября, в День знаний. Для женщин, работающих в предприятии «Тюментрансгаз» и проживающих в Свердловской области, с 1 июня 1994 г. была установлена 36-часовая рабочая неделя с оплатой за полный день. Администрация и профсоюз могли устанавливать 6-часовую дневную смену женщинам, имеющим детей дошкольного и школьного возраста, с оплатой за 8-часовую дневную смену [7].

В условиях нараставшего экономического кризиса наличие коллективного договора способствовало обеспечению работникам хотя бы минимальных социальных гарантий. В то же время стало очевидно, что на эффективность действия коллективного договора в огромной мере влияют формы собственности. Руководители многих частных предприятий, ссылаясь на особенности законодательства, отказывались признавать коллективные договоры вообще. В отраслях, финансируемых из бюджета, гарантии, закрепленные в коллективных договорах, часто становились декларациями. К примеру, по данным профсоюза работников тяжелого машиностроения, пункты договоров, где гарантировался двойной объем минимальной заработной платы, в начале 1990-х годов не соблюдались практически ни на одном предприятии отрасли [11, с. 5, 6].

24 ноября 1995 г. в Закон РФ «О коллективных договорах и соглашениях» были внесены изменения, в результате которых его выполнение теперь было обязательно для работодателей всех форм собственности. Это было особенно важно в условиях массового акционирования промышленности. Как показывает анализ, коллективные договоры, заключаемые в тот период, в качестве основных целей содержали недопущение дальнейшего падения заработков и ухудшения социального положения трудящихся.

Коллективный договор на 1996 г., заключенный на Волгоградском «Литейно-механическом заводе» (ВЛМЗ) между работодателями (в лице директора завода) и работниками завода (в лице председателя профсоюзного комитета) в одной из первых статей обязывал администрацию не осуществлять мер, ухудшающих положение работающих по сравнению с условиями Договора, а коллектив – не выдвигать новых требований. Согласно договору обязанности администрации заключались в следующем:

а) организовывать получение заказов на выпускаемую продукцию, обеспечивать их производственными мощностями, сырьем и материалами, обеспечивать условия для выпуска продукции высокого качества и ее своевременную отгрузку;

б) осуществлять прием, увольнение, перевод, повышение квалификации рабочих и служащих завода;

в) организовывать труд рабочих и служащих, чтобы каждый имел возможность работать высокопроизводительно в соответствии со своей квалификацией и специальностью;

г) создавать условия для роста производительности труда, повышения качества работы, распространения передового опыта, внедрения достижений науки и техники, передовой технологии;

д) обеспечивать всем работающим безопасные условия труда, исключающие производственный травматизм и профессиональные заболевания;

ж) осуществлять мероприятия по социальной защите трудящихся, предусмотренные Договором, при наличии финансовой возможности.

В вопросах заработной платы администрация была обязана:

а) обеспечивать минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством РФ (максимальный размер оплаты ограничивался наличием собственных средств);

б) ежеквартально уточнять темпы роста зарплаты и цен на основные продовольственные и промышленные товары и повышать заработную плату не менее, чем на 80% от темпа роста цен, официально объявленных Правительством.

Администрация предприятия оставляла за собой право устанавливать, по соглашению с профсоюзным комитетом, неполную рабочую неделю или неполный рабочий день при снижении спроса на выпускаемую продукцию и уменьшении объема ее выпуска.

Рабочие и служащие трудового коллектива, согласно договору, были обязаны:

а) добросовестно, качественно, в заданные сроки выполнять свои трудовые функции, повышать производительность труда;

б) соблюдать трудовую и производственную дисциплину, правила внутреннего распорядка, распоряжения администрации;

в) бережно относиться к оборудованию, инструменту, экономно расходовать энергоресурсы;

г) не допускать хищения собственности завода и личного имущества работников;

д) при неполной загруженности по основному месту работы выполнять другую работу по требованию администрации в интересах трудового коллектива завода;

е) нести материальную и административную ответственность за допущенный брак в установленном законодательством порядке.

Защита интересов коллектива и контролирующие функции вменялись в обязанность профсоюзному комитету АО ВЛМЗ:

а) проводить работу по защите экономических и профессиональных интересов работников завода, заслушивать представителей администрации на своих заседаниях;

б) обобщать и формировать требования рабочих для включения их в коллективный договор;

в) содействовать администрации в выполнении производственной программы и обеспечении дисциплины труда;

г) при возникновении трудовых споров и конфликтов представлять интересы рабочих и

служащих и вести переговоры с администрацией от их имени;

д) проявлять заботу о благосостоянии семей работников завода, пенсионеров и инвалидов. [5].

Таким образом, взятый нами в качестве примера коллективный договор (наиболее типичный из всех изученных нами) был направлен в основном на сохранение минимальных социальных гарантий коллективу в условиях всеобщей нестабильности производства. Однако позитивная практика партнерства работников и работодателей, осуществляемая через коллективные договоры, не должна ограничиваться лишь «защитными» гарантиями, которые администрация представляет трудовому коллективу в обмен на его полное устранение от решения важнейших вопросов производства. Проблематичной является в рассмотренном примере и роль профсоюза предприятия, который теоретически в конфликтных моментах должен принимать сторону коллектива, но фактически – зависим от администрации (т. к. мер, обеспечивающих независимость профсоюза, в коллективном договоре предусмотрено не было). В результате, достаточных условий для полноценных равноправных трудовых отношений договор не создавал.

Но даже такие договоры были редкостью: в 1996 г. в Волгоградской области коллективные договоры были заключены на 4,2% предприятий, в 1997 г. – на 7% [2].

Одним из важнейших препятствий в практике коллективного договора была нечеткая проработка его системы в федеральном законодательстве. Несмотря на то, что коллективные договоры упоминались в сорока статьях Трудового кодекса Российской Федерации, обязательность его наличия на предприятии в законодательстве ясно отражена не была. Это сказывалось и на качестве выполнения существовавших договоров. Неисполнение работодателями основных статей договора стало массовым явлением: не вовремя выплачивалась заработная плата, не соблюдались нормативы охраны труда, свертывались социальные программы.

Однако ущемление прав работников происходило не только в результате нарушения работодателями своих обязательств, а нередко уже в процессе составления коллективных договоров. К примеру, в 1996 г. Гострудинспекция Волгоградской области в ходе проверки фактического содержания и исполнения колдоговоров выявила на 100 предприятиях включение в договоры незаконных пунктов, ухудшавших положение работников [1]. При этом в течение года от профсоюзных организаций предприятий не поступило ни одного заявления в трудинспекцию или суд о привлечении работодателей к ответственности.

Местные власти многих регионов, постоянно сталкиваясь с острыми социальными конфликтами, на практике приходили к необходимости содействия процессу гармонизации социальных интересов. К примеру, сверхвысокие доходы руководителей предприятий при многомесячных задержках выплаты заработной платы рядовым работникам в Самарской области побудили Администрацию области принять специальное постановление. Оно регламентировало максимальные заработки руководства и ставило их в прямую зависимость от прибыли предприятия и средних зарплат рабочих: от 5 до 16 тарифных ставок в зависимости от размеров производства. Постановление распространялось как на государственные предприятия, так и на АО, где имелись государственные пакеты акций [4, с. 2].

Администрация Саратовской области в условиях угрозы забастовок на многих предприятиях совместно с профсоюзами организовывала консультации представителей объединений промышленников и профсоюзов предприятий Саратова. С целью улучшить ситуацию с выплатой зарплат работникам промышленности администрация со своей стороны пошла на пересмотр системы местных налогов, выделяла ссуды предприятиям на выплату заработной платы [9].

Наиболее последовательно идея сотрудничества работодателей, трудящихся и властных органов впервые воплотилась в трехстороннем соглашении, заключенном между правительством, профсоюзами и предпринимателями (работодателями) г. Москвы на 1993 год. Документ предусматривал регулирование важнейших социальных вопросов: оплаты и условий труда, социальной защиты, занятости в конкретных условиях кризисной экономики. Трехстороннее соглашение между правительством, профсоюзами и предпринимателями (работодателями) г. Москвы, заключенное на 1993 год, в области регулирования оплаты труда

предписывало сторонам совместно ежеквартально определять и публиковать прожиточный минимум по г. Москве. Со стороны работодателей: обеспечивать выплату минимальной заработной платы работникам за полный рабочий день не ниже прожиточного минимума; обеспечивать ежеквартальный пересмотр и введение в действие размеров оплаты труда в соответствии с решениями правительства; выплачивать заработную плату своевременно, в случае задержки компенсировать с учетом индекса цен; согласовывать с профсоюзами все изменения систем или норм оплаты труда. Со стороны профсоюзов: содействовать конструктивному урегулированию конфликтов, возникающих по поводу оплаты труда.

Предполагалось, что выплата минимальной заработной платы не ниже прожиточного минимума должна обеспечиваться на предприятиях и регулироваться коллективным договором. Естественно, при наличии у предприятия средств. В случае их нехватки программу максимального приближения зарплаты к прожиточному минимуму должны были осуществлять совместно администрация города и профсоюзы.

В области охраны труда соглашение предусматривало следующие меры. Со стороны правительства: вводить экономические и правовые санкции для предприятий независимо от форм собственности, за необеспечение ими норм и правил в области безопасности труда и экологии; оказывать помощь предприятиям города, находящимся по независящим от них причинам в сложном финансовом положении, в осуществлении мероприятий по улучшению условий и повышению безопасности труда. Со стороны предпринимателей (работодателей): принимать на своих предприятиях меры по сокращению вредного производства; обеспечивать беспрепятственный допуск на свои предприятия технической инспекции труда профсоюзов. Со стороны профсоюзов: контролировать ход выполнения мероприятий по охране труда, включенных в коллективные договоры предприятий.

В области обеспечения занятости населения Соглашение содержало следующие обязательства. Со стороны правительства: реализовать городскую программу занятости, создать Молодежную биржу труда, центр по трудоустройству уволенных в запас офицеров, ежеквартально публиковать данные о состоянии рынка труда, предоставлять льготы предприятиям, использующим труд лиц с ограниченной трудоспособностью, формировать с учетом возможностей городского бюджета госзаказ для конверсионных и ряда других предприятий, испытывающих недостаток объема работы. Со стороны предпринимателей (работодателей): обеспечивать отчисления в фонд занятости населения г. Москвы, заранее предоставлять информацию о сокращении рабочих мест. Со стороны профсоюзов: оказывать бесплатную правовую помощь в вопросах занятости, осуществлять контроль за соблюдением законодательства по найму, увольнению, предоставлению льгот при трудоустройстве. Стороны совместно обязались участвовать в работе координационного комитета содействия занятости населения.

Широкая программа действий намечалась в области социальной защиты населения (как его трудящихся групп, так и нетрудоспособных). Со стороны правительства: изыскивать бюджетные источники для осуществления доплаты к минимальным пенсиям, стипендиям, пособиям; обеспечивать бесперебойное снабжение населения продовольственными продуктами первой необходимости, производить контроль за качеством ввозимых товаров и соблюдением правил торговли (в организациях всех видов собственности); разработать и реализовать меры стимулирования (льготное кредитование, налогообложение, арендная плата) предприятий и учреждений, оказывающих населению социально значимые услуги; бесперебойно финансировать строительство жилья по муниципальному заказу; не допускать передачи коммерческим структурам зданий, в которых расположены учреждения культуры, искусства, спортсооружения. Со стороны правительства и предпринимателей (работодателей): обеспечивать необходимые средства на содержание социальной сферы, социальные выплаты (дотации на питание, приобретение жилья, оплату обучения детей и т. д.) для работников, в том числе бюджетных организаций; не допускать перепрофилирования в связи с приватизацией магазинов и предприятий службы быта, обеспечивающих первоочередные потребности горожан. Со стороны предпринимателей (работодателей): силами банков расширять номенклатуру оказываемых населению сберегательных и других услуг; оказывать материальную помощь неимущим, финансировать социальные про-

граммы для них. Со стороны профсоюзов: осуществлять контроль за выплатой компенсации семьям с детьми на предприятиях и в организациях; содействовать выполнению утвержденной правительством г. Москвы Программы обеспечения медицинской помощью населения; финансировать санаторно-курортное обслуживание трудящихся [13, с. 12–14].

Таким образом, принятый документ предусматривал чрезвычайно наполненную и многообразную деятельность по гармонизации социальных интересов в обществе со стороны работодателей, профсоюзов, государства. Этот подход концептуально был наиболее близок модели трипартизма в социальном государстве. Кроме того, в условиях кризиса и постоянного ухудшения уровня жизни трудящихся, попытка мирного конструктивного урегулирования конфликтов выгодно отличалась на фоне захлестнувших страну и еще более ослаблявших экономику забастовок.

Контроль за выполнением Трехстороннего соглашения осуществляли профсоюзы, регулярно освещая в своих печатных органах (прежде всего в газете «Солидарность») ход решения тех или иных проблем. В октябре 1993 г. руководитель Московской Федерации профсоюзов М. Шмаков сделал вывод, что трехстороннее соглашение московского правительства, профсоюзов и предпринимателей (работодателей), принятое на 1993 г., в основе своей выполняется. Об этом свидетельствовала, по его мнению, прежде всего средняя заработная плата, которая в Москве была выше российского показателя, особенно в тех отраслях и сферах, которые «подпитывались» местным бюджетом. Тогда как на предприятиях, зависящих от федерального финансирования, в большинстве положение было кризисное [12, с. 2].

Попытки организовать партнерство работодателей, профсоюзов и администрации на местном уровне осуществлялись в этот период и в ряде других регионов страны. В 1993 г. усилиями представителей промышленности, строительства, науки, профсоюзных организаций и главы администрации Саратовской области была разработана программа, предусматривавшая стабилизацию социально-экономического положения в области и согласование интересов работодателей и трудящихся при участии местной власти. Эта программа была одобрена президентом РФ и утверждена правительством. Однако выполнение ее постоянно срывалось из-за разногласий между представителем президента и администрацией Саратовской области [8].

Аналогичные попытки предпринимались администрацией Волгоградской области. Проект долгосрочной программы социально-экономического развития области, разработанный администрацией совместно с профсоюзами в конце 1992 г., предусматривал коллективное решение проблем выхода из кризиса, развития производства, заработной платы, занятости [6, с. 36–44].

Однако большинство положений программы, касавшихся социального партнерства, остались проектами. Как представляется, одной из основных причин этого была неясность прав, обязанностей, функций участников партнерских отношений, степени и характера вмешательства местных властей в отношения наемного работника и работодателя.

В феврале 1993 г. президиум Федерации независимых профсоюзов России выступил с предложением разработки Социального пакта, «основанного на уважении законных интересов большинства народа». ФНПР предлагала перейти к новому экономическому курсу, отвечающему «реальным потребностям и возможностям народного хозяйства. Предусматривалось партнерство органов представительной и исполнительной власти, руководства ведущих отраслей промышленности и профсоюзов для выработки антикризисных мер, стабилизации рубля, обеспечения контроля над ценами и заработной платой, стимулирования роста производства, сохранения промышленного потенциала России» [10, с. 3].

В результате этой инициативы появилось Генеральное Соглашение между Правительством, профсоюзами и предпринимателями Российской Федерации на 1994 г., [3] в основных вопросах аналогичное Трехстороннему соглашению между Правительством, профсоюзами и предпринимателями г. Москвы на 1993 г., опыт которого был в целом удачным.

Попытка налаживания партнерства между работодателями, наемными работниками (в лице профсоюзов) и государством на общероссийском уровне шла значительно менее успешно. В наибольшей степени не соответствовала принятым в Генеральном соглашении обязательствам политика правительства страны в во-

просах соотношения прожиточного минимума и минимальной оплаты труда. Профсоюзы неоднократно выступали с требованием решения вопроса о минимальной заработной плате. ФНПР расценивала сложившееся положение с минимальной оплатой труда как невыполнение Генерального соглашения правительства, профсоюзов и предпринимателей на 1994 г. о максимально возможном приближении минимальной зарплаты к прожиточному минимуму. Аналогично Федерация независимых профсоюзов оценила принятие Государственной Думой закона о минимальной заработной плате, которая устанавливалась в четыре раза ниже размера официального прожиточного минимума.

Предприниматели страны также не проявляли должной активности в реализации своих обязательств, заложенных в Генеральном Соглашении: опыт своевременной индексации ими заработной платы своим сотрудникам, адресных капиталовложений на создание новых рабочих мест, использования труда инвалидов в 1994 г. был единичным.

Генеральное Соглашение 1994 г. предусматривало предварительное обсуждение и согласование важнейших социальных законопроектов. С этой целью и была создана Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений (РТК). Но в реальности профсоюзы получали документы уже практически в готовом виде, а внесенные ими коррективы лишь принимались к сведению и далеко не всегда учитывались. Так, без полноценного участия профсоюзов разрабатывался проект нового КЗОТа, постановление «О мерах по обеспечению занятости населения» и ряд других социальных законопроектов. На заседании Трехсторонней комиссии в мае 1994 г. правительственная сторона отказалась обсуждать вопросы о повышении минимальной оплаты труда и о неплатежах предприятий, внесенные профсоюзами. В то же время деятельность Трехсторонней комиссии сделала ряд ценных наработок. Несколько решений РТК были направлены на совершенствование системы налогообложения: дифференцированные ставки налогообложения юридических лиц, освобождение от налогов инвестиционных вкладов в приоритетные производства и др.

Таким образом, в 1990-е годы проблема гармонизации интересов работодателей и работников наемного труда была одной из острейших социальных проблем в стране. Расчеты на спонтанные рыночные силы как главный регулятор социально-трудовой сферы в российских условиях себя не оправдали.

В странах с развитой моделью социального рыночного хозяйства система социального партнерства не исчерпывается взаимоотношениями работодателя и наемного работника на предприятии, а включает несколько уровней: общенациональный, отраслевой, территориальный и непосредственно производственный (в рамках предприятия). Важным субъектом в организации общественных отношений выступает государство, поэтому работа по поддержанию социального консенсуса осуществляется на принципах трипартизма, совместно тремя силами: трудящимися (в лице профсоюзов), собственниками средств производства, государством. Опыт развития социального партнерства в России 1990-х гг. также свидетельствует о пагубных последствиях недооценки роли государства в регулировании социально-трудовых отношений. Государственное управление социально-трудовой сферой является неотъемлемой частью внутренней политики социального государства, частью, которая обеспечивает достойный уровень жизни наемных работников и их семей, способствует гармонизации интересов различных социальных групп современного общества.

Библиографический список

1. Волгоградская правда. – Волгоград: Изд-во «Волгоградская правда». – 1997. – 19 февраля.

2. Волгоградская правда: Волгоград: Изд-во «Волгоградская правда». – 1998. – 16 января.

3. Генеральное соглашение между Правительством, профсоюзами и предпринимателями Российской Федерации на 1994 год. [Текст]. – М.: Изд-во полит. лит., 1994.

4. Деловой мир. – М.: Изд-во консорциума «Деловой мир», – 1994. – №251. – С. 3.

5. Коллективный договор ВЛМЗ на 1996 год // Областной Совет профсоюзов Волгоградской области. Отдел труда и заработной платы.

6. Программа социально-экономического развития Волгоградской области на 1992 г. Проект: – Волгоград: Издательский отдел Волгоградинформпечати, 1992.

7. Рабочая трибуна. – М.: Изд-во «Рабочая трибуна», – 1994. – 25 февраля.

8. Саратовские вести. – Саратов: Изд-во «Саратовские вести». – 1994. – 8 февраля.

9. Саратовские вести. – Саратов: Изд-во «Саратовские вести». – 1994. – 26 февраля.

10. Солидарность. – М.: Изд-во ФНПР. – 1993. – №4 (53).

11. Солидарность. – М.: Изд-во ФНПР. – 1993. – №22 (71).

12. Солидарность. – М.: Изд-во ФНПР. – 1993. – №23 (72).

13. Трехстороннее Соглашение между правительством, профсоюзами и предпринимателями г. Москвы на 1993 год. [Текст]. – М.: Изд-во полит. лит., 1993.

УДК 34.028.6
ББК 74.58

МАНИЛОВЩИНА И ЕВРОПЕЙНИЧАНЬЕ КАК БОЛЕЗНИ РОССИЙСКИХ РЕФОРМАТОРОВ ОБРАЗОВАНИЯ

А.Ф. Поломошнов

Аннотация: Статья посвящена критическому анализу современного курса реформы российского образования в контексте уже пройденных трансформаций и намеченных современными директивными документами перспектив. Автор обращает внимание на проблемы концептуального обоснования российской реформы образования. При характеристике направленности современной реформы образования, автор устанавливает принципиальное противоречие между ее ориентирами и векторами.

Трудности и противоречия неэффективной модернизации российского образования связаны с двумя российскими реформаторскими «болезнями»: 1) маниловщиной и 2) европейничаньем. В статье доказывается тезис о том, что Россия, подражая Западу в формах организации системы образования, не достигнет его образцов и не выстроит таким путем реально конкурентоспособное образование на мировом рынке образовательных услуг. России нужна система образования, обеспечивающая успешный рост собственной российской цивилизации, наращивание ее потенциала, поддержание его на том уровне, который бы позволил России в современном мире не просто выживать, но быть в числе лидеров и обеспечивать социальную справедливость и геополитическую безопасность. Одним из основных условий необходимой коррекции курса российской реформы образования является смена командно-административной модели управления образованием общественно-демократической моделью.

Ключевые слова: реформа образования, российское образование, векторы модернизации образования, целевые ориентиры реформы образования, Болонский процесс.

INACTIVITY AND IMITATION OF EUROPE AS PARTICULAR QUALITIES OF RUSSIAN EDUCATION REFORMERS

A.F. Polomoshnov

Abstract: The article is devoted to the critical analysis of the current course of reform of the Russian education in the context of already passed transformations and planned by the modern directives prospects. The author draws attention to the problems of the conceptual justification of Russian education reform. In characterizing the direction of modern education reform, the author establishes a fundamental contradiction between its landmarks and vectors.

Difficulties and contradictions of the ineffective modernization of Russian education are associated with two Russian reformist "diseases": 1.manilovism and 2.imitation of Europe (evropeynichanye). In this paper is proved the thesis that Russia, seeking to catch up with the West, to imitate him in the forms of organization of the educational system, will don't reach its samples and will don't built by this way the really competitive in the world market of educational services education system. The author argues that Russia needs a system of education that provides its own successful growth of Russian civilization, increasing its capacity to maintain it at a level that would allow Russia in the modern world, not just survive, but to be among the leaders and provide

the social justice and geopolitical safety. One of the basic conditions of the necessary correction of the course of Russian education reform is the replacement of the command-and-control model of education management by the social-democratic model.

Keywords: education reform, Russian education, vectors of modernization of education, education reform targets, the Bologna process.

Курс российской реформы образования, непрерывно идущей с 1991 года, имеет все признаки политического процесса современности. В этом процессе можно выделить три волны: 1) абстрактно-гуманистическую (1991–2003 гг.), 2) болонскую перестройку (2003–2011 гг.), 3) рыночную модернизацию (с 2011 г. по наше время). При этом на каждом из этапов курс реформы российского образования имел проблемы, постоянно корректировался, и никогда не достигались в полной мере поставленные реформаторами позитивные цели. Часто реальные результаты расходились с изначальными целями вплоть до почти полной противоположности. В российской реформе образования четко просматривается путь «… от самобытной, передовой, высокоэффективной, гуманистической советской системы образования к неэффективной, дегуманистической утилитарно-рыночной системе образования» [8, с. 121].

И в настоящий момент курс российской реформы образования остается острой социально-политической проблемой России. Не случайно на пленарном заседании X съезда Российского союза ректоров В.В. Путин отметил: «Система высшего образования была и остается мощным интеллектуальным ресурсом страны, она генерирует новые знания – и, разумеется, для этого и создавалась: готовит кадры для всех сфер жизни России» [2]. В контексте высказываний Президента РФ председатель этого форума В. Садовничий сформулировал знаменательные вопросы: «Главный вопрос нашей повестки дня: каким путем идти дальше нашей высшей школе? Требуются ли поправки к некоторым траекториям нашего движения? Что мешает нам более эффективно работать? И, главное, какую ответственность мы можем и должны взять на себя?» [2].

Концептуальное обоснование реформы – важнейший, ключевой ее элемент. Оно содержит в себе оценку наличного состояния системы образования, анализ причин его недостатков и путей их исправления, определение образовательного идеала, обоснование методологии реформ, формулировку необходимых ресурсов, стратегии и тактики реформы, установление субъектов реформы и их мотивацию. Концепция реформы в нормальном случае прорабатывается, во-первых, с обязательным реальным участием педагогической общественности, во-вторых, не в ходе и не после, а перед самой реформой.

Если говорить о российской реформе образования, то оба этих условия соблюдены не были. Когда в 1990-х годах начиналась реформа российского образования, концептуального обоснования реформы не было, как не было его и при переходе в середине 2000-х годов на болонский зигзаг. Собственно, отсутствует внятное концептуальное обоснование российской реформы образования и на современном его этапе. И эта странная ситуация не изменится до тех пор, пока определять курс реформы будут чиновники Минобразования, следуя директивным указаниям политических акторов, принципиально отстраняя от участия в определении курса реформ педагогическую общественность.

Когда мы говорим об отсутствии концептуального обоснования российской реформы образования, мы имеем в виду, что оно не было внятно сформулировано главным субъектом реформы – Министерством образования в его директивных документах. Однако формальное отсутствие концептуального обоснования не означает, что его не было вообще. Негласно или на уровне подсознания реальное концептуальное обоснование у российской реформы образования и ее зигзагов все-таки было, хотя и весьма сомнительного качества. Это обоснование мы и подвергнем анализу, насколько его можно реконструировать по контексту проводимых реформ.

По контексту реальных действий российских реформаторов образования их представление о концепции реформ основано, образно говоря, на трех слонах: 1) образование – локомотив реформаторской модернизации общества; 2) европейничанье; 3) западная интеграция (интеграция российского образования в Западное образовательное пространство). И все «слоны» с принципиальным дефектом. Причем эти

«слоны» в снятом виде содержат в себе историю зигзагов российской реформы образования.

Рассмотрим каждый из концептуальных столпов российской реформы образования детально. **Начнем с тезиса об образовании как локомотиве модернизации российского общества.** Главный посыл реформаторов таков: чтобы быть конкурентоспособными в современном мировом экономическом и культурном порядке, России нужно иметь модернизированную экономику и модернизированное образование, которое должно дать кадры и технологии для модернизации экономики. Т.о. модернизация образования – условие модернизации общества и экономики. Вот, например, прекраснодушные мечтания одного из вождей реформы образования первого этапа (1990-е гг.) Э.Д. Днепрова: ***«Две главные исходные посылки лежат в основе образовательной реформы в России. Первая***: новое общество нельзя построить на фундаменте старой школы. ***И вторая***: образование – не только ведущий фактор развития человека и человеческих ресурсов (единственных ресурсов, которые неисчерпаемы и которые представляют основной золотой запас России), но и в решающий фактор развития общества, проведения радикальных реформ во всех сферах жизни.

Сегодня мы строим мост от боковой и тупиковой ветви цивилизации к ее магистральному пути. Образование – одна из основных несущих конструкций этого моста» [4].

Вот продолжение на тему идеалистических, маниловских упований Днепрова на опережающее развитие образования по отношению к социальным реформам. «В стратегическом плане динамичное и опережающее развитие образования, – пишет автор, – важнейший компонент общих социально-экономических реформ. Но не менее важна роль образования и в тактическом плане – в плане его способности содействовать этим реформам, продвигать их вперед» [4].

Все эти кажущиеся верными рассуждения при соотнесении их с реальной ситуацией в стране и, особенно, в экономике, оказываются прекраснодушными мечтаниями в духе традиционной российской маниловщины. Маниловщина – символ пустого прожектерства, беспочвенно-мечтательного, оторванного от реальной действительности отношения к окружающему, пустого фантазерства, беспринципного благодушия. Наши реформаторы образования преуспевают в одном – в рисовании воздушных замков и миражей. Вопрос только в том, искренне ли верят в них те, кто их рисует, или же они сознательно обманывают публику, маскируя прекрасными миражами свои подлинные деструктивные замыслы и планы? В случае с нашими реформаторами образования, очевидно, что среди них есть и искренние маниловцы и притворные маниловцы и различные типы и пропорции их смесей.

Погружаясь в миражи маниловщины, наши реформаторы забывают, что модернизированное образование невозможно, если нет модернизированной экономики, и пока ее не будет, модернизировать образование невозможно. Получается замкнутый круг или логический тупик.

Выход из него состоит в том, чтобы поставить проблему иначе: нужно вести речь не об опережающей модернизации системы образования или социально-экономической системы страны, а об одновременной и согласованной их модернизации, чтобы они друг другу соответствовали и соответствовали реальному потенциалу страны и ее интересам, обеспечивали модернизационный рост страны и ее конкурентоспособность.

Но так вопрос почему-то реформаторы принципиально не ставят. А не ставят потому, что исходная посылка о прогрессивности капиталистических реформ в России и о неэффективности советской системы образования несостоятельна. Если исходить из истинных посылок, т.е. из фактических результатов реформ, то речь нужно вести не о модернизации общества и системы образования, а о смене курса реформ, о восстановлении утраченного потенциала и исправлении пути.

Образование не может не соответствовать существующей системе. Деградационная социально-экономическая система, выстроенная реформаторами, ведет неизбежно к деградации образования. Здесь мы можем сослаться на собственный диагноз российской реформы образования, сделанный нами на основе ее детального мониторинга еще в 2010 году: «… конструктивная модернизация высшего образования в современных условиях, существующих в стране, и при современных административно-принудительных методах модернизации невозможна.

… Курс реформаторов на переход на всеобщее платное высшее образование и привлечение к финансированию высшего образования частного бизнеса оказывается неэффективным и порочным. Он ведет к еще большему падению качества высшего образования и разрушению всей системы высшего образования.

Практически все административно-принудительно навязанные нашему высшему образованию новации, выдаваемые их инициаторами за модернизацию высшего образования, на самом деле деструктивны и порождают массу проблем, а также растущее возмущение всей российской педагогической общественности» [14, с. 213].

Российская система образования в ее современном состоянии, до которого его довели реформаторы, никак не способна быть локомотивом модернизации общества.

Теперь рассмотрим тезис о заимствовании Россией лучших западных, европейских образовательных образцов и моделей построения системы образования, другими словами, концептуальную установку **западнизации** российского образования. Этот ключевой тезис о необходимости обязательной западнизации российского образования, в худших традициях наших реформаторов, не был обоснован никак и ничем. Кроме неявной и крайне сомнительной, чтобы не сказать, откровенно ложной, посылки о том, что, дескать, российская система образования хуже западной, что Западная система образования является мировым лидером и образцом для подражания.

Опять-таки, в худших российских традициях, уже после того, как фактически втайне от педагогической общественности, страна подписала документы о вступлении России в болонский процесс, и после того, как начались болонские реформы, появилось множество публикаций инициаторов и апологетов болонской ломки российского образования, живописующих мнимые преимущества западнизации российского образования. Вот, например, описание задним числом гипотетических плюсов болонской перестройки из уст бывшего министра образования РФ В.М. Филиппова:

«● Российское образование стало более адекватным реальным вызовам глобализации, вместе с остальными европейскими странами Россия полноправно участвует в создании транснациональной общеевропейской системы образования – единого пространства высшего образования.

● БП позволил оценить состояние высшего образования в России по «гамбургскому счету». Действительно, если в России реально функционирует достаточно эффективная и конкурентоспособная система высшего образования, то она смогла бы подтвердить этот статус и авторитет России. Система станет более открытой благодаря реализации программ академической мобильности студентов и преподавателей как зарубежных, так и отечественных.

● В связи с ожидаемым ростом конкурентоспособности европейского высшего образования может вырасти и конкурентоспособность российской высшей школы…

● В России будет расти престижность высшего образования, в частности, под влиянием возможности найти высокооплачиваемую работу в Европе по специальности – у молодежи появится дополнительный стимул для обучения в вузе.

● Возможное улучшение состояния российской науки – через усиление научно-исследовательского потенциала вузов, через их плановое участие в совместных с европейскими университетами программах исследований.

● БП должен привести к увеличению масштабов и подъему качества владения российскими преподавателями и студентами иностранными языками.

● Пропаганда российской культуры также является несомненной выгодой от БП.

● БП также способствует гибким, конкурентоспособным, эффективным, экономическим отношениям. В контексте вступления России в ВТО в стране появится заметное количество европейски образованных экономистов и бизнес-менеджеров» [15].

Нам же приходится констатировать, что в болонский период российского образования можно обнаружить: «… 1) образовательную дискриминацию под видом диверсификации образования, 2) социальную поляризацию и сегрегацию образования, 3) падение качества педагогических кадров, 4) деградацию материально-технической базы образования, 5) сверхэксплуатацию педагогического труда, 6) падение качества образования, 7) элитаризацию образования, 8) коммерциализацию образования, 9) социальную дезинтеграцию образования» [10, с. 165].

В основе болонского зигзага западнизации лежит рецидив тяжелой российской национальной болезни, берущей начало со времен Петра I – болезни «европейничанья». Еще в XIX веке Н.Я. Данилевский выделял три формы европейничанья: «1. Искажение народного быта и замен форм его формами чуждыми, иностранными; искажение и замен, которые, начавшись с внешности, не могли не проникнуть в самый внутренний строй понятий и жизни высших слоев общества – и не проникать все глубже и глубже.

2. Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву – с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо.

3. Взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, рассматривание их в европейские очки, так сказать в стекла, поляризованные под европейским углом наклонения, причем нередко то, что должно бы нам казаться окруженным лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и темнотою, и наоборот» [3, с. 298].

Тезис Данилевского о невозможности эффективной пересадки на русскую почву социокультурных институтов Запада совершенно точно описывает результат болонской ломки российского образования. Ведя речь о европейских институтах и новшествах, автор утверждает, что они «… у нас не принимаются, засыхают на корню и беспрестанно требуют нового подвоза: и, напротив того, тот же опыт достаточно красноречиво говорит, что те изменения в нашей общественной и государственной жизни, которые вытекают из внутренних потребностей народных, принимаются необыкновенно успешно и скоро так разрастаются, что заглушают чахлые пересадки» [3, с. 308–309].

Не в бровь, а в глаз бьют нынешним болонским реформаторам слова Данилевского о недопустимости преклонения перед иностранным общественным мнением. «Самый общий вид его, – пишет исследователь, – по-видимому, менее зловредный, в сущности же гораздо опаснейший их всех, есть наше балансирование перед общественным мнением Европы, которую мы признали своим судьей, перед решением которого трепещем, милость которого заискиваем. Такое отношение к иностранному общественному мнению, даже если бы оно не было радикально-враждебно всему русскому, не может не лишить нас всякой свободы мысли, всякой самодеятельности» [3, с. 324].

Общий диагноз опасности европейничанья, поставленный Н. Данилевским лишний раз иллюстрируется примером болонской ломки российского образования. «Болезнь эта в целом препятствует осуществлению великих судеб русского народа и может, наконец (несмотря на все видимое государственное могущество), иссушив самобытный родник народного духа, лишить историческую жизнь русского народа внутренней зиждительной силы, а, следовательно, сделать бесполезным, излишним самое его существование, – ибо все лишенное внутреннего содержания составляет лишь исторический хлам, который собирается и в огонь вметается в день исторического суда» [3, с. 330].

Нам нечего добавить к этому диагнозу, кроме уточнений самого Данилевского: «Болезнь эта тем более ужасна, что придает вид дряхлости молодому облику полного жизни русского общественного тела и угрожает ему если не смертью, то худшим смерти – бесплодным и бессильным существованием» [3, с. 293].

Ложные посылки лежат в основе замысла перестройки образования по западным образцам. Во-первых, считается, что эти образцы лучшие и превосходят российскую систему, на самом деле это не так. Во-вторых, считается возможным перенести западные модели на российскую почву. Но это принципиально невозможно, тем более что в России нет западной социально-экономической системы, составляющей цивилизационную основу для этих моделей. Перекраивать отечественное образование по западным образцам сомнительного качества – это все равно, что пересаживать эндемичное растение в неподходящую почву или вообще без почвы. Такое агрономическое «новаторство» обречено на провал. Здесь вполне уместны общие замечания Б.В. Сазонова по поводу попыток прямого копирования чужих социально-культурных форм: «На первом этапе обсуждения процессы модернизации понимались как перенос передовых технологий в отсталые страны, подкрепленный инвестициями со стороны образцовых стран. Исторический прогресс при этом рассматривался линейным и однонаправленным в том смысле, что все догоняющие страны должны были пройти по стопам стран передовых… Попытки лобового пе-

реноса технологий приводили либо к отказу от их реципиирования, либо к непредвиденным и тяжелым социальным и культурным последствиям для реципиентов» [13].

Второй порок европейничанья наших реформаторов образования – догоняющая модель модернизации образования. Догоняя, мы заранее помещаем себя в логический тупик парадокса Ахиллеса и черепахи. Б.В. Сазонов очень точно разоблачает порочность «догоняющей модели» модернизации российского образования: «Подлинная модернизация состоит не в том, чтобы догнать и воспроизвести определенный (сегодняшний) уровень организации образования в этих странах, а в том, чтобы освоить инновационные механизмы развития производства и общества в целом, включая систему образования…. Инновационная идеология и практика требуют также, чтобы это развитие было опережающим по отношению к другим, конкурирующим системам образования. Из этого следует, что каждая наличная ситуация должна быть признана в качестве неудовлетворительной по отношению к проектируемой будущей ситуации» [13].

Мы полностью согласны с замечанием Сазонова о том, что сам термин «модернизация» образования, выбранный реформаторами сегодня для обозначения общего курса реформы образования, является сомнительным. «Термин «модернизация», – считает автор, – является не самым удачным, поскольку он акцентирует именно составляющую «догнать!», тогда как ставится, по сути дела, задача быть впереди в области образования и, тем самым, в тех областях, которые оно призвано обслуживать» [13].

На самом деле речь надо вести не о том, чтобы догнать или копировать чужое, а о том, чтобы создать свое, конкурентоспособное, опережающее чужое, какой была в свое время советская система образования. Но это предполагает и изменение нынешней неэффективной деградационной социально-экономической системы чиновничье-олигархической сырьевой экономики.

Разберем третьего концептуального «слона» наших реформаторов – тезис о необходимости обязательной **интеграции** российской системы образования в **европейское образовательное пространство**. Этот тезис, впрочем, идет в тесной связке с предыдущим тезисом западнизации российского образования.

Почему-то наши реформаторы решили, что наша главная цель в реформе образования: интеграция в европейское образовательное пространство, чтобы, создав по западным образцам свою систему, стать конкурентоспособными на мировом рынке образования и выйти на него. Зачем нам это? И кто нас туда пустит? Путем неэффективного подражания худшим образцам и отказа от своих преимуществ, мы никогда этих целей не достигнем. Практика экономических санкций 2014 года и усилия Запада по политической изоляции России являются наилучшим доказательством бесперспективности западнизации образования.

Интегрироваться туда нам, во-первых, не позволят сами европейцы, которым не нужны лишние конкуренты, во-вторых, с нашим состоянием экономики и соответствующей системой образования мы и сами не сможем туда эффективно интегрироваться при всех наших благих желаниях и потугах. Уже более десяти лет идет в России болонская ломка системы образования. Однако факты говорят о том, что нам не удалось, да и вряд ли в обозримой перспективе удастся интегрироваться в европейскую систему образования на правах конкурентоспособного равноправного партнера. Не случайно из всех аспектов болонского процесса в России хуже всего дела обстоят с академической мобильностью студентов и преподавателей.

Прежде чем культивировать одержимое стремление к европейской интеграции, нашим реформаторам следовало бы задать себе вопрос: нужна ли нам вообще интеграция ради интеграции?

Ответ очевиден: совершенно не нужна, тем более сопряженная с тем, что мы пляшем под чужую дудку болонских лекал. Нам нужно создать свою эффективную и конкурентоспособную систему образования для собственных нужд, чтобы обеспечить исторический прогресс своей страны. Эта конструктивная задача подменяется деструктивной и заранее обреченной на провал задачей европейской интеграции российского образования.

Мы не просто смотрим в рот Европе, но и хотим туда влезть, игнорируя свои цивилизационные интересы и самобытность. Но нас там не ждут и туда не пустят, и никогда Россия не станет Европой. Это две разных цивилизации. И какая лучше, еще большой вопрос.

Итак, нам пора подвести некоторые итоги анализа концептуального обоснования российской реформы образования. Выводы эти таковы. Первое: внятное и четкое концептуальное обоснование российской реформы образования на всех ее этапах не предшествует реальным реформам, а частично формулируется в отрывочной форме и частично выступает в неявной форме, уже после проведения радикальных реформаторских действий. Т.е. телега ставится впереди лошади, а потом мы удивляемся, что птица-тройка российского образования никак не тронется с места.

Второе: концептуальное обоснование российской реформы образования во всех ее зигзагах является логически несостоятельным, противоречит фактам и реалиям российского общества, не выражает цивилизационных интересов страны и народа.

Третье: наши реформаторы образования тяжело больны болезнями маниловщины и европейничанья. И это, в дополнение к общей цивилизационной стагнации страны, является одним из основных факторов фактической деструктивности реформы образования. Вряд ли нынешние вожди реформы – чиновники Минобра и их интеллектуальная обслуга из «близкого круга» московских вузов способны излечиться от этих болезней.

Лечение этих болезней мы видим в том, чтобы принципиально изменить саму методологию российской реформы образования. Курс реформ должна определять педагогическая общественность страны, опираясь на отечественный образовательный опыт и цивилизационные интересы России. «Система образования не может быть лучше общей социальной системы. … Административными принудительными методами хорошо ломать, но не строить» [12, с. 162].

Сама жизнь разоблачает концептуально ложные обоснования реформаторов образования. Они вынуждены признавать фактическую деградацию образования, но не хотят связать ее с неэффективной социально-экономической и политической системой, в связке с которой и деградирует неизбежно образование. На третьей стадии реформы российского образования обнаруживается основное противоречие «… между декларативной гуманистической идеологией реформы и реальной деградацией российской педагогической системы» [7, с. 127].

Реформаторы образования не хотят признать, что деградация образования – плод, в том числе, и их порочного курса реформ образования. Чтобы как-то связать миражи ориентиров с реальными векторами реформы образования, курс реформы образования с реальным социально-экономическим состоянием страны, они в последнее время начинают говорить о соответствии системы образования потребностям страны и граждан.

В концептуальном обосновании реформы образования на современном этапе появляется новый нюанс или акцент. Оценить этот нюанс достаточно сложно. Его главная особенность – вопиющая лицемерность. В чем она выражается? С одной стороны в программных документах реформы актуализируется показное демонстративное обоснование: образование – локомотив модернизации. Маниловщина здесь цветет бурным цветом. Действительность видится в исключительно розовых очках. Здесь мы вновь сошлемся на полученные нами в предыдущих исследованиях результаты. В третьей волне апологетики российской реформы образования «… на смену идеалистическим версиям приходят сугубо прагматические, если не сказать цинические» [10, с. 29].

За реальными действиями и планами реформаторов обнаруживается совсем другое – реалистическое цинично-ликвидаторское обоснование и направленность реформ. По замыслу реформаторов образование должно соответствовать существующей социально-экономической системе, а поскольку она имеет слабые показатели, то нужно довести до соответствующей степени деградации и образование путем секвестра: сократить количество образовательных учреждений, и особенно вузов в три-пять раз, сократить соответственно количество педагогов и учащихся. Можно констатировать, что российские власти, являющиеся главными и единственными субъектами педагогической реформы, … перешли к открытому прагматизму при определении общего смысла и курса дальнейшей педагогической реформы» [9, с. 126].

Неуклюже соединяя оптимистичное показное обоснование с крайне пессимистичным реальным обоснованием, наши реформаторы образования на современном этапе производят своеобразного логического монстра. Поскольку экономика страны имеет серьезные проблемы,

чего реформаторы в принципе не признают, постольку предполагается реальный секвестр системы образования. В этом нюанс современной коррекции курса реформы образования. Стагнацию экономики выдают за модернизацию, а фактический секвестр как неизбежный результат стагнации экономики выдается за модернизацию образования. Итак, новый нюанс обоснования реформы образования на современном этапе можно определить как рыночную интеграцию российского образования или интеграцию его в рыночную экономику. Дескать, такая интеграция обеспечит согласованное модернизационное развитие и образования, и экономики. Но рыночная интеграция противопоказана в принципе системе образования. Она будет для нее еще более разрушительной, чем западнизация и евроинтеграция.

Важным моментом, определяющим эффективность реформы образования, является ее методология или стиль. Методология реформы определяется тем, кто выступает в ней активным субъектом, принимающим решения, а кто является пассивным объектом – исполнителем реформаторских новаций. Т.е. тип методологии зависит от характера отношений между государственными органами, управляющими системой образования, управляемыми организациями и работниками системы образования, а также педагогической общественностью, включающей в себя педагогическую науку, учащихся и их семьи, педагогическую журналистику и публицистику.

Возможны две альтернативных модели методологии реформы образования: 1) командно-административная и 2) общественно-демократическая.

Командно-административная модель основана на доминирующей роли чиновников от образования в реформе образования. При этой модели педагогические работники, ученые и широкая педагогическая общественность практически отстранены от обсуждения курса реформ и от принятия реформаторских решений. Им отводится роль статистов-исполнителей принятых в кулуарах Минобра решений, которые нередко не только не учитывают интересов педагогических работников и педагогической общественности, а нарушают эти интересы. Командно-административная модель не предполагает обратной связи между реформаторами и реформируемой системой, а также каких-либо форм общественного контроля за чиновниками-реформаторами или ответственности реформаторов перед педагогическими работниками и педагогической общественностью.

Общественно-демократическая модель предполагает ведущую роль в принятии реформаторских решений самих педагогических работников и педагогической общественности страны. Эта модель предполагает реальную всероссийскую научную и общественную экспертизу проектов реформ, реальное общественное обсуждение альтернативных проектов реформ и их коррекцию, принятие реформаторских решений на всероссийских съездах педагогических работников и педагогической общественности. Роль активных субъектов здесь принадлежит педагогическим работникам, а чиновники от образования, во-первых, подлежат реальной ответственности перед представительными общественными органами, во-вторых, являются лишь исполнителями общественной воли. Эта модель в современных условиях кажется абсолютным идеализмом, но конструктивная реформа образования невозможна другим путем. Командно-административная модель превращает любые реформы в административную ломку и насилие над системой образования и ведет, обычно, даже при самых благих намерениях реформаторов к деструктивным последствиям, что мы и видим на примере российской реформы образования.

Мы уже не раз отмечали неэффективность командно-административной модели реформы российского образования, т.к. «… принимаемые решения часто непоследовательны и внутренне противоречивы. Также нередко инновационные планы по реформированию высшего образования не предусматривают достаточного материального, финансового, кадрового, научного, методического и прочего обеспечения» [5, с. 134]. Педагогическая общественность фактически отстранена не только от принятия решений, но даже и от обсуждения решений по реформе образования. В лучшем случае мы имеем лишь имитацию общественного обсуждения, как в случае с принятием «Закона об образовании» 2012 г.

О необходимости изменения методологии реформы образования пишут и другие исследователи. Например, А. Абрамов вполне обоснованно заявляет: «Ясно, что имеющаяся система

принятия решений, касающихся образования (и не только его!), должна быть оперативно изменена, и самым решительным образом. Ясно также, что при существующей крайне высокомерной и самоуверенной власти, при власти, безответственной и не признающей ошибок в принципе, это не произойдет само собой» [1].

Характерно, что командно-административная модель реформ в связи с объявленной на 2010-е годы сверхзадачей модернизации отечественного образования не только не изменилась в сторону демократизации, а, напротив, стала еще более жесткой. Общеизвестно, что даже такой авторитетный орган как Союз Российских ректоров практически отстранен от участия в определении политики реформирования образования [11, с. 90].

С определением порядка модернизации образования в рамках действующей административно-утилитарной модели также большие проблемы. В намеченных программах модернизации устанавливаются конкретные сроки, этапы. Сам способ реализации намеченных программ модернизации до наивности прост. Реформаторы вообразили, что достаточно просто составить программы, а затем довести их в форме приказов до рядовой педагогической общественности, и она автоматически и послушно все исполнит. Такой способ настолько же наивен, насколько и утопичен. Ведь, он не учитывает, что исполнители реформ – живые люди со своими интересами.

Командно-административная модель реформы образования в принципе не совместима с реальными конструктивными инновационными и модернизационными изменениями в системе образования. «Инновационные процессы, – отмечает Б.В. Сазонов, – никогда не могут быть запушены и эффективно развиваться, если они инициируются только сверху, а не теми базовыми учреждениями, в которых и происходят образовательные процессы, то есть школами» [13].

Не могут педагогические работники, которым заранее отводится роль пассивных исполнителей высших начальственных указаний, осуществлять конструктивную инновационную деятельность. Б.В. Сазонов с пессимизмом смотрит на возможность инновационной деятельности в образовательных учреждениях, которые в своем большинстве находятся под контролем государства. Автор полагает, что «… в рамках такой машины «исполнительские низы» и не могут вести инновационную деятельность, а если кто-то ценой личных усилий пробивается со штучным новшеством, то последнее не может транслироваться «прямо и непосредственно» другим нижним образовательным единицам, а может быть получено ими только при прохождении всей машины сверху – вниз» [13].

Таким образом, при проведении «модернизации» образования сверху, силовым административным давлением и принуждением, никакая модернизация невозможна. Она вызовет лишь отторжение и возмущение педагогической общественности.

Б.В. Сазонов отмечает и еще одну проблему командно-административной модели реформы образования. Проблема искажения смысла и сути реформаторских решений в процессе их административной трансляции. «Образовательная отрасль, – пишет исследователь, – вряд ли узнала что-то новое о себе и о проблемах образования, которые поступили к ней из самых «высших сфер» в виде пакета директивных материалов. … И в связи с этим возникает очень интересный вопрос, в какой мере пришедшие сверху директивные разъяснения и указания уже оказались размытыми на первых этапах реализации» [13].

Наш анализ методологии российской реформы образования мы можем заключить двумя выводами. Первое: командно-административная модель реформы образования и, в особенности, последние ужесточения административного надзора и контроля системы образования не способны в принципе обеспечить крайне необходимую нашему обществу конструктивную модернизацию российского образования. Второе: существует объективная необходимость смены командно-административной модели реформы образования общественно-демократической, если, конечно, мы хотим реальной конструктивной модернизации российского образования. Особенно недопустимым мы считаем административный секвестр государственных вузов России. «Единственный вывод, который можно сделать уже сейчас в связи с кампанией по мониторингу вузов и проблемой совершенствования этой процедуры, состоит в том, что такие структурные фундаментальные новации в высшем образовании должны вводиться только при обязательном участии педагогической общественности и после тщательной апробации» [6, с. 154].

В заключение можно сделать следующие выводы. Во-первых, наша реформа образования, как и в целом, российские социально-экономические реформы, в контексте которых надо рассматривать и реформу образования, является проявлением рецидивов двух тяжелых российских болезней: европейничанья и маниловщины. Эти тяжелые и неизлечимые болезни наших реформаторов ведут к принципиальному утопизму ориентиров реформы образования и деструктивности ее реальных векторов.

Во-вторых, мы никогда не построим систему образования аналогичную западной, поскольку этот культурный институт не привьется на российской почве, он совершенно чужд нашим социокультурным традициям и менталитету. У нас напрочь отсутствует социально-экономическая почва для Западных моделей образования. Мы никогда, стремясь догнать Запад, подражать ему в формах системы образования, не догоним его и не достигнем его образцов и не выстроим таким путем реально конкурентоспособной на мировом рынке образовательных услуг системы образования. Во-первых, потому, что западные конкуренты-партнеры этого нам никогда не позволят. Зачем им нужны конкуренты на этом рынке? В болонский процесс нас втянули вовсе не для интеграции в мировое образовательное пространство в качестве равноправного партнера и сильного игрока, а для разрушения реально конкурентоспособной советской системы образования в погоне за миражами Болонского процесса. Во-вторых, нам нужна система образования, обеспечивающая успешный рост собственной российской цивилизации, наращивание ее потенциала, поддержание его на том уровне, который бы позволил России в хищном и жестком мировом порядке не просто выживать, но быть в числе лидеров и обеспечивать национальное лидерство, социальную справедливость и геополитическую безопасность.

Что касается маниловщины вызывают изумление две вещи. Во-первых, наивность реформаторов, которые отчего-то решили, что на Западе все лучше, и что нам надо сделать как у них, и нарисовали воздушные замки, совершенно оторванные от реальной почвы. В облаках они витали постоянно и витают сейчас. Неужели они искренне не понимают, что в условиях современной экономической ситуации просто не хватит средств, чтобы воплотить их лучшие мечты относительно образования?

Во-вторых, вызывает недоумение безразличие педагогической общественности, часть из которой вдохновилась сомнительными, мифическими болонскими миражами, а часть вообще озабочена сиюминутным выживанием и приспособлением.

Нынешний курс реформы образования, основанный на фундаментальном противоречии между ориентирами и векторами реформы, на исключительно командно-административной методологии, не может привести к реальной модернизации российского образования и нуждается в принципиальной коррекции. Одним из основных условий такой коррекции является смена командно-административной модели управления образованием общественно-демократической моделью.

Библиографический список

1. *Абрамов, А.* «Дебильный коэффициент» в образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/society/56390.html (Дата обращения: 23.01.2013)

2. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании X съезда Российского союза ректоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.kremlin.ru/news/46892 (Дата обращения: 30.10.2014)

3. *Данилевский, Н.Я.* Россия и Европа [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: Известия, 2003. – 607 с.

4. *Днепров, Э.Д.* Развитие образования в России. Национальный доклад на 43-й сессии международной конференции ЮНЕСКО по образованию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gnpbu.ru/.../dneprov_Development_of_the_formation_in_Russia_Natio (Дата обращения: 28.10.1992)

5. Модернизация российского высшего образования: становление модели [Текст]: монография / [А.Ф. Поломошнов и др.]; под общ. ред. А.Ф. Поломошнова. – пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2009. – 143 с.

6. *Поломошнов, А.Ф.* Апология неэффективных вузов [Текст] / А.Ф. Поломошнов // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2012. – №4. – С. 142–154.

7. *Поломошнов, А.Ф.* Современная парадигма модернизации российского образования [Текст] / А.Ф. Поломошнов // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2013. – № 2. – С. 102–130.

8. *Поломошнов, А.Ф.* Зигзаги российской реформы образования [Текст] / А.Ф. Поломошнов, А.А. Савинова // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2014. – № 1. – С. 116–124.

9. *Поломошнов, А.Ф.* Третья волна парадиг реформы образования [Текст] / А.Ф. Поломошнов, Н.П. Фалынскова // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2014. – №2. – С. 125–135.

10. Проблемы модернизации российского образования [Текст]: монография / [А.Ф. Поломошнов и др.]; под общ. ред. А.Ф. Поломошнова. – пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2014. – 176 с.

11. Российская педагогическая реформа и модернизация высшего образования [Текст]: монография / [А.Ф. Поломошнов и др.]; под общ. ред. А.Ф. Поломошнова. – пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2008. – 205 с.

12. Российская реформа образования: современный тренд [Текст]: монография / [А.Ф. Поломошнов и др.]; под общ. ред. А.Ф. Поломошнова. – пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2013. – 200 с.

13. *Сазонов, Б.В.* Проблемы и пути модернизации российского образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fondgp.ru/lib/mmk/49 (Дата обращения: 24.11.2012)

14. Современные тенденции и проблемы модернизации российского высшего образования [Текст]: монография / [А.Ф. Поломошнов и др.]; под общ. ред. А.Ф. Поломошнова. – пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2010. – 219 с.

15. *Филиппов, В.М., Чистохвалов, В.Н.* Интеграция высшей школы России в единое пространство высшего образования Европы: возможные последствия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=7450 (Дата обращения: 28.04.2011).

УДК 316.75:321
ББК 66.052

КРИЗИС ИДЕОЛОГИИ ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ КРИЗИСА

С.В. Варакин

Аннотация: Развитие мирового экономического кризиса, усиление международной конфронтации и рост напряженности стали следствием и проявлением кризиса идеологического. Крупные страны Запада пытаются разрешить свои внутренние противоречия за счет других государств. В этих условиях Россия вновь оказалась перед выбором путей развития. Идеология должна дать импульс развития экономике государства на длительную перспективу и хорошо вписаться в «особенности» страны, стать главным интегративным фактором, объединить население страны, стать основным источником поступательного позитивного развития общества на длительную перспективу. Задача максимум для России не просто пережить период кризисного развития, но и использовать его с максимальной пользой для себя. Изменения в базисных ценностях неизбежны, вопрос только в том, будут ли они инициированы политическим руководством страны или же станут следствием оказания давления извне. Что предпочтет Россия – идеологию кризиса или идеологию развития?

Ключевые слова: идеология, политическая система, политическая культура, международная конфронтация, либеральные ценности, огосударствленный «клановый капитализм», кризис.

THE CRISIS OF IDEOLOGY OR THE IDEOLOGY OF CRISIS

S. Varakin

Abstract: The development of the global economic crisis, the strengthening of international confrontation and tension were a consequence and manifestation of the ideological crisis. Major Western countries are trying to resolve their differences at the expense of other States. In these conditions, Russia is once again faced with the choice of development paths. Ideology should give impetus to the development of the state's economy for the long term and well fit into the "features" of the country, become the main integrative factor to unite the population of the country, become the main source of sustained positive development of the society in the long run. The maximum task for Russia is not just to go through a period of crisis development, but also to use it to

maximum benefit for themselves. Changes in basic values is inevitable, the only question is whether they will be initiated by the political leadership of the country or will be the result of pressure from the outside. What would you prefer Russia – the ideology of the crisis or the ideology of development?

Keywords: ideology, political system, political culture, international confrontation, liberal values, gosudarstvennyi "crony capitalism", the crisis.

В условиях введения санкций против России вновь становится злободневной (актуальной) тема особого пути развития России, ее самодостаточности, места в мировом сообществе и влиянии на развитие мирового процесса. Россия вновь отстаивает свое право на принятие самостоятельных решений, свое понимание справедливости и возможности защищать свои интересы на мировой арене. Совершенно очевидно, что вопрос о роли России в мировом сообществе, об особом пути развития, стоящем особняком от проторенной американским и европейскими государствами столбовой дороги цивилизации, подняли не русские националисты, а сами инициаторы санкций, стремящиеся удушить экономику России и поставить ее на колени. Сложившаяся ситуация стала проявлением глобального идеологического кризиса. Этот кризис заключается в том, что господствующие в разных странах мира идеологические доктрины практически уже давно изжили себя и постоянно воспроизводят с завидной регулярностью кризисные явления и процессы. Т.е. развитие этих государств постоянно приводит к возникновению кризисной ситуации, которая перерастает в длительный процесс. В то же время правительства этих стран ограничены в выборе средств выхода из создавшейся ситуации рамками существующих идеологических доктрин. Появившиеся некогда идеологии и сыгравшие в свое время позитивную роль в развитии этих государств, приведших их на путь успеха и процветания, сегодня не только тормозят их развитие, но и приводят к напряженности в международных отношениях. В попытках разрешить свои внутренние противоречия, ведущие страны мира выходят на путь международной конфронтации и, как «в старые добрые времена», пытаются переложить ответственность за свои проблемы, трудности и неудачи на «внешних врагов». С другой стороны попытки модернизировать идеологические доктрины, приспособить их к реалиям современного мира, в лучшем случае, дают лишь кратковременный эффект и кардинальным способом проблемы не решают. Основная трудность заключается в том, что готовых рецептов для всех стран не существует. Что хорошо для одной страны может оказаться бесполезным или даже принести вред другой стране. Необходимо исходить из того, что идеология должна дать импульс развития экономике государства на длительную перспективу и хорошо вписаться в «особенности» страны, стать главным интегративным фактором, объединить население страны, стать основным источником поступательного позитивного развития общества на длительную перспективу. Китай пошел на модернизацию своей идеологии, и демонстрирует миру в условиях мирового кризиса высокие темпы развития. Модернизация идеологии Китая принесла такой эффект, потому что, на наш взгляд, ресурс идеологии не использован до конца. А западные идеологии, базирующиеся, в основном, на либеральных ценностях, давно исчерпали свой потенциал, и последовательная реализация по-прежнему привлекательных ценностей приводит только к разрушению и уничтожению всего и вся. Причем ресурс либерализма оказался исчерпанным еще в конце XIX – начале XX века, что привело к появлению периодических экономических кризисов, революциям, локальным и мировым войнам. Последовавшие в XX веке попытки модернизировать изжившую себя идеологию или создать новые доктрины, базирующиеся на либеральных ценностях, позволили продержаться еще некоторое время. Кроме того, в условиях противостояния двух систем, западные страны «позаимствовали» некоторые черты социализма, использовали наряду с рыночным механизм государственного регулирования, систему социальных государственных гарантий. Все это позволило западным странам поддерживать какое-то время опреде-

ленную стабильность и поступательно развиваться. Сегодня кризис идеологии в геополитическом аспекте привел к следующему:

- серьезные проблемы развития экономики внутри страны заставляют обращаться правительства этих стран за международной помощью;
- схожие проблемы наблюдаются одновременно у многих государств, и тогда возможности международного сообщества оказываются весьма ограниченными;
- создаются международные союзы для поиска решения общих проблем и помощи слабым странам в рамках ассоциации;
- более развитые государства стремятся решить свои внутренние проблемы за счет более слабых стран, усиливая напряжение и конфронтацию во всем мире;
- более слабые страны попадают в зависимость от более сильных, теряют свою самостоятельность и вынуждены «играть» на международной арене по чужим правилам, часто вопреки своим национальным и государственным интересам;
- непрекращающиеся локальные и региональные конфликты и войны давно уже стали реальностью современного мира;
- экономический кризис и международная конфронтация становятся постоянными, непреходящими факторами развития многих стран.

Если взять мировой опыт, то смена идеологических парадигм всегда происходила посредством уничтожения политической системы, слома старого государственного аппарата, и на его обломках создавался, строился, институализировался и легитиматизировался новый мир, новая реальность. Источником появления новой реальности всегда было развитие внутренних противоречий старого мира. Сегодня появились новые технологии, позволяющие осуществлять экспорт революции в другие страны. Появились и государства, владеющие этими технологиями, имеющие в своем распоряжении соответствующие ресурсы, и, опираясь на наличие острых внутренних противоречий в некоторых странах, обеспечивают туда экспорт так называемых цветных революций, уничтожая политический режим, производя смену политической системы. При этом в качестве источника внутреннего саморазвития предлагается не новая идеологическая парадигма, а старая, показавшая свою несостоятельность в новых условиях. Но в любом случае, смена идеологических парадигм всегда происходила в ходе революций. Другое дело, что кардинальная ломка основ существующего строя может проходить относительно в мирных условиях или же сопровождаться вооруженным противостоянием разных сторон.

Убедиться в том, что Западный мир стоит на грани идеологической катастрофы позволяет развитие философской и политической мысли в XX веке. В 1937–1941 годах был напечатан четырехтомный труд Питирима Сорокина «Социокультурная динамика», а в 1941 году увидело свет более популярное изложение этого произведения – «Кризис нашего времени», в которых автор излагает взгляды на смену культурных систем. Суть переживаемого мирового кризиса, согласно концепции Сорокина, заключается в дезинтеграции господствующего типа культурной системы. Культура рано или поздно исчерпывает свои созидательные возможности, и симптомами этого явления становятся: разрушение социальных институтов, рост антагонизмов, уничтожение системы социального контроля, поляризация социальных групп и индивидов и т.д. В 50-х годах XX века стали изучать политическую систему, под которой Д. Истон, например, понимал любые взаимодействия по поводу ролевого распределения ценностей [1]. Предназначение политической системы виделось в выработке, способе принятия и осуществления политических решений. Политическая система должна была приспособить идеологическую парадигму под национальные особенности развития. Еще через несколько лет появляется необходимость введения в научный оборот категории «политическая культура», которая является показателем стабильности или нестабильности существования политической системы. Если посредством мониторинга осуществлять считывание параметров политической культуры, то можно определить степень стабильности политической системы и выявить

факторы, вызывающие энтропийные процессы. Это позволяет держать ситуацию под контролем, адекватно реагировать на вызовы времени. Вместе с тем само направление развития политической мысли свидетельствует о наличии определенных проблем, которые разрушительно воздействуют на общество и государство, что, в свою очередь, говорит о кризисе идеологическом.

Тот же Питирим Сорокин считал, что в условиях существования реальной ядерной угрозы единственным выходом из создавшейся ситуации является постепенное сближение двух разнонаправленных социальных систем [4, p. 121–125; 2, с. 281–282]. Мы уже говорили о том, что Западные страны «позаимствовали» у стран социализма некоторые элементы (планирование, государственное регулирование, систему социальных государственных гарантий) и это позволило им развиваться поступательно еще какое-то время. Бурное развитие экономики Китая тоже можно, наверное, рассматривать, как пример такой конвергенции. Однако и в первом, и во втором случаях речь может идти лишь о внедрении некоторых элементов чужеродной идеологии, которые смогли с учетом национальных особенностей развития гармонично «вписаться» в господствующие государственные идеологии. При этом интересы господствующих слоев общества были затронуты в минимальной степени либо не затронуты совсем. Любая политическая система, базирующаяся на идеологической доктрине, в целях самосохранения допускает лишь незначительное, минимальное вмешательство элементов другой идеологии. Более широкое «внедрение» элементов другой идеологии может вызвать углубление внутренних противоречий и привести к революции, т.е. к смене идеологических парадигм. Поэтому общества, основанные на идеологических ценностях, представляют собой замкнутые системы, источником развития которых служат внутренние противоречия.

Очевидно, что кризисные явления будут продолжать углубляться, и страны Запада будут продолжать искать выход из сложившейся ситуации за счет других государств. В результате развития мирового хозяйства взаимозависимость стран настолько велика, что любые попытки решать свои внутренние проблемы за счет других государств, могут нанести ущерб и экономике стран Запада. Пока мировое сообщество не выработало универсального механизма урегулирования возникающих между странами проблем, и каждая страна в одиночку противостоит натиску кризисных явлений. Сможет ли Россия устоять против санкций Западных государств, и даст ли эта ситуация толчок к развитию экономики России? Некоторые эксперты в сфере экономического развития полагают, что в России сложился «огосударствленный «клановый капитализм» [3, с. 222], для которого характерен «перенос принципов корпоративного управления в сферу государственной власти, а возможности государства используются крупнейшими российскими корпорациями для обеспечения монопольного положения на рынке. Политическая монополия в государственном управлении дополняется высокой концентрацией капитала в российских корпорациях» [3, с. 222]. По мнению Д.Г. Горина и Д.В. Грушевского «…современное законодательство России способствует концентрации доходов и собственности, по мере которой происходит переход от принципов самоорганизации к принципам иерархической организации; … что, в частности, ведет к социальной и экономической стагнации» [3, с. 227]. Они полагают, что «… в российском варианте иерархические структуры опираются не на доверие и стабильные правила игры, а действуют под контролем заданных извне регуляторов (которые… способны продемонстрировать успешность по критериям операционной эффективности и управляемости лишь в краткосрочной перспективе)» [3, с. 225]. Очевидно, что Россию ждут тяжелые времена. Да и сами организаторы санкций не стали бы их вводить и терпеть убытки, если бы не рассчитывали на их эффект. Это своего рода проверка на прочность и стабильность политической системы. Задача максимум для России не просто пережить период кризисного развития, но и использовать его с максимальной пользой для себя. На наш взгляд, изменения в базисных ценностях неизбежны, вопрос только в том, будут ли они инициированы политическим руково-

дством страны или же станут следствием оказания давления извне. В первом случае страна может получить мощный импульс для развития своей экономики и постепенно преодолеть кризисные явления. Во втором, рискует быть отброшенной назад и оказаться на задворках цивилизации. Возможен и третий вариант – попытка сохранить существующий «status-quo». В этом случае будет происходить углубление внутренних противоречий, рост социальной напряженности, вызванной попытками государства переложить тяготы кризиса на плечи населения, а во внешнеполитической обстановке будет усиливаться конфронтация между Россией и странами Запада. Сегодня Россия вновь стоит перед выбором путей развития и от этого выбора зависит будущее нашей страны.

Библиографический список

1. *Белов, Г.А.* Политическая система [Текст] / Г.А. Белов // Кентавр. – 1995. – №2. – С. 150–160.

2. *Медушевский, А.Н.* История русской социологии [Текст] / А.Н. Медушевский. – М., 1993. – 317 с.

3. *Горин, Д.Г.* Культурные и институциональные особенности кооперации в иерархических средах [Текст] / Д.Г. Горин, Д.В. Грушевский // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – №3(33). – С. 220–227.

4. *Sorokin, P.A.* Power and Morality [Text] / P.A. Sorokin, W.A. Lunden. – Boston, 1959. – 204 p.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.47+ 316.353
ББК 60.5

НОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В ГОРОДСКОМ ФОРМАТЕ

М.Б. Полтавская, Е.В. Борисенко

Аннотация: В статье исследуются новые формы социально-экономической и гражданской активности. Даны характеристики новых форм социально-экономической активности, таких как: хакатон, митап, коворкинг. Коворкинг рассматривается как модель работы, в которой участники, оставаясь независимыми, используют общее пространство для своей деятельности. Коворкинг также представлен в статье как одна из новых форм социального взаимодействия.

Ключевые слова: гражданская активность; социально-экономическая активность; коворкинг; коворкинг пространство; социальная общность, сообщество, коворкинг-сообщество, совместная работа, новые рабочие пространства; хакатон.

NEW FORMS OF SOCIAL, ECONOMIC AND CIVIL ACTIVISM IN A CITY FORMAT

M.B. Poltavskaya, E.V. Borisenko

Abstract: The article investigates new forms of socioeconomic and civil activity. Authors give characteristics of new forms of social and economic activity such as hackathon, meet-up, co-working. Co-working is considered as a model of the work that involves a shared working environment and independent activity. In the article, coworking is treated as one of new forms of social interaction.

Keywords: civic engagement, socioeconomic activity, co-working, co-working space, social community, community, co-working community, collaborative working, new workspaces, hackathon.

Интенсивное развитие информационных технологий, новых медиа и средств коммуникации влияет как на трансформацию традиционных практик повседневности индивидов, так и на возникновение новых. Современные технологии значительно увеличили уровень мобильности и степень автономности людей в различных сферах их повседневной жизни. Поэтому возникновение новых форм социального взаимодействия индивидов, которые не связаны постоянными социальными связями, становится логично вытекающим из этого следствием.

К примеру, в странах Европы и в США в последнее время стали активно развиваться формы совместной деятельности индивидов, не связанных друг с другом так называемыми «сильными связями» (strong weeks). Среди них можно назвать совместную экономику или экономику совместного потребления. Это понятие стало использоваться с середины 2000-х годов для объяснения таких социальных взаимодействий между людьми, которые построены на социальном доверии и призваны облегчить совместное использование и прямую торговлю продуктами и услугами [11]. Примером реализации принципов совместной экономики могут служить некоторые компании, создающие особые интернет площадки для объединения людей, которые хотели бы поделиться или сдать в аренду свое имущество. Компании, в свою очередь, взимают с пользователей небольшую плату за каждую сделку. Одним из ярких примеров реализации такой стратегии является компания Airbnb lnc, основанная в Сан-Франциско в 2008 году [9].

Социально-экономическая активность в России находится в большой зависимости от территории проживания [2], активность в городе в несколько раз выше, чем в сельской местности. Социально-экономическая активность зависит от степени и меры включения личности в систему социально-экономических отношений, от чувства включенности в социальную группу или сообщество, значимые для индивида.

Интернет-пространства не достаточно для проявления социально-экономической и гражданской активности, появляются новые формы активности – митапы, хакатоны и др. Хакатон – это специально организованное мероприятие, во время которого специалисты из разных областей разработки программного обеспечения (программисты, дизайнеры, менеджеры) сообща работают над решением какой-либо проблемы [12]. Это формат, как правило, двухдневного марафона по разработке веб-сервисов (мобильных приложений, сайтов, инфографики, веб-приложений) для решения социально значимых задач. Результатом совместной работы гражданских активистов и IT-специалистов является готовый к запуску минимальный жизнеспособный продукт – первая версия приложения, на котором можно протестировать идею. Существуют разные направления и тематики хакатонов – медицина, городское планирование и др.

Среди недавних мероприятий в формате хакатона можно назвать прошедший в октябре Open Data Hackathon 2014: Hack for Piter – хакатон по открытым данным, организованный в Санкт-Петербурге уже в третий раз, где программисты, дизайнеры, журналисты и аналитики работали над новыми идеями, сервисами и приложениями для города [16]. Такие проекты очень часто проводятся на базе коворкинг-центров, в частности, Open Data Hackathon 2014 проходил на базе одного из санкт-петербургских коворкинг-кафе.

Среди мотивов участия в таком мероприятии можно выделить возможность найти единомышленников, презентовать и реализовать собственные идеи в формате города, получить профессиональный опыт и др.

В течение 2014 г. хакатоны прошли в Пензе (Penza City Upgrade), Москве (социальный хакатон «Hack for the world», хакатон по разработке приложений для решения локальных проблем BattleHack Moscow, хакатон портала открытых данных Правительства Москвы и др.), Киеве (SocialBoost @IDCEE 2014) и других городах.

Митапы – еще один формат городских офф-лайн мероприятий, представляющий собой неформальные встречи, на которые собираются гражданские активисты, сотрудники некоммерческих организаций, IT-специалисты для обсуждения или решения какой-либо конкретной задачи. Среди последних митапов – московский митап «Развитие социального проекта: работа с сообществом», митап в Великом Новгороде «Город красивых идей», пермский митап «Как придать гражданской инициативе общественный резонанс?» и др.

Следствием процесса развития информационных технологий также стала трансформация традиционных представлений о характере труда и трудовых отношений. Как отмечает британский социолог З. Бауман на смену ментальности «долгосрочных» трудовых отношений приходит ментальность отношений «краткосрочных». В связи с этим он пишет: «лозунгом дня стала "гибкость", что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переход к работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий, но лишь до "очередного уведомления"» [1, с. 81]. Поэтому особый интерес для нас представляет такое социальное явление как коворкинг (от англ. co-working – совместно работающие). Коворкинг можно рассматривать как инновационную модель организации бизнеса, совместный офис, новый вид работы, новую систему организации труда и др. [10].

Наиболее распространенным является интерпретация этого понятия как определенным образом организованной модели работы, где участники не связаны друг с другом системой должностных обязанностей, не являются сотрудниками одной организации и не связаны работой над совместным проектом, но при этом они используют общее пространство для своей деятельности [4].

Однако коворкинг следует рассматривать как понятие, требующее комплексного подхода в интерпретации, поскольку оно включает в себя множество аспектов. Так, co-working представляет собой не только форму организации

трудовой деятельности, но и определенное физическое пространство. В качестве такого пространства может выступать любое место, обладающее достаточно развитой внешней и внутренней инфраструктурой (офис, анти-кафе, квартира и т.д.). Можно выделить различные виды заведений типа коворкинга – квартирные коворкинги, коворкинг-кафе (варианты: тайм-кафе, тайм-клуб, антикафе), коворкинги, совмещенные с мини-хостелом, коворкинг-инкубатор – своего рода образовательная площадка или культурно-событийный центр и др.

Но участникам коворкинг-пространств нужен не просто офис пригодный для работы и просто рабочей атмосферы также недостаточно. Нужен необычный офис и нестандартный креативный подход к его обустройству [8, с. 169].

Многие коворкинги предоставляют возможность реализовывать различного рода интеллектуальные, инновационные и образовательные проекты в рамках своих пространств. Рассматривать co-working можно и как площадку для реализации совместных профессиональных проектов. Ввиду того, что они объединяют специалистов различных сфер деятельности и просто заинтересованных людей, в рамках коворкинга работают и принципы так называемого нетворкинга (от англ. networking, net – сеть и work – работать). Возможность привлечения новых социальных связей обуславливается и тем, что co-working представлен социальными сообществами, которые организованы согласно сетевому принципу.

Коворкинг центры представляют собой пространство для социального и профессионального взаимодействия, на основе которых складываются социальные сообщества с внутренними связями, взаимной идентификацией. Основу данных сообществ составляют фрилансеры, которые характеризуются нестабильным положением в формирующейся социальной структуре современного общества, их статус не закреплен, но они обладают большим ресурсным и инновационным потенциалом.

В основе организации коворкинг-пространств и складывающихся на их основе сообществ лежит сетевая логика. Сетевой принцип формирования коворкинг-пространств является структурообразующим, поэтому все большую популярность получает Coworking Visa. Коворкинг-центры, распространенные по всему миру объединяются в сеть благодаря программе Coworking Visa – неофициальное объединение коворкинг-центров. Такая виза позволяет участнику любого коворкинга бесплатно пользоваться рабочим местом в другом офисе, участвующем в этой программе. Сроки доступа в офис могут отличаться в разных местах.

Coworking Visa объединяет около 200 коворкинг-центров, большая часть которых расположена в 10 штатах США, остальные – в 6 других странах мира. Предложение пользуется популярностью среди фрилансеров, а также бизнесменов и специалистов, которые по роду деятельности часто бывают в других городах [7], [13].

Co-working, находящийся в процессе активной институционализации в США, Европе и некоторых азиатских странах, представляет собой новую практику социального взаимодействия для представителей различных профессиональных групп российского общества. Об этом свидетельствует последняя Глобальная перепись коворкингов за 2013 год (Global Coworking Census 2013). Согласно данным переписи в Соединенных Штатах, к примеру, на тот момент насчитывалось около 781 коворкинг-центра, в Германии 230, в Испании 199, в Великобритании 154, в Японии 199 коворкинг-пространств, тогда как в России существовало всего 39 таких пространств [14].

Так называемая «первая волна» коворкинг-пространств в России возникла в 2008 году. Одним из первых коворкингов тогда стал проект Алексея Глазкова «Башня» в городе Екатеринбурге, который не смог адаптироваться на российском рынке в условиях финансового кризиса и не увенчался успехом [5]. Однако инициативу по освоению новой практики переняли в дальнейшем Москва и Санкт-Петербург. Не все коворкинги «первой волны» смогли просуществовать достаточно долгое время. Можно предположить, что причиной закрытия многих из них послужила новизна самой практики открытия таких центров в России. Следствием этого стала недооценка тех факторов, которые позволили бы коворкинг-центрам успешно работать (развитая инфраструктура, удобность расположения центра, креативность самого пространства и т.д.) [8, с. 170].

«Вторая волна» развития коворкинг-пространств в России приходится на 2011–2012 годы. В этот период коворкинг-центры начи-

нают открываться во многих городах-миллионниках, таких как: Москва («Флакон»), Санкт-Петербург («Зона Действия», «Третье место»), Екатеринбург («E-coworking»), Самара («13-й этаж») и т.д. [6].

В 2013 году одним из первых стартапов по созданию коворкинг-пространства в Волгограде стал проект коворкинг-центра «Smart campus». Инициатором и соорганизаторами проекта стали студенты одного из волгоградских институтов. Однако из-за отсутствия необходимой инфраструктуры и финансирования проект закрылся. Также, среди одних из первых и, пожалуй, пока самых известных коворкингов в Волгограде можно назвать такой центр как «Икра». При запросе информации о коворкингах Волгограда популярные поисковые системы выдают информацию именно об этом центре. Следует отметить, что в строгом смысле слова сама «Икра» является лишь креативным пространством в котором реализуется множество проектов самой разной направленности. В свою очередь пространство «Икры» является территорией где размещается коворкинг-центр «MORE».

Одними из первых услуги коворкинга в Волгограде предоставили своим посетителям так называемые антикафе или тайм-кафе. Среди самых известных, такие как: «Посиделки», «Берегите время», «Круг» и т.д. Такие заведения позиционируют себя как пространства, предоставляющие широкий спектр возможностей для отдыха, проведения досуга и общения, где оплачивается только время пребывания в них. На сегодняшний день большинство волгоградских антикафе предоставляют примерно одинаковые возможности для всех, кто хочет работать вне дома или офиса [3].

Государственный сектор во многих европейских странах готов финансировать co-working, так как считает такой формат социально-экономической и инновационной активности инструментом экономического развития и заинтересован в совместных проектах и партнерстве.

Можно привести успешные примеры финансирования коворкингов за счет муниципалитетов, например, город Тель Авив за свой счет финансирует два коворкинг пространства The Library и the Social Lab [17].

В 2011 г. в Бельгии стартовала программа «Creative Wallonia» в целях поддержки креативных новаторских групп и инноваций, которые выходили бы за рамки простых открытий или изобретений. Эта программа позволила создать восемь коворкинг пространств, на финансирование которых выделялось ежегодно от 50 до 100 тыс. евро [15].

Во Франции первые коворкинг пространства открылись в 2008 г., и на начало 2013 г. их насчитывалось около шестидесяти. В отличие от большинства европейских коворкинг пространств, которые, как правило, создаются коммерческими компаниями по инициативе снизу, во Франции государственные и общественные органы активно участвует в региональных проектах, а французское министерство промышленности даже признало коворкинг движущей силой инноваций и экономического развития. Коворкинг пространства la Cantine and Mutinerie являются пионерами государственного коворкинга в Париже. Для французских коворкингов характерна стратегия их создания «сверху вниз», что находится в противоречии с противоположной стратегией, восходящей «снизу вверх» и спонтанным характером взаимодействия, свойственным данному виду пространств.

Таким образом, можно отметить, что новые формы социально-экономической и гражданской активности возникают в результате самоорганизации сообществ людей, общающихся между собой по определенной тематике, как правило, использующих IT-технологии в качестве одного из основных средств коммуникации при организации группового взаимодействия участников таких сообществ.

Социально активных людей в экономике, политике, общественной среде не так много, поэтому поддержка со стороны властных структур в любых форматах очень важна.

Феномен социальной активности, выражающийся в виде участия индивидов в таких формах совместной деятельности как: хакатон, митап, коворкинг, – представляет интерес для многих исследователей. Большинство из этих феноменов являются абсолютно новыми практиками для российского общества. Структурные особенности и характеристики этих социальных явлений, так же, как и мотивация участников, которые в них задействованы, мало изучены и нуждаются в детальном описании и исследовании.

Библиографический список

1. *Бауман, З.* Возвышение и упадок труда [Текст] / З. Бауман // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 77–86.

2. *Васильева, Е.Н.* Факторы формирования экономической и инновационной активности молодежи в современных условиях (на материале Волгоградской области) [Текст] / Е.Н. Васильева // Вестник СПбГУ. Серия 12. – 2014. – Выпуск 4. – С. 153–160.

3. Волгоградцы осваивают коворкинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dengi.v1.ru/text/business_news/682496.html. – Дата обращения: 09.10.2014

4. Инновационный проект развития «Мобильно-сетевого коворкинга» в городе Москве [Электронный ресурс] / Издательство РИА «АРД». – Режим доступа: http://www.ard-center.ru/home/publ/ts_1_2013/coworking/. – Дата обращения: 10.10.2014

5. История коворкинга [Электронный ресурс] / E-covorking. – Режим доступа: http://e-coworking.ru/about. – Дата обращения: 09.10.2014

6. Коворкинг-центры в России [Электронный ресурс] / Modber. – Режим доступа: http://www.modber.ru/catalog/item1971.html. – Дата обращения: 05.10.2014

7. Международная программа «Coworking Visa»: бесплатный доступ в 200 офисов [Электронный ресурс] / Офисы: Новый взгляд. – Режим доступа: http://www.office-m.ru/blog/27-09-programma-coworking-visa-besplatnyj-dostup-v-200-ofisov-v-ssha-i-drugix-stranax/. – Дата обращения: 10.10.2014

8. *Мелихова, Ю.М.* Перспективы развития коворкинг-центров в России и за рубежом [Текст] / Ю.М. Мелихова, О.В. Шатаева // Экономика и экономическое моделирование. – 2013. – №5. – Том 2. – С. 166–170.

9. Новый бизнес-тренд «совместное потребление» набирает обороты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rb.ru/article/novyy-biznes-trend-sovmestnoe-potreblenie-nabiraet-oboroty/6791967.html. – Дата обращения: 05.10.2014

10. *Полтавская, М.Б.* Институционализация новых форм социального взаимодействия: пространство коворкинга [Текст] / М.Б. Полтавская // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – №3 (23). – С.107-115.

11. *Руфимская, Ю.* Почему совместная экономика – это экономика нового поколения [Электронный ресурс] / Юлия Руфимская. – Режим доступа: http://www.aleksandr.kz/samoobuchenie/pochemu-sovmestnaya-ekonomika-eto-ekonomika-novogo-pokoleniya.html#.VDb_d8LY-fZ. - Дата обращения: 05.10.2014

12. Хакатон: Википедия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/ wiki/хакатон. – Дата обращения: 16.10.2014

13. Coworking Visa [Электронный ресурс] / Coworking wiki. – Режим доступа: http://wiki.coworking.com/w/page/16583744/CoworkingVisa#russia. – Дата обращения: 10.10.2014

14. Global Coworking Census: 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zonacoworking.es/wp-content/uploads/2013/02/Global-Coworking-Census-2013.pdf. – Дата обращения: 28.09.2014

15. Creative Wallonia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. creativewallonia.be/. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 28.09.2014

16. Open Data Hackathon 2014: Hack for Piter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hackathon.spb.ru/ – Загл. с экрана. – Дата обращения: 28.09.2014

17. The Library Tel Aviv. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.thelibrary.co.il/. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 28.09.2014

УДК 331.108.2:316.74
ББК 60.826.3в682

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Н.С. Субочев, И.Ю. Ленская

Аннотация: Анализ мирового и отечественного опыта свидетельствует об активном применении в кадровой работе социологических теорий и методов сбора, обработки и анализа эмпирической информации. В статье дается краткое описание значительного вклада социологической науки в теорию и практику управления персоналом предприятий промышленности, торговли, банковской сферы, государственного и муниципального управления. Дальнейшее развитие экономики, сферы сервисного обслуживания немыслимо без развития и рационального использования человеческих ресурсов. Для успешного решения новых задач необходима соответствующая социологическая подготовка специалистов кадровых служб. Однако анализ рабочих учебных планов подготовки бакалавров и магистров управления персоналом обнаруживает значительные пробелы в этой сфере. В статье обосновывается целесообразность включения в Федеральный государственный образовательный стандарт направления подготовки бакалавров и магистров «управление персоналом» учебных дисциплин «социология управления» и «социология управления персоналом», изучение которых позволит студентам овладеть и успешно применять социологические разработки в научных и прикладных целях.

Ключевые слова: управление персоналом; социологические методы; Федеральный государственный образовательный стандарт; социологическая подготовка бакалавров и магистров управления персоналом; социология управления; социология управления персоналом.

SOCIOLOGICAL RESEARCH METHODS OF PERSONNEL MANAGEMENT

N.S. Subochev, Ir.Ju. Lenskaya

Abstract: An analysis of international and domestic experience testifies to the active application in the personnel work of sociological theories and methods of collection, processing and analysis of empirical information. The article gives a brief description of the significant contribution of social science to the theory and practice of personnel management of enterprises of industry, trade, banking, public administration and municipal management. Further development of the economy, the sphere of service is impossible without the development and rational use of human resources. For the successful solution of new tasks, appropriate sociological training of specialists of personnel services. However, analysis of the curriculum of bachelor's and master the personnel management finds significant gaps in this area. The article substantiates the expediency of inclusion in the Federal state educational standard of directions of preparation of bachelors and masters in «personnel management» disciplines «sociology of management» and «sociology of personnel management», the study of which will enable students to learn and successfully apply sociological developments in scientificand applied purposes.

Keywords: personnel management; sociological methods; Federal state educational standard; sociological training of bachelors and masters of personnel management; sociology of management; sociology of personnel management; case study.

Анализ мирового и отечественного опыта свидетельствует о применении весьма широкого набора социологических методов и технологий в области управления персоналом. Не претендуя на полноту анализа, отметим несколько фактов из истории социологических разработок в кадровой работе.

Как известно, социологические подразделения и специалисты появились на предприятиях в 20-е годы прошлого столетия. Если отделы кадров в современном значении этого термина сформировались в 1912 году в США, то первая социологическая лаборатория была создана в 1920 году на заводе Г. Форда. В ее компетенцию входило изучение настроений в рабочей

среде, предотвращение социальных конфликтов и разработка на этой основе эффективных методов управления. Однако в большинстве случаев социологическая наука подключалась к решению сложных управленческих задач в формате заказных исследований академических социологов и социальных психологов, которые выносились на аутсорсинг. Ярким примером такого рода могут служить знаменитые эксперименты в компании «Вестерн электрик» в г. Хоторне, проведенные в 1927–1932 годах группой ученых Чикагского университета под руководством Э. Мэйо. Важно отметить, что это исследование изначально имело прикладную направленность: необходимо было изыскать резервы повышения производительности труда. Впрочем, прикладное исследование не только позволило менеджменту компании новыми методами управления персоналом решить свои задачи, но и, как это нередко случалось, его выводы и рекомендации послужили эмпирической базой для разработки теории человеческих отношений в промышленности, широкое применение которой обеспечило развитие экономики и человеческих ресурсов в XX веке.

В указанной работе на первом этапе проводилось экспериментальное исследование влияния уровня освещенности рабочих помещений на производственные показатели работников. В результате был выявлен т.н. «эффект Хоторна», который фиксирует положительную зависимость производительности и дисциплины труда от установления и поддержания менеджерами благоприятных межличностных, «человеческих» в терминологии авторов исследования, отношений с подчиненными работниками. Проявление внимания со стороны руководства к личности трудящихся, забота об условиях труда оказали положительное влияние на трудовую деятельность последних.

Выявленный эффект потребовал дальнейшего изучения и вывел исследователей на уровень межличностных отношений в трудовых коллективах. Поэтому на втором этапе акцент был перенесен на взаимоотношения внутри рабочих групп. В этих целях был проведен эксперимент, в процессе которого сопоставлялись показатели труда экспериментальной группы, сформированной из работниц по критерию дружеских отношений, и обычной бригады. В результате было выявлено позитивное воздействие приятельских внутригрупповых взаимоотношений на производительность и трудовую дисциплину.

Поскольку, однако, механизмы влияния группы на трудовое поведение персонала оставались неизвестными, на третьем этапе было проведено включенное наблюдение инкогнито в бригаде сборщиков реле. Оно позволило выявить существование в группе наряду с официальными связями неофициальных, неформальных отношений и групповых норм приемлемой производительности труда и взаимоотношений с коллегами и руководителями. Было установлено, что регуляторами трудового поведения являются не только административные методы, но и неофициальные нормы и правила поведения. Полученные результаты были подтверждены на заключительном этапе в сплошном анкетном опросе персонала компании. В итоге, управленческая наука и практика обогатилась доктриной человеческих отношений, которая послужила теоретической и методической базой развития мировой экономики и человеческих ресурсов в середине XX века. Одним из положений методологии человеческих отношений была рекомендация обсуждать с лидерами трудовых групп предложения администрации, связанные с реорганизацией труда.

Если зарубежный опыт в нашей стране внимательно изучается, то работы советских социологов и специалистов в области управления персоналом этого периода зачастую недооцениваются. А между тем прикладные исследования методов привлечения рабочих к активному участию в управлении, в рационализации трудовых операций, формированию у них творческих способностей не только в труде, но и в быту, в досуговой сфере проводились выдающимися представителями движения за научную организацию труда – А.К. Гастевым, П.М. Керженцевым, Н.А. Витке, Ф.А. Дунаевским и другими учеными. Пользуясь современным языком, можно сказать, что методы гуманитарных наук уже тогда активно применялись в нашей стране для формирования и развития у трудящихся чрезвычайно востребованных сегодня креативных качеств.

В 20–30-е гг. в нашей стране действовала широкая сеть научно-исследовательских институтов, социологических и психофизиологических лабораторий на ряде крупных фабрик и заводов. Для этого периода характерно хорошо

налаженное сотрудничество социологов, психологов, физиологов, гигиенистов труда, инженерно-технического персонала предприятий, специалистов по организации и охране труда. В стране функционировали лаборатории, которые проводили комплексные исследования человеческого фактора и трудовой деятельности. К примеру, на московских заводах «Серп и молот» и «АМО» проводились исследования проблем социальной активности, мотивации поведения работников, организации социалистического соревнования и ударничества, удовлетворенности работой. Для этого широко применялись хронометраж, самонаблюдение и объективное наблюдение, эксперимент, массовые опросы, анализ документов и статистики [1, с. 200].

Однако многие ценные разработки не получили должного применения, и прикладные исследования методов трудовой деятельности и управления персоналом натолкнулись на ряд серьезных препятствий объективного и субъективного характера. Прежде всего, следует отметить:

– слабость материально-технической базы отечественной промышленности и сельского хозяйства, к тому же сильно пострадавших в годы первой мировой и гражданской войн;

– низкий уровень образования, технической культуры и профессиональной подготовки промышленных рабочих, большинство которых в 30-е годы пришло из сельской местности;

– сокращение численности интеллигенции, в том числе инженерно-технических кадров, вследствие военных потерь, эмиграции и репрессий.

Массовые репрессии были вызваны осложнением геополитической обстановки вокруг молодой советской республики и утверждением командно-административной системы управления экономикой, которая предусматривала достижение высоких показателей ценой предельного напряжения человеческих ресурсов и принудительного труда. К середине 30-х гг. вследствие политических репрессий пострадали многие выдающиеся ученые, закрылись исследовательские институты и социологические лаборатории на предприятиях. В результате, с середины 30-х до начала 60-х гг. в СССР образовался разрыв поколений, социология в целом и социология труда в частности практически не развивались. Тем временем в западных странах исследовательская работа продолжалась, разрабатывались новые социологические концепции и методы, в том числе и в области управления персоналом.

С конца 1950-х годов начинается период возрождения социологической науки в нашей стране и активного применения социологических методов в изучении управленческих процессов в трудовых коллективах. Особое внимание обращалось на состояние и возможности совершенствования трудовых отношений, повышения социальной активности работников. В этот период сотрудники сектора социологических исследований Института философии АН СССР (А.А. Зворыкин, Г.В. Осипов, И.И. Чангли и др.) провели комплексное изучение новых форм труда и быта на предприятиях Москвы, Горьковской области и других регионов страны. Специалисты Московского университета под руководством Г.М. Андреевой исследовали социальные проблемы автоматизации производства на Первом шарикоподшипниковом заводе (Москва). В ходе конкретных социальных обследований были получены значительные научные результаты [1, с. 202].

В арсенале методов этого периода мы находим как широко распространившиеся методы анализа документов, кадровой статистики, разнообразные опросные методики, так и оригинальные приемы. К ним следует отнести включенное наблюдение инкогнито, проведенное В.Б. Ольшанским в группе слесарей-инструментальщиков на московском электромеханическом заводе имени Владимира Ильича. В организации многочисленных исследований наряду с академическими и вузовскими социологами принимали непосредственное участие и специалисты предприятий. Многие из них со временем стали известными промышленными социологами (Неймер Ю.Л., Тарасов В.К., Тукумцев Б.Д., Фролов С.Ф., Щербина В.В. и др.)

Говоря о вкладе социологической науки в теорию и практику управления персоналом в нашей стране, необходимо отметить фундаментальное исследование «Человек и его работа», осуществленное в 1960-е годы ленинградскими социологами под руководством В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова [2]. В этой монографии представлены не только важные для социологической науки и кадровой работы факты, но и детально проработаны методы сбора, обработки и анализа эмпирической информации. Эта мо-

нография подняла на новый уровень не только отечественную социологическую культуру, но и внесла значительный вклад в мировую социологическую мысль. Во время визита в нашу страну в 1964 г. знаменитый американский социолог Т. Парсонс отметил «очень высокие требования, которые предъявляют советские социологи к методике и технике эмпирических исследований. Среди наиболее сильных впечатлений от его поездки в СССР – высокая интеллектуальная атмосфера философских дискуссий о социологии и чрезмерное влияние политической партии на развитие науки. Отсюда гипертрофированный акцент на прикладные функции социологии. Акцент даже больший, чем в западных странах» [Цит. по 1, с. 201].

В 1970-е годы социологические исследования трудовых организаций получили новый импульс. В стране началась разработка планов социального развития предприятий промышленности, строительства и сельского хозяйства, а также некоторых городов и районов. Хотя во многих случаях эта работа носила шаблонный и декларативный характер, на передовых предприятиях проводились, тем не менее, серьезные исследования с добротным методическим обеспечением, результаты которых внедрялись в практику кадровой работы. Этому способствовали социологические лаборатории, появившиеся на ряде крупных предприятий («Курганприбор», Производственное объединение «Светлана» в Ленинграде, Тираспольская швейная фабрика им. 40-летия ВЛКСМ и многие другие).

Однако в конце 80-х и начале 90-х годов в условиях перехода к рыночным отношениям интерес к социологическим исследованиям управленческих процессов в нашей стране заметно ослаб и возродился лишь в первое десятилетие XXI века. Переход в новое тысячелетие ознаменовался сменой акцентов социологических исследований в области труда. С одной стороны, в условиях падения уровня промышленного производства резко сократилось количество исследований в промышленности, строительстве, на транспорте и в аграрном секторе. Вместе с тем постепенно нарастала исследовательская активность социологов в торговой и банковской сферах, на предприятиях ресторанно-гостиничного комплекса и туристического бизнеса. Нельзя не отметить также отрадные факты внедрения научных методов в практику кадровой работы органов государственного и муниципального управления. В этой, некогда закрытой сфере, заметно активизировалась исследовательская деятельность социологов, работающих в академиях государственной службы, а в настоящее время в системе институтов и филиалов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Здесь в первую очередь следует отметить труды сотрудников кафедры социологии под руководством В.Э. Бойкова [3], социологической группы кафедры государственной службы и кадровой политики РАНХиГС, выполненные под руководством А.И. Турчинова и К.О. Магомедова с участием региональных подразделений Президентской академии, в том числе Волгоградского филиала [4].

Благодаря этому в течение последних лет в мониторинговом режиме отслеживается динамика кадровой политики и методов управления персоналом в российских организациях. В качестве основных методов используются выборочный анкетный опрос и опрос экспертов в регионах России. Ценно, что в выборку включаются организации и предприятия различных форм собственности, но приоритетное место отводится кадровой работе с персоналом государственной гражданской и муниципальной службы. Нельзя также не отметить активную и плодотворную деятельность социологов Уральского института государственного управления, Московского городского университета управления при Правительстве Москвы и других вузов.

Сложившаяся к настоящему времени ситуация характеризуется не только расширением сферы социологических исследований трудовой деятельности, но и появлением новых предметных областей. Среди них выделим сравнительно новые для нашей науки и управленческой практики феномены организационной и корпоративной культуры. Эти исследования позволили выявить и оценить роль культуры в регулировании совместной деятельности и квалифицировать ее как неотъемлемый компонент системы управления персоналом [5, 6, 7].

Завершая краткий и фрагментарный экскурс в историю кадрового менеджмента в нашей стране и за рубежом, есть основания заключить, что на протяжении последних ста лет развитие экономики, сервисной сферы, го-

сударственного и корпоративного управления обеспечивалось более или менее активным применением результатов социологических исследований.

Вместе с тем, оценивая сложившуюся к настоящему времени ситуацию, следует отметить практически полное отсутствие специализированных социологических служб в коммерческих структурах, государственных и муниципальных органах. Вследствие этого масштабные прикладные исследования проводятся, как правило, на договорной основе с академическими и вузовскими научными коллективами либо с консалтинговыми фирмами и кадровыми агентствами. На долю служб управления персоналом выпадают локальные исследования актуальных проблем управления персоналом, ограниченные рамками конкретных предприятий. Между тем самостоятельное проведение локальных исследований, а также привлечение внешних исследователей и консультантов, сотрудничество с рекрутинговыми компаниями и кадровыми агентствами требуют квалифицированного участия руководителей и специалистов кадровых служб, их качественной социологической подготовки. В какой же мере современные менеджеры по персоналу подготовлены к успешному применению социологических методов в своей работе? Под этим углом зрения следует рассмотреть рабочие учебные планы подготовки бакалавров и магистров направления подготовки «Управление персоналом», а также оценить накопленный опыт их реализации в российских вузах.

Управление персоналом как направление подготовки профессионалов получило официальное закрепление в системе высшего профессионального образования в нашей стране сравнительно недавно. С 2000 года проводилась подготовка по специальности «Управление персоналом», а в 2010 году был утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки бакалавров и магистров 080400 «Управление персоналом». В 2014–2015 учебном году состоится первый выпуск бакалавров и магистров, который позволит в дальнейшем выстроить скорректированную двухуровневую систему подготовки кадров по данному направлению. Хотя небольшой опыт разработки и реализации учебных планов и программ не дает оснований для далеко идущих выводов, тем не менее, он позволяет обрисовать место и обсудить роль социологической науки в системе подготовки профессионалов этого направления.

Согласно действующим рабочим учебным планам РАНХиГС на весь период бакалавриата по управлению персоналом на социологические дисциплины в общей сложности отводится всего 72 часа аудиторных занятий: 36 часов в 1 семестре приходится на дисциплину «Социология» и столько же в 4 семестре – на комплексную дисциплину «Экономика и социология труда». Как видно, бюджет времени на социологическую подготовку бакалавров в области управления персоналом оказывается весьма скромным и, на наш взгляд, недостаточным для их успешной профессиональной деятельности.

Определенные перспективы расширения социологической подготовки открывает магистратура. Здесь в учебном плане предусмотрены две дисциплины: «Организация научно-исследовательской и педагогической деятельности в области управления персоналом» и «Современные методы социологических исследований», на каждую из которых отводится по 28 часов аудиторных занятий. Справедливости ради, надо сказать, что в рабочих учебных планах заложены немалые возможности для научно-исследовательской работы по выполнению курсовых и выпускных квалификационных работ. Однако реализовать эти возможности весьма проблематично вследствие указанного выше пробела в базовой социологической подготовке студентов. В этих условиях представляется целесообразным и возможным включение в профессиональный цикл бакалавриата учебной дисциплины «Социология управления». Описывая содержание данной дисциплины, Ж.Т. Тощенко справедливо отмечает ее человековедческую, персоналистическую направленность: «Основными проблемами социологии управления являются: 1) проблема социального положения человека в процессе управления; 2) проблема управления человеком, опираясь на резервы и возможности, заложенные в его сознании и поведении; 3) проблема соучастия человека, его сопричастности к управленческим функциям; 4) проблема механизма воздействия на людей, т.е. тех методов и средств, которые адекватны объективным и субъективным потребностям; 5) проблема последовательности операций, которые необходимо осуществить, чтобы добиться эффективного достижения поставленных целей. Причем все эти компоненты социологии управления строятся на основе информации, идущей от людей (рядовых работников, специалистов, менеджеров, руководителей), т.е. на знании ос-

новных характеристик общественного сознания и поведения» [8, с. 396].

Включение дисциплины «Социология управления» в рабочий учебный план подготовки бакалавров позволит заложить более прочный фундамент теоретической и методической подготовки профессионалов в сфере управления персоналом, который следует расширять в магистратуре. Здесь предлагаем ввести в первом семестре новую дисциплину «Социология управления персоналом» общим объемом 72 часа, а во втором семестре преподавать заложенную в действующий учебный план дисциплину «Современные методы социологических исследований» общим объемом 72 часа.

Профессиональная деятельность выпускников бакалавриата и магистратуры по направлению «Управление персоналом» предполагает не только активное, но и рациональное использование социологических подходов и методических средств, адекватных условиям деятельности деловых организаций. В этом контексте следует отметить, по крайней мере, четыре основных требования: безусловную прикладную направленность, экономичность, компактность и измеримость результатов. Организация трудовой деятельности накладывает определенные временные ограничения на реализацию того или иного метода исследования, связанные с отвлечением действующего персонала от профессиональных обязанностей. С этой точки зрения заслуживают положительной оценки метод фокус-групп, которые можно проводить как в рабочее, так и в нерабочее время. Для диагностики реального состояния и прогностики изменения рабочей ситуации целесообразно использовать методы наблюдения, фокусированного интервью, экспертных оценок, а также тестовые методики.

Особое внимание надо уделить методу case study, название которого переводится как «исследование, изучение, анализ случая». При этом «случай» трактуется не как событие, а как некий предмет, будь то процесс, предприятие, функционирование и развитие которых не соответствует требованиям руководства, ожиданиям клиентуры и не удовлетворяет персонал. Представляется, что большинство исследований в области управления персоналом могут в первом приближении быть отнесены к этому классу. Чаще всего специалистам по управлению персоналом приходится решать задачи, связанные с оптимизацией процессов и отношений в рамках одной организации (предприятия, государственного либо муниципального учреждения), либо в рамках корпорации, холдинга, состоящих из нескольких организаций, находящихся под общим управлением. В этой связи В.И. Добреньков и А.И. Кравченко справедливо высказывают следующее суждение: «Социологи, практикующие данный метод (или вид эмпирического исследования) не стремятся к глобальным обобщениям, открытию причинно-следственных законов или к статистически репрезентативной информации. Здесь изучается одно событие или одна общность во всех подробностях. Если в качестве объекта берется не одно, а несколько предприятий, то каждое из них должно выступать вариантом эмпирической реализации изучаемого явления, его единичной репрезентацией» [9, с. 57].

Резюмируя, следует отметить, что в целом социологическая подготовка профессионалов в сфере управления персоналом охватывает, на наш взгляд, теоретические и прикладные аспекты трех специальных дисциплин: социологии управления, социологии личности и социологии организации. Представляется, что со временем этот симбиоз может оформиться в частную вспомогательную социологическую теорию, объектом изучения которой станет управление персоналом организации. Дополнительным аргументом в пользу высказанных предложений может служить то обстоятельство, что многие выпускники магистратуры по направлению подготовки «Управление персоналом» поступают в аспирантуру для подготовки диссертационных работ по специальности 22.00.08. – Социология управления.

Библиографический список

1. Социология в России [Текст] / Под ред. В.А. Ядова – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.– 696 с.

2. Человек и его работа (социологическое исследование) [Текст] / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. – М.: Мысль, 1967. – 392 с.

3. *Бойков, В.Э.* Народ и власть. Результаты социологического мониторинга: 1999–2006 гг. [Текст] / В.Э. Бойков. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – 173 с.

4. *Турчинов, А.И.* Современная кадровая политика и управление персоналом в российских организациях: социологический анализ: монография [Текст] / А.И. Турчинов, Т.А. Кононенко, К.О. Магомедов. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 212 с.

5. *Соломанидина, Т.О.* Организационная культура компании [Текст]: учеб. пособие / Т.О. Соломанидина. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 624 с.

6. *Субочев, Н.С.* Организационная культура гражданской службы и социальное разви-

тие региона: социологическое исследование [Текст]: монография / Н.С. Субочев. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2006.

7. *Ленская, И.Ю.* Организационная культура государственной и муниципальной службы в регионе: монография [Текст] / И.Ю. Ленская, Н.С. Субочев. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013. – 168 с.

8. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. [Текст] / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 487 с.

9. *Добреньков, В.И.* Методы социологического исследования [Текст]: учебник / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 768 с.

УДК 316.723
ББК 60.524.56

ФЕНОМЕН ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ Г. ВОЛГОГРАДА (К ВОПРОСАМ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ)[1]

А.В. Одинцов

Аннотация: В современных обществах активно появляются новые основания для идентичности социальных групп и отдельных индивидов (от любителей продукции Apple до хоббитов). Реальность новых идентичностей все чаще позволяет говорить исследователям о появлении социокультурного «мультиверса» и об утрате «больших идентичностей». Но параллельно этому процессу усиливаются архаичные, базовые идентичности (религиозные, этнические, земляческие). В рамках выполнения грантового проекта «Художественные фестивали в Волгограде: социально-антропологический анализ (потребности, ценности, мотивации, опыт, социокультурная роль)», получившего поддержку РГНФ (проект №14-13-34015) была предпринята попытка исследовать способность художественных фестивалей к формированию идентичности горожанина в г. Волгограде. В статье описывается и обосновывается применимость методологии качественного социологического исследования в изучении данного феномена. Представляются основные результаты ее прикладного применения в г. Волгограде в период июнь – октябрь 2014 года.

Ключевые слова: идентичность, социальная группа, художественный фестиваль, социологическое исследование.

THE PHENOMENON OF GROUP IDENTITY: BASED ON CASE ANALYSIS OF ART FESTIVALS IN VOLGOGRAD (REVISING METHODOLOGICAL PROBLEMS)

A.V. Odintsov

Abstract: A new ground for the identity of social groups and individuals appears and become stronger in modern societies (from the Apple-fans to the Hobbits). The reality of new identities are increasingly allows researchers say the emergence of socio-cultural "multiverse" and the loss of the "big identities". Parallel to this process intensifies archaic, basic identity (religious, ethnic, regional identity). Within realization of grant project “Art festivals in Volgograd: socio-anthropological analysis (needs, values, motivation, experience, social and cultural role)” was made an attempt to investigate the ability of art festivals to shape the identity of citizens in Volgograd.

The article describes and proves the applicability of the methodology of qualitative sociological research in the study of this phenomenon. Presents the main results of its applications in Volgograd in the period June-October 2014.

Keywords: identity, social group, art festival, a sociological study.

---

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-13-34015). This article was prepared with financial support of RFH (project № 14-13-34015)

Способность любых живых, открытых систем отличать себя от собственного окружения является фундаментом их существования и воспроизводства. Благодаря этому качеству они способны сохранять свои сущностные характеристики, несмотря на интенсивный обмен и взаимодействие с окружающей средой. Не менее важна способность к формированию собственной и определению чуждой идентичности для социальных систем и человеческой индивидуальности.

Несмотря на то, что данным явлением занимается значительное количество исследований, благодаря тенденциям глобализации и индивидуализации, феномен идентичности, ее конструирования и трансформации является весьма актуальным в социально-гуманитарном знании.

В исследовательской литературе существуют различные подходы к определению идентичности, так И.Г. Яковенко отмечает, с одной стороны, связь данной категории с латинским корнем «idem» – нечто, остающееся одним и тем же на протяжении долгого времени, с другой стороны – связь с более поздним «identifico» (отождествляю) и его английским производным «identity», которые так или иначе означают принадлежность к общей, родовой множественности. В рамках данной статьи под идентичностью будет пониматься принадлежность индивида к конкретной социальной группе, выраженная в некоем совпадении социальных ролей и статусов [4].

Существуют различные подходы к природе формирования идентичности в зависимости от характеристик социального объекта. Условно, заимствуя классификацию этнологии, их можно разделить на примордиалистские (полагающие некоторые черты идентичности личности присущими ей изначально), конструктивистские (в которых идентичность считается результатом воздействия внешних сил – индивидов, социальных групп) и инструменталисткие (полагается, что та или иная идентичность задействуется сугубо для достижения каких-либо целей).

Если в прежней социальной реальности, формирующаяся изначально идентичность (этническая, сословно-групповая, половая и т.п.) полагалась сама собой разумеющейся, базовой, то уже XX век внес существенные коррективы. Во-первых, появившийся социологический конструктивизм (П. Бурдье [1], Б. Андерсон) констатирует, что идентичность не дается изначально, а трансформируется под воздействием внешних сил.

Во-вторых, активно заявляют о своих претензиях на то, чтобы быть реальными идентичностями, значимыми социальными статусами, новые (модернистские и, позже, постмодернистские) статусы. Появляются идентичности участника профсоюза, интеллигента, члена загородного клуба, любителя-филателиста, само-идентичности, проявляющиеся в виде статусов в социальных сетях и т.п. В своем существе это означает, что идентичность становится множественнее и локальнее, она не пронизывает все сферы деятельности человека и заметно зависит от ситуации, в которой она проявляется. Именно на этом концентрирует свое внимание этнологический инструментализм (Д. Белл, М. Губолло).

Производство новых, локальных идентичностей и утрата доминирования «больших» идентичностей, требовавших от индивида следования некоей поведенческой модели всегда и везде (например, такие идентичности как «христианин», «дворянин» и т.п.), ведет, с одной стороны, к обострению необходимости поиска идентичности. Так, А.И. Шарофостов отмечает, что сам человек и мир, в котором он теперь обретается, представляет собой множественную реальность. Теперь идентичность и идентификация связана с выстраиванием некоторых порядков реальностей, зависящих от социального и культурного контекста [3]. С другой стороны, хотя у нас нет возможности остановиться подробнее на данном феномене, силу приобретают архаичные формы идентичности. Например, гражданственность как одна из наиболее продвинутых форм этнической самоидентификации уступает место местным и локальным этничностям. Ярко это проявляется в попытках формирования новых моноэтничных государств (Украина, Каталония, Шотландия, Косово и т.п.). Однако эти идентичности активизируются при давлении «другого», то есть в присутствии «не-Мы». Так, важным аспектом формирующейся украинской идентичности является «нерусскость» [2], и точно также, в сущности, появляются закрытые, неинкорпорированные диаспоры. Этническое меньшинство испытывает

давление инокультурной среды, сопротивляясь этому, активно поддерживает собственную этническую идентичность, замкнутость, чем вызывает дополнительное давление со стороны социального окружения и далее по нарастанию.

В повседневной жизни идентичность более гибка и строится на конкретных социальных практиках, на выборе той или иной стратегии поведения. Например, появляются целые социальные группы, которые основываются на той или иной потребительской стратегии. Так, идущие в авангарде «модных тенденций» молодые потребители культурного и прочего товара стали «хипстерами». Кроме того, активно развиваются идентичности, которые связаны с потреблением конкретного бренда, которые не только воспроизводятся, но и соперничают друг с другом (поклонники продукции Apple и продукции Microsoft).

Таким образом, в современной нам социальной действительности идентичность формируется не только фактом социальной близости либо отождествления себя с определенной референтной группой, но даже через акт потребления, пускай и совершенный безотносительно подобных актов других людей. Вполне вероятно, что идентичность может формироваться и на основе совместно переживаемого (или потребляемого) события. Исходя из этого предположения, группа исследователей выдвинула гипотезу о возможности специфической роли художественных фестивалей при формировании идентичностей горожан крупных городов.

Для проверки этой гипотезы исследовательская группа начала реализацию проекта «Художественные фестивали в Волгограде: социально-антропологический анализ (потребности, ценности, мотивации, опыт, социокультурная роль)», получившего поддержку РГНФ (проект №14-13-34015).

На первоначальном этапе исследования предполагалось применение качественных методик социологического исследования. Данный выбор был сделан исходя из нескольких соображений.

Во-первых, изучение взаимосвязи художественных фестивалей с формированием идентичности горожан целесообразно было начать с проведения пилотного исследования с целью корректировки предложенных гипотез.

Во-вторых, идентичность как таковая является феноменом сложным даже для направленного на изучение конкретного случая (например, психологического) исследования. По этой причине в качестве инструмента сбора информации на данном этапе были выбраны глубинное интервью по полуформализованному инструментарию (гайду) и фокусированные групповые дискуссии, так как они предполагают возможность «корректировки по ходу», то есть должны были дать более корректные данные.

В-третьих, художественные фестивали, предположительно, являются элементами эксклюзивного потребления – далеко не все люди заинтересованы в их посещении, как далеко не все обладают достаточными культурными компетенциями, чтобы понять то, свидетелями чего они станут. То есть, формируемая ими идентичность должна являться субкультурной, что не позволяет в полной мере корректно исследовать ее методами массового количественного социологического исследования.

В-четвертых, перед исследовательским коллективом, состоящим из философов, историков, социологов и культурологов, стояла задача сбора непосредственного фактологического материала о проведении художественных фестивалей в г. Волгограде. По этой причине глубинное интервью было выбрано как удобное с точки зрения социологического анализа, так и в качестве работы с непосредственными историческими свидетелями и носителями культурного опыта.

В-пятых, несмотря на статус города миллионного, Волгоград не обладает развитой культурной инфраструктурой. Среда потребителей культурного продукта художественных фестивалей ограничена, что существенно снижает достижимость респондента. По этой причине индивидуальная работа с каждым респондентом представлялась на данном этапе исследования оптимальной.

В ходе исследования было проведено 26 глубинных интервью и 3 фокусированные групповые дискуссии. Отбор респондентов осуществлялся на основании их причастности к организации и проведению культурных фестивалей в Волгограде по базе данных, предоставленной ГАУК ВО «Агентство культурных инициатив». В ходе скрининга для участия в глубинных интервью фиксировались не только объективные характеристики респондента (половозрастная принадлежность, уровень доходов

и т.п.), но также применялась методика психологического тестирования. Это осуществлялось для проверки гипотезы о наличии у постоянных участников и, тем более, организаторов художественных фестивалей определенного типа личности либо каких-то общих психологических черт. Кроме того, до начала интервью респондентам было предложено заполнить таблицу фестивалей, в которых они принимали участие. Данное подготовительное мероприятие должно было решить три задачи:

1. Собрать фактологический материал из дополнительного источника.

2. Сократить время необходимое для сбора и регистрации фактов проведения художественных фестивалей в ходе самого интервьюирования.

3. Подготовить конструктивную атмосферу интервью.

Структура полуформализованного глубинного интервью была обусловлена решением следующих задач:

1. Определить «портрет» (базовые социально-демографические и иные значимые характеристики) типичного посетителя художественного фестиваля.

2. Собрать фактический материал о художественных фестивалях.

3. Выявить «идеальную» и «реальную» модель художественного фестиваля в представлении респондентов.

4. Проследить роль художественных фестивалей в формовании собственной культурной традиции в г. Волгограде.

5. Собрать данные о взаимосвязи художественных фестивалей с формированием идентичности и социальных общностей.

Для того чтобы получить дополнительную информацию об особенностях социального круга участников/организаторов художественных фестивалей, в рамках глубинного интервью была использована социально-психологическая проективная методика. Респонденту было предложено описать и охарактеризовать своего ближайшего друга, не важно реального или выдуманного, а затем шла серия вопросов об отношении данного персонажа к художественным фестивалям.

В рамках предварительного анализа результатов были установлены следующие закономерности в восприятии художественных фестивалей:

- Воздействие художественных фестивалей проявляется в элементах индивидуальной идентичности их посетителей, однако они не формируют устойчивых субкультурных связей (они наблюдаются лишь в том случае, если художественный фестиваль является продуктом субкультуры).
- Идентичность, формируемая художественными фестивалями, схожа с «потребительской идентичностью» брендов (так, ряд опрошенных называет типичными посетителями художественных фестивалей «хипстеров»). Существенным отличием является то, что при этом ключевой является не способность индивида потреблять продукты премиум сегмента, а его интеллектуальные, эстетические качества, которые делают возможным потребление культурного продукта. (В этом смысле наблюдается некоторое эволюционировавшее подобие противопоставления «яппи» и «хипстера»).
- В ходе фокус-групп было довольно четко определено, что фундаментальной функцией художественных фестивалей в Волгограде является «самопознание города», конструирование его собственной, «не-военной» идентичности. Несмотря на это, при попытке определить характерные черты волгоградца, его идентификация происходила через противопоставление («не-Мы»). Интересным фактом является то, что, несмотря на определенную контркультурную составляющую в идентичности, формируемой у участников художественных фестивалей, типичный волгоградец противопоставлялся горожанам других мегаполисов (как правило, Санкт-Петербурга).

В рамках применения качественной методологии сбора социологической информации в исследовании художественных фестивалей необходимо отметить сложность реализации проективных методик. Интересным фактом является то, что наиболее продуктивными они оказались в работе с зарубежными респондентами. Также необходимо отметить сложность в управлении интервью и дискуссиями, так как практически всем респондентам было присуще стремление «скорректировать инструментарий», поправить модератора/интервьюера, что вполне может быть объяснено контркультурными особенностями, присущими большинству респондентов.

Несмотря на то, что применение качественной методологии оказалось крайне продуктивным и дало коллективу исследователей значительную эмпирическую базу для анализа феномена художественных фестивалей, в его ходе появились новые исследовательские гипотезы,

валидная проверка которых может быть осуществлена лишь в рамках применения массового репрезентативного опроса.

Библиографический список

1. *Бурдье, П.* Социология политики [Текст] / П. Бурдье. – М., 1993.

2. Секреты идентичности русскоязычных украинцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://what.in.ua/page/sekrety-identichnosti-russkojazychnyh-ukraincev; Криза в Україні: зони ураження. Погляд соціологів. – К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2010. – 104 с.

3. *Шарофостов, А.И.* Онтологический аспект проблемы идентичности. Антропологическая соразмерность [Текст] / А.И. Шарофостов // [материалы] сб. докладов 3-й Всероссийской научной конференции. – Казань: КГТУ. – 2011. – С. 348–355.

4. *Яковенко, И.Г.* Идентичность и диалог [Текст] / И.Г. Яковенко // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IV. – С. 513.

УДК 316.7

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

Е.О. Беликова

Аннотация: В статье анализируются результаты экспертного опроса на тему взаимодействия светской, этнической и религиозной культур в современном российском регионе (на примере Волгоградской области). Приводятся мнения экспертов об интенсивности взаимопроникновении светской, религиозной и этнической культур, их влияния на стороны социальной жизни населения. Анализируется степень толерантности населения области к представителям других культур и предпринимается попытка прогнозирования развития этно-культурной и религиозной ситуации в регионе.

Ключевые слова: культура, межкультурное взаимодействие, религиозное пространство региона.

ETHNIC, CULTURAL AND RELIGIOUS DIVERSITY OF VOLGOGRAD REGION

E.O. Belikova

Abstract: The purpose of the article is to analyze the results of the opinion poll according the interection between secular, ethnic and religious cultures in the present-day Russia. In this paper we provide expert opinion to the intensity of the interpenetration of secular, religious and ethnic cultures, their influence on the part of population's social life. It was analyzed the degree of tolerance of the region's population to representatives of other cultures and we attempt to predict the development of ethno-cultural and religious situation in the region.

Keywords: culture, intercultural interaction, religious space region.

Для Российской Федерации, как страны многонациональной и полирелигиозной, проблема этнокультурной и религиозной ситуаций является актуальной как на федеральном, так и на региональном уровнях. Ее социологическое изучение предполагает исследование совокупности форм, видов и механизмов взаимоотношений этнонационального и религиозного факторов на разных социальных уровнях и с различными социальными субъектами и акторами, а также определение характера этих взаимоотношений, их направленности, динамики и степени воздействия на те или иные элементы общественной системы и всю систему в целом.

Взаимодействие светского, религиозного и этнического фактора лежит в основе взаимодействия как на обыденном, так и на институциональном уровнях формирования культурного пространства региона. Отношения между религиозной и светской культурами сегодня весьма сложны и противоречивы. Основополагающая роль в динамике социально-культурных процессов, важным аспектом которых является взаимодействие религиозных организаций, этнических образований и общества, принадле-

жит светской культуре. Подобного рода изменения не могут происходить без тесного взаимодействия и взаимовлияния различных культурных пластов. В России изменение общественно-политической и религиозной ситуации оказало существенное влияние на масштабы, характер и стиль культурного взаимодействия. В подобных процессах необходимо учитывать и тенденции прозелитизма в межконфессиональных и межрелигиозных отношениях. Эти тенденции отображаются и на культурных процессах в крупных многонациональных и полирелигиозных регионах России, как, например, в Волгоградской области.

Национальные и религиозные сегменты культуры в большей или меньшей мере оказывают влияние на светскую культуру и наоборот. Реальное взаимодействие между этими культурами определяется разнообразными факторами. Одним из них является мировоззренческое различие, обрядовая деятельность, поведение в повседневной жизни, порождающее несхожие принципы, символику и язык культуры. Следствием этого является культурное противостояние: религиозная и светская *культуры осваивают разные сферы социальной действительности, существуя в ней не просто параллельно, но и изолированно.*

Доминирующая долгое время в Волгоградской области православная церковь стремится упрочить свои позиции, расширяя пространство религиозной культуры. Исламская культурная традиция вступает в конкурентную борьбу за сферы влияния в социальной жизни, стараясь, постепенно занимать ведущие позиции. Не остаются в стороне и этнические общества, которые зачастую являются трансляторами основных идей в социальную действительность. Традиционные формы подобного рода взаимовлияния переплетаются с новациями: фестивали этнических и религиозных культур, религиозно-культурный туризм, появление новых, альтернативных существующим, образовательных учреждений, религиозные программы в электронных СМИ и Интернете. Смысл этих инноваций в том, чтобы привлечь к религиозным организациям различные социальные группы, в том числе и те, которые были традиционно далеки от религии или равнодушны к ней [2, с. 156].

Необходимо также учитывать, что религиозные организации России в своих социальных программах концептуально закрепили принцип межнационального согласия. Анализ этих официальных документов приводит к выводу, что православные, мусульманские, протестантские, иудейские общины обладают большим ресурсным потенциалом в развитии этноконфессиональной толерантности. При этом толерантность предпочтительно понимать не как степень терпимости по отношению к иному и иным, а как меру, «способ и качество интерсубъективной совместимости, диапазон солидарности и сплоченности» акторов, участников взаимодействия, поскольку такое видение позволяет акцентировать внимание на межкультурной коммуникации как механизме снижения конфликтности [1, с. 188–189].

Рассмотрим некоторые аспекты взаимодействия религиозной и светской культуры на материалах экспертного опроса, проведенного в рамках исследования «Межкультурный диалог в современном российском регионе: историческая ретроспектива и проблема построения» в 2013 году исследователями Волгоградского государственного университета.

Всего в опросе приняли участие 15 экспертов. В их число вошли: научные работники и преподаватели религиоведческих дисциплин в высших учебных заведениях (6 человек), представители центральных и региональных государственных органов, ответственных за взаимодействие с религиозными организациями (4 человека), представители правозащитных организаций (2 человека), журналисты (3 человека). Экспертам был предложен блок вопросов, характеризующих взаимодействие религиозного, этнического и светского в различных сферах жизни общества. Эксперты оценивали различные аспекты религиозного диалога по шкале: «активное», «умеренное», «слабое» и «отсутствующее» взаимодействие и предлагали свои прогнозы развития этно-культурной и религиозной ситуации в нашем регионе.

Экспертный прогноз религиозно-культурной ситуации в регионе можно свести к следующему:

«Светская культура сохранит свою автономию на правах более или менее обширной субкультурной зоны среди различных этнических и религиозных культур» – 12;

«Светская культура будет все более тяготеть к одной доминирующей религии вплоть до слияния с ней» – 1;

«Светская культура будет все более захватываться в поле притяжения различных религий вплоть до поглощения ими» – 1;

«Религиозные культуры пойдут по пути конвергенции, сливаясь в единое целостное образование, которое будет соперничать со светской культурой» – 1;

«Религиозные культуры постепенно превратятся в реликтовые островки («этнографические заповедники»), окруженные светской культурной средой» – 0;

«Религиозные культуры будут все более секуляризироваться вплоть до полного растворения в светской культурной среде» – 0.

Очевидно явное тяготение большинства опрошенных экспертов к осторожному и нейтральному прогнозу светского и этнорелигиозного взаимодействия в духе паритета. На наш взгляд, оно говорит о достаточно скептическом отношении экспертного сообщества как к перспективе дальнейшей секуляризации культуры, так и к перспективе глобального «религиозного возрождения». Таким образом, по мнению экспертов, религиозно-культурное многоголосие в рамках сложившегося многообразия и равновесия будет сохраняться. В ближайшем будущем, на их взгляд, такая ситуация вряд ли изменится. Это обусловлено объективными факторами, препятствующими глобальному «религиозно-культурному возрождению». Среди них есть факторы, которые кроются в самой религиозной и этнической культурах: они замкнуты на самой себе и на тех установках, традициях, которые были заложены в них очень давно, ограниченность религиозной культуры сферой духовной жизни. Во-вторых, немаловажным фактором является нежелание религиозной культуры идти на сближение со светской, а этнических культур – на взаимодействие и взаимовливание. В-третьих, в современном российском обществе секуляризированной, то есть светской культуре, может противостоять только единая религиозная культура. Между тем в действительности мы имеем дело с сосуществованием и конкуренцией различных религиозных и этнических культур, что само по себе затрудняет межкультурный диалог и интеграцию. В-четвертых, в условиях нарастающего втягивания России в процессы глобализации в регионе усиливается проникновение англосаксонской культуры и связанных с ней религий. Эта культура преимущественно светского характера, а новые религиозные течения несут на себе печать модернизма. Являясь привлекательными для широких слоев населения, они делают религиозно-культурную и этническую палитру региона еще более пестрой, что также затрудняет интеграцию. Социологические исследования в области религиозности населения России в постперестроечный период фокусируются на корреляции религиозности с другими факторами, такими как: образование, субъективное благополучие, терпимость к другим мнениям. В этой связи особенно остро встает вопрос о религиозной толерантности как об одной из важнейших характеристик религиозности. Это зависит, в первую очередь, от того, что Россия страна многоконфессиональная, а сфера религии – это сфера, в которой проблемы непонимания и дискриминации воспринимаются с особой остротой. Изучение проблем, связанных с религиозной толерантностью, актуальны еще и потому, что на протяжении нескольких десятилетий в нашей стране господствовала антирелигиозная политика государства. Начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х годов в России политические и правовые перемены, ликвидация административных и нравственных притеснений верующих, расширение поля деятельности различных религиозных организаций позволили говорить о всеобщем религиозном возрождении и обратили внимание государства на проблему создания законодательного, правового и социального «климата», в котором религиозные организации будут не деструктивными, а позитивными составляющими общественной жизни.

Существуют факторы и тенденции, которые способствуют сохранению этнорелигиозной культуры в Волгоградской области: религиозная культура в большой степени отражает традиции, мораль и установки значительной, преимущественно традиционалистки ориентированной части региона. В условиях кардинальных социальных трансформаций, изменения основ образа жизни и ценностей, сознания религия и этническая культура сохранят свою привлекательность для социальных слоев, не сумевших адаптироваться к новой социокультурной среде. Наконец, в ситуации, когда социальная имитация стала частью повседневной жизни, декларативная приверженность ритуалам и формам религиозной культуры повсе-

местно воспринимается как нечто модное и престижное.

Характеризуя взаимодействие религиозного, этнического и светского в различных сферах жизни общества, эксперты оценили различные аспекты такого рода диалога по следующей шкале: «активное», «умеренное», «слабое» и «отсутствующее» взаимодействие. В сфере образования эта оценка выглядит соответственно как: 5, 4, 1, 1 (при 4 затруднившихся дать ответ). Взаимодействие в сфере культурно-просветительской деятельности – соответственно 4, 5, 2 и 1 (при 3 затруднившихся в ответе). В сфере народного творчества и художественной самодеятельности – 4, 6, 2, 1 (при 2 затруднившихся в ответе). Данные оценки позволяют, на наш взгляд, выделить в пространстве межкультурного взаимодействия два сегмента. К первому можно отнести те сферы социально-культурной жизни, в которых этническая и религиозная культуры чувствуют себя достаточно комфортно. Это объясняется тем, что через эти сферы религиозная культура может эффективнее воздействовать на массовое сознание, у религиозных объединений есть немалый опыт работы в этих сферах в силу традиционного интереса к ним. Ко второму сегменту принадлежат те социально-культурные явления, которые мало или практически не освоены религиозной культурой.

Показательна экспертная оценка в сфере науки: 2, 1, 2, 1 (при 9 затруднившихся в ответе). Как видим, светская наука, как важнейший элемент духовной жизни современного общества «выпадает» из сферы этнического или религиозно-культурного взаимодействия. Этот факт указывает на относительную слабость модернистских тенденций в этно-религиозной культуре. Обращает на себя внимание экспертная оценка в сфере здравоохранения «рейтинг» соответствующих показателей 2, 2, 1, 3 (при 7 затруднившихся в ответе). Если рассматривать сферу здравоохранения как сферу, в которой реализуются важнейшие установки, стереотипы материальной культуры, то придется констатировать «равнодушие» культуры к этим аспектам социокультурного бытия человека.

В целом, исследования религиозной и межкультурной ситуации, проведенные с 2005 по 2013 год в Волгоградском государственном университете, подтвердили заключения экспертов о том, что для большинства населения Волгоградской области вероисповедание не является значимым фактором в качестве основы для доверительных отношений между индивидами [3, с. 100–101]. Однако этническая принадлежность влияет на уровень и степень толерантности населения. Предпочтительным условием доверия, по мнению экспертов, будут социально-психологические условия и поведенческие характеристики. Характерной чертой представлений населения является отсутствие религиозного фактора в социальной среде на индивидуальном уровне, а этнический фактор имеет большее влияние.

По мнению большинства экспертов, положительные стороны в религиозной обстановке на территории нашей области проявляются в отсутствии или малом количестве межрелигиозных и межэтнических конфликтов, в проведении правильной политики органов власти и управления в этом вопросе.

Таким образом, при относительно стабильном сосуществовании религиозной, этнической и светской культур можно констатировать неравномерность межкультурного взаимодействия. В дальнейшем эти данные нуждаются в более глубокой и обстоятельной проверке посредством количественных и качественных методов социологического исследования. Пути такого взаимодействия намечены уже давно, однако для более тесного сотрудничества требуются как возможности и желание всех сторон, так и соответствующие нормативно-правовые акты, а также подготовленная к культурному диалогу социальная среда.

Библиографический список

1. *Козловский, В.В.* Ландшафт социальной и межкультурной коммуникации: между конфликтом и толерантностью [Текст] / В.В. Козловский // Социальные коммуникации: новое в науке, образовании, технологиях: Материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: Роза мира, 2004. – С. 188–190.

2. *Лебедев, С.Д.* К социологическому анализу рефлексии религии в светском образовании [Текст] / С.Д. Лебедев // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): материалы 3-й Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – С. 155–161.

3. *Сгибнева, О.И.* Отношения государства и религиозных организаций в условиях свободы совести [Текст] / О.И. Сгибнева // Вестник ВолГУ. Вып. 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – №1(16). – С. 99–104.

4. *Смирнов, М.Ю.* Социология религии [Текст]: Словарь / М.Ю. Смирнов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – 412 с.

УДК 314.56
ББК 60.5

НАРРАТИВ О БРАКЕ В ИССЛЕДОВАНИИ РАННИХ РАЗВОДОВ[1]

Е.Г. Лактюхина

Аннотация: Статья посвящена анализу качественного подхода в исследовании актуальной проблемы ранних разводов. Представлены основные результаты биографических интервью с молодыми супругами на разных этапах жизненного пути семьи. Выявлены поколенческие особенности квалификации брачных отношений супругами и отражена взаимосвязь причин распада брака и специфики нарратива о браке. Проанализирована взаимосвязь представлений супругов о желаемом для себя браке с квалификацией ими собственного брака. Сделаны выводы о селективности внимания к событиям в браке в зависимости от готовности к разводу. Определены ограничения использования нарративов о браке и разводе в исследовании причин разводов.

Ключевые слова: биографический метод; брачное поведение; развод; социология семьи и брака; качественные методы.

NARRATION ABOUT MARRIAGE IN THE EARLY DIVORCES RESEARCH

E. Laktukhina

Abstract: The article is devoted to the analysis of the qualitative approach in the research of the actual problem of early divorces. The main results of biographical interviews with young spouses at different levels of the family life course are presented. Generational peculiarities of qualification of marital relations between spouses are exposed and interconnection of reasons of marriage disintegration and specificity of the narration about marriage are reflected. The interaction of the ideas of spouses about wishful marriage for them with their qualification of their own marriage is analysed. The conclusion about selectivity of attention to events of marriage depending on readiness for divorce is made. The restrictions of usage of narration about marriage and divorce in the research of reasons of divorce are defined.

Keywords: biographical method; mating behavior; divorce; sociology of family and marriage; qualitative methods.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований 14-13-34002 «Новейшие тенденции в развитии института брака в современной России».

В современных эмпирических исследованиях развода все чаще используется теория жизненного пути семьи, представляющая брачные отношения как процесс. Это актуализирует обращение исследователей к биографическому методу и анализу нарратива о браке. Большая часть подобных исследований ориентирована на изучение объяснения супругов, которое они дают своему поведению (и поведению супруга) в браке. В фокус исследовательского интереса попадают предположения (или представления «о-том-как-есть-на-самом-деле»), представления о норме («как-все-должно-быть») и селективность внимания (события, которые маркируются как важные). Квалификации определенных событий супругами могут быть использованы для того, чтобы понять настоящую ситуацию в браке. Эта основа для восприятия прошлых и настоящих событий формирует ожидания и поведение супругов в будущем. Связь памяти и квалификаций событий лежит в основе структуры брачных отношений – так, например, проблемные пары, скорее всего, вспоминают негативные события, чем позитивные, в то же время память о прошлых негативных событиях существенным образом оказывает влияние на события настоящего времени в браке.

С. Каррер использовала материалы устных историй супружеских пар (N=130) о своей совместной жизни со времени знакомства до момента интервью [1]. Пары были проинтервьюированы о счастливых и трудных временах в браке и об их представлениях о брачных нормах. Супружеские пары были выбраны таким образом, чтобы их можно было равномерно расположить в каждой точке на прямой удовлетворенности браком – от наиболее счастливых к наименее счастливым парам (в то время как согласно статистическим данным, график удовлетворенности браком представлял бы колоколообразную прямую с преобладанием средних значений). Образцы были отобраны с учетом расовых, этнических и демографических особенностей, а также с учетом этапа жизненного пути семьи. Устные истории представляли собой рассказ о знакомстве, добрачном периоде, свадьбе, о браке родителей (и его сравнение с собственным браком), трудных и счастливых моментах. Интервью включало вопрос о «хорошем» и «плохом» браке для информанта.

Фокус восприятия является своего рода фильтром квалификации поведения супруга, способствующим селекции внимания: при описании своей жизни в браке проблемные пары занижают число положительных событий. Эти проблемные пары выборочно упоминают о негативных моментах взаимодействия и не помнят точно число позитивных событий совместной жизни. Так, некоторые пары представляют историю своего брака как череду трудностей, которые они вместе преодолевают, или описывают свои отношения в контексте разочарования. Основываясь на данных устных историй, исследователи с 94% точностью предсказали развод в наблюдаемых парах, браки которых распались в течение трех лет исследования. Пары, в которых супруги (или один из супругов) были более критичны к своим партнерам, были разочарованы браком и считали, что проблемы находятся за пределами их личного контроля, развелись в течение трех лет после интервью. Таким образом, на основании того, как пара рассказывает историю своих отношений, можно предсказать вероятность стабильности их брака или наступление развода.

Однако возможности экстраполяции результатов ограничены, так как исследование было проведено на выборке супружеских пар в одной конкретной точке жизненного пути брака (семейные пары с детьми дошкольного возраста). Восприятие семейных отношений может меняться на разных этапах жизненного пути семьи. Наблюдаемые пары состояли в браке в среднем 4–5 лет к моменту исследования, к этому времени формируется и закрепляется некоторая модель квалификации отношений. В отличие от первого года семейной жизни, который представляется как период изменений и корректировки. Например, П. Ноллер и Дж. Фини обнаружили, что в течение первых двух лет брака супружеские пары меняют свои модели коммуникации [2, с. 235]. Г.Дж. Маркман, Ф.Дж. Флойд, С.М. Стэнли и К. Джеймисон предположили, что каждый этап брака имеет собственные проблемы оценки отношений [3]. В то же время некоторые исследования показывают: модели будущих нестабильных семейных отношений могут быть найдены в добрачном и раннем брачном периоде.

Восприятие собственного брака существенно зависит от накопленного опыта и, следовательно, вполне вероятно, что длительность коммуникации супругов и способы разрешения конфликтов корректируют семейное воспри-

ятие брачных отношений пары и влияют на их развитие. Ко времени рождения первенца модели коммуникации и представления о браке и своем партнере теряют пластичность, свойственную периоду молодоженов.

Эта пластичность в новобрачной паре затрудняет измерения стабильности и восприятия супругами друг друга и своего брака, которое лежит в основе прогнозирования будущих качеств брака и возможности развода. В дополнение к пластичности и открытости к переменам, молодые супружеские пары часто не имеют «общей истории», длительного опыта совместной жизни, необходимых для развития чувства единства и совместной супружеской идентичности. Исследование показывает, что восприятие парой своего брака как единого целого и их совместное преодоление общих трудностей вносят в брачные отношения важный компонент, формирующий стабильность семьи. Ранний развод показывает, что пара не сформировала «мы-идентичности».

Удовлетворенность семейными отношениями – конструкт, связанный с семейной идентичностью, но не тождественный ей. Дж. Готтман обнаруживает корреляцию между переменными удовлетворенности браком и квалификацией семейных связей. Квалификация супругами своих семейных уз операционализируется посредством селективного внимания к поведению супруга, сосредоточения нарратива на положительных или отрицательных моментах совместной жизни, взаимодействия супругов во время парных интервью. Все эти элементы связаны между собой и обладают прогностической функцией относительно стабильности/нестабильности брака. Пары, которые развелись в первые два года, имеют негативные эмоциональные модели коммуникации, в то время как в браках, прекратившихся позже (но в пределах первых пяти лет) отсутствовали положительные эмоции в общении.

В анализе предразводного состояния супружеских пар следует отметить поколенческие и возрастные особенности. Представители старших возрастов, состоящие в браке с большим стажем, связаны между собой общими детьми, финансами, социальными сетями, а значит, накапливают множество барьеров для развода. Кроме того, представители предыдущих поколений иначе понимают значение стабильности брака в отличие от современной молодежи. На фоне общего подъема экономики, улучшения социально-бытовых условий предполагается, что браки станут более стабильными, но уровень разводов продолжает повышаться и остается особенно высоким в молодых браках. При этом концентрация разводов в первые годы существует довольно давно, но ориентация на развод у настоящих молодоженов гораздо выше, чем у заключивших союз три-четыре десятилетия назад. Это может быть объяснено различиями в брачных установках поколений. Сокращение разводов в старших возрастах и высокий уровень в первые годы брака полностью не объясняют ни консерватизм и традиционализм старших поколений, ни разница в уровне доходов. Факторы, приводящие к разводу и влияющие на стабильность семьи, настолько индивидуальны для каждого поколения и возрастной группы, что сформировать некий универсальный набор причин невозможно. Одни и те же переменные в зависимости от социального контекста дают разные результаты.

Особое место в изучении стабильности брака занимает феномен добрачного сожительства, интерес к которому обусловлен тем, что рост уровня разводов совпадает с началом распространения сожительств. Во-первых, добрачное сожительство рассматривается как период выбора партнера и подготовки к браку (примером подобного исследовательского ракурса служат работы К. Ридли, Д. Петермана и А. Авери). Следуя такому представлению, добрачное сожительство должно способствовать семейной стабильности. Вторая точка зрения связана с идеей, что в гражданском браке пары начинают свою супружескую жизнь раньше, в связи с чем отмечается снижение удовлетворенности браком в течение первого года в официальном союзе. Добрачное сожительство оказывает негативное влияние на стабильность брачных отношений в первые годы, затем оно исчезает с увеличением продолжительности брака.

Предпринимая попытку интегрировать статистические данные изменения брачного поведения и биографии, исследователи определяют личные оценки проблем в браке как ближайшие (или непосредственные) причины развода, а социально-демографические переменные и этапы жизненного пути семьи – как отдаленные или косвенные. Возраст вступления в

брак, брачный стаж, уровень религиозности, очередность брака, опыт развода у родителей усиливают те или иные субъективные проблемы супругов, а именно: в первые годы супружеской жизни супруги отмечают проблемы, связанные с ревностью и неверностью, в том числе из-за того, что современные молодые супруги с большей легкостью допускают внебрачные связи. Однако остаются неизученными механизмы преодоления названных проблем, способы их квалификации, неизвестно также почему, существуя долгое время, одни проблемы приводят к разводу, другие – нет, и почему возникновение определенных проблем и наступление развода имеют большой разрыв во времени.

Среди практических исследователей ранних разводов укрепилось представление о том, что индивидуальные истории о проблемах в браке, рассматриваемые в отрыве от их социального контекста, не раскрывают истинные причины разводов; спрашивая о причинах развода, мы так и не узнаем, что привело к разводу. Индивидуальные истории о проблемах в браке обладают достаточным эвристическим потенциалом в исследовании субъективного опыта, механизмов конструирования решения о разводе, гендерных отличий и отличий в оценке ситуации развода с течением времени. Однако не следует определять нарратив о разводе как надежный индикатор истинных причин распада брака. Объяснение развода (в ситуации, когда развод уже свершился) является результатом переопределения ситуации и вторичной интерпретацией того, что явилось причиной разрыва в попытке «оправдать» свое решение. Возможно, супруги определяют некоторые аспекты брачных отношений как проблемные только тогда, когда уже решили разорвать отношения и готовы к разрыву. Соответственно для определения специфических черт разводов, представленных в семьях определенного поколения, важно учитывать как количественные факторы: (социально-демографические характеристики брачности – средний возраст вступления в брак, тенденции заключения повторных браков, ситуацию на брачном рынке и т.д.), так и «биографии» разводов, содержащие интерпретации индивидуальных ситуаций.

Библиографический список

1. *Carrere, S.* Predicting Marital Stability and Divorce in Newlywed Couples [Text] / S. Carrere // Journal of Family Psychology. – 2000. Vol. 14. – №1. – P. 42–58.

2. *Noller, P.* A longitudinal study of conflict in marriage [Text] / P. Noller, J.A. Feeney, D. Bonnell, V.J. Callan // Journal of Social and Personal Relationships. – 1994. – Vol. 11. – P. 233–252.

3. *Markman, H.J., Floyd, F.J., Stanley, S.M., Jamieson, K.A.* Cognitive-behavioral program for the prevention of marital and family distress [Text] / H.J. Markman, F.J. Floyd, S.M. Stanley, K.A. Jamieson // Issues in program development and delivery. Marital interaction. – New York, 1984. – P. 396–428.

УДК 316.647.7
ББК 60.524.258.6

FANSTUDIES КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, ИЗУЧАЮЩЕЕ ФАНДОМ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПЕЦИФИКА ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.А. Николенко, М.В. Березнечук

Аннотация: В статье описываются особенности fanstudies как научного направления, анализируются этапы его становления и специфика предметного поля; выявляются причины, детерминировавшие проявление интереса зарубежных и отечественных исследователей к изучению фан-сообществ. Акцентируется внимание на необходимости активизации усилий в изучении российских поклонников фандома и преодоление гендерной асимметрии во взгляде на фандом как на мужское сообщество.

Ключевые слова: fanstudies, гендерная асимметрия, фан-сообщество, фанаты, фанат-поклонник, артефакты, фанфикшен, машинима, виддинг, субкультура.

FANSTUDIES AS SCIENTIFIC DIRECTION ABOUT FANDOM: HISTORY OF ORIGIN AND SPECIFIC OF THE ARTICLE OF RESEARCH

N. Nikolenko, M. Berezenchuk

Abstract: In the article the features of fanstudies are described as scientific direction, the stages of his becoming and specific of the subject field are analysed; reasons come to light, determining professing interest of foreign and home researchers to the study of fans. Attention is accented on the necessity of activation of efforts for the study of the Russian admirers of fandoma and overcoming of gender asymmetry in a look to fandom, as on a masculine association.

Keywords: fanstudies, gender asymmetry, fan-association, fans, fan-admirer, artefacts, fanfiction, machinima, vidding, subculture.

Благодаря достижениям научно-технического прогресса появились новые возможности для удовлетворения различных потребностей членов общества. Интернет создал уникальные условия для самовыражения индивидов в различных сферах общественной жизни, в том числе и в области собственных увлечений. В течение последних десятилетий в пространстве Всемирной сети стало формироваться и развиваться сообщество увлеченных людей, именующих себя *фанатами*. Так называемые медиа-фанаты активно разворачивают деятельность в Интернете, где у них есть все условия для творческой самореализации и развития своего сообщества, именуемого *фандомом*. В пространство фандома включены субъекты (поклонники) и целый пласт культурных артефактов, которые создаются непосредственно активными участниками.

Создание новой субкультуры фандома повлекло за собой ряд последствий, которые становятся объектом исследования социологии, философии, культурологии, психологии и т.д. Но особое место в этом ряду занимает Fanstudies (научная область знаний о фандоме), которая исследует множество проявлений «фанатства» в обществе и культуре. Основными направлениями при изучении сообщества поклонников в социологии являются исследования в области гендера и социализации, так как в большинстве своем подверженными этому явлению становятся подростки. При этом следует подчеркнуть, что данный феномен практически не изучается российскими социологами, и поэтому эта область имеет только иностранную теоретическую базу. И это несмотря на то, что в России фанатство уже прижилось в социуме и не воспринимается как западное нововведение (спортивные болельщики, музыкальные поклонники и т.д.). Кроме того, в условиях российского общества фандом принимает уникальные черты, отражающие и определенные признаки западных образцов, и отечественную специфику, обусловленную российским мента-

литетом. Поэтому изучение данного феномена, на наш взгляд, представляет научный интерес для всего мирового научного сообщества.

Следует отметить, что современный «взрыв фанатства» в Интернете вывел и самих поклонников в этой сфере на новый уровень – на путь исследования. И сегодня изучением феномена фандом занимаются не только представители средств массовой информации и исследователи в области «новых» медиа, но и «ученики старших школ, проводящие время на FanFiction.net, или поклонники мыльных опер, собирающихся на онлайн-форумах» [1]. Все они, как отмечает Хеллексон К., так или иначе, участвуют в сборе данных для исследований фан-сообщества, даже не подозревая об этом. Но, несмотря на это, многие сообщества и работы, созданные поклонниками, до сих пор игнорируются. Что, на наш взгляд, открывает новые горизонты и поля для исследований.

FanStudies являются научным направлением, которое базируется на результатах исследования многих наук. То есть специфика этого направления определяется не только объектом и предметом исследования, но и междисциплинарным подходом, используемым в процессах сбора и интерпретации социальных данных. Лингвистические науки и социология изучают и интерпретируют артефакты, созданные в рамках фан-сообщества (историю создания и риторические стратегии по оформлению специфических понятий, социальную структуру соообщества, особенности социального взаимодействия членов сообщества и процессы социализации и др.); этнография в своем ракурсе анализирует субкультуру фаната-поклонника; средства массовой информации (кинематография, телевидение и т.д.) оценивают свои возможности интеграции в практику фаната и фан-арт; психология изучает поведение и мотивацию членов фанатского сообщества; юриспруденция анализирует основные проблемы, связанные с производной природой художественных работ фанатов, включая проблемы, связанные с авторским правом, пародией и правомерным использованием.

Систематизация указанных научных исследований позволяет выделить в FanStudies два направления изучения: объектом первого являются фандом в целом как социальный феномен и сами фанаты (именуемые поклонниками), а объектом второго – артефакты, созданные поклонниками.

Интерес к исследованиям в рамках FanStudies стал активно проявляться, начиная с 80-х годов XX века. И начиная с этого времени, исследования, посвященные изучению поклонников, можно разделить на три стадии или волны.

Первая волна исследований была детерминирована идеями Мишеля де Серто (предложившего понятие «тактика») и Джона Фиске (выдвинувшего концепцию «Популярное исходит снизу»). Внимание в этих исследованиях было сосредоточено на фанатских сообществах, аудитории, конструирующей понятия; на тактике партизанского стиля потребителей массовой культуры и на сопротивлении субкультуры фанатов доминирующей культуре общества. Особенность этой «ранней» стадии развития учения о фандоме, как писали Д. Грей, К. Сэндвосс и К. Харрингтон, заключалась в «целеустремленном политическом вмешательстве [исследователей – *прим. автора*], которое примкнуло к тактике аудитории в их уклонении от доминирующих идеологий, и намерении защищать сообщества поклонников от нападок со стороны средств массовой информации и нефанатов» [2, p. 2]. Другими словами, первая волна ученых в области фандома попыталась изменить отношение общества к практикам, рассматриваемым иногда как унижичительные.

Вторая стадия исследваний была ответом на появление новых СМИ и быстрый рост новых форм фандома и численности поклонников в 1990-е годы XX века, питаемых Интернетом. FanStudies больше выполнялись в рамках социологических парадигм и дифференцировали сообщества поклонников в сегментированные рамки иерархии вкуса, следуя П. Бурдье. Затем исследователи обратили внимание на определение поклонниками самих себя как членов фандома. Во время второй волны fanstudies политические деятели и знаменитости, а также обычные граждане помогли исследователям рассмотреть в них «поклонников», так как сами стали «определять» себя посредством идентификации с объектами фаната. Другими словами, «любители» или «поклонники» стали появляться в разных отраслях культуры и пополнять свои фандомы информацией на уже конкурентном рынке.

Третью стадию развития FanStudies можно охарактеризовать как учение о фанатах и объектах их почитания. И здесь благодаря тому, что фанат-поклонники, следуя своим предпочтениям и вкусам, активизируют свою деятельность в фандомах, переходя от «созерцания» к «соучастию», внимание исследователей акцентируется уже не на «изучении *неких* [*прим. автора*] любителей как части повседневной жизни» [2, p. 9], а на процессе проникновения в фандом и самореализации в нем, т.е. «цели захватить фундаментальную способность проникновения в суть современной жизни» [2, p. 9]. Вклад фандома в развитие фанатской культуры рассматривался посредством анализа созданных фанат-поклонниками артефактов. А разнообразие и специфика последних свидетельствовали о динамике развития фанатской культуры, которая включала уже такие фандомы, как: поклонники новостей, дворовых боев, высокой культуры и многие другие. То есть сферы в фанатской культуре, которые были проигнорированными ранними исследованиями в области культурного анализа, сосредоточивших свое внимание на более «популярных» в то время «явлениях».

Развитие кабельного телевидения стимулировало появление новых медиа-технологий. При этом фанат-поклонник, оставшись преданным «потребителем», стал центральной частью промышленных маркетинговых стратегий СМИ. В этой связи Г. Дженкинс отмечал: «Мы [пока – *прим. автора*] не имеем инструментов для изучения [фандома – *прим. автора*] и понятий [раскрывающих его специфику – *прим. автора*], чтобы говорить о социальных параметрах фандома, который больше не является ‘миром только для выходных’. Этот вид любителей [фанат-поклонников – *прим. автора*] везде и всюду [это – *прим. автора*] центральная часть повседневных потребителей, действующих в пределах сетевого общества» [2, p. 361]. Кроме того, Г. Дженкинс выделил ряд проблем, стоящих перед исследованиями фаната/фандома в современную эру распространяющихся цифровых СМИ. Настаивал на необходимости расширения междисциплинарного поля исследования фандома. Указывал на значимость роли фандома в жизни фанатов, при этом подчеркивая, что фандом не только фиксируемое настоящее, «фандом – будущее» [2, p. 361].

В то же время благодаря усилиям исследователей в начале XXI века в социологической области fanstudies было накоплено достаточно знаний для того, чтобы приступить к более углубленному изучению феномена фандома. Одной из таких областей исследования стал гендер. Проблема «пола» в научном сообществе, посвятившем себя фандому, «всплыла» на почве недовольства женской половины исследователей. Причиной послужила все более заявляющая о себе тенденция доминирования мужчин в рядах исследователей и игнорирование идей и мнений коллег «слабого пола». Кроме того, преобладающее большинство научного сообщества в области fanstudies было склонно утверждать, что фандом преимущественно «мужской» феномен, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, посвященные только мужчинам фанатам (причем авторами этих публикаций были ученые, являющиеся этими фанатами). Независимый ученый Кристина Буссе, придерживаясь феминистских настроений, отмечала, что в научной среде напрямую игнорируют мнение женщин-ученых, а рассмотрению фандома с точки зрения женского сообщества уделяется слишком мало внимания. По ее мнению, «ученые-мужчины не понимают и игнорируют наши [женщин – *прим. автора*] интересы или, когда мы обсуждаем одинаковые вещи, – наши взгляды со стороны» [3]. Позицию К. Буссе разделил американский исследователь в области массовой культуры Дж. Миттелл: «намеренное ли это нежелание затронуть женщин-ученых академиками мужского пола или это действительно ситуация в научном сообществе, не столь важно – возникло всеобъемлющее впечатление среди acafan [термин, применяющийся в отношении академиков, занимающимися вопросами фанатской культуры – *прим. автора*] сообщества женского пола, что есть гендерное средство раскола, и что это имеет значение, и должно быть обсуждено» [4]. Необходимо также отметить, что несмотря на требования изменения ситуации, академический интерес к «любителям» (фанат-поклонникам) все же раскололся вдоль гендерных линий. На одной стороне были известные исследователи мужчины, изучающие фанатов-парней, а на другой (вернее будет сказать, по краям основных исследований) разместились

работы ученых женского пола, которые не только изучали и защищали фанаток-девушек, но и касались тем, одинаково волнующих представителей обоих полов. В то время как мужчины-исследователи интересовались только проблемами «сильной» половины человечества. Противостояние ученых не прекращалось и обострялось, если появлялся повод. И в этой связи следует отметить, что в 2007 г. Г. Дженкинс (крупнейший американский ученый в области фанатского сообщества) провел крупномасштабное исследование по вопросам гендерных представлений о фандоме, обосновав свой выбор тем, «что текущее поколение теоретиков fanstudies может следовать вперед к более сложному расчету ролевых гендерных игр в фандоме» [5]. Г. Дженкинс выдвинул рабочую *гипотезу*: движущей силой фан-сообщества являются в большинстве своем представители мужского пола, правомерность которой подтверждал целый ряд публикаций в американских печатных СМИ. Так, журнал «The Time» опубликовал статью о «мальчиках, которым нравятся игрушки» [6], в которой и был описан образ *мальчика-поклонника* [fanboy]:

«Он – один из самых влиятельных законодателей вкусов в Голливуде, […] считающий хитом "Героев" на NBC и гений Xbox 360. Он наслаждается приглашениями на Ранчо Скайуокер и общается с парнями, как Николас Кэйдж и Квентин Тарантино на съездах. Он лояльный, общеизвестно привередливый и часто агрессивный с теми, кто смеет не соглашаться с ним. …Иногда ему нравится наряжаться Человеком-пауком.

Он – мальчик-поклонник, как правило, чрезмерно увлеченный мужчина 16–34 лет (хотя существуют и девушки), чья рабская преданность предмету поп-культуры (персонаж комиксов или видеоигра), заставляет вести блог, подкаст, беседу, создавать видео на YouTube, идти на съезды любителей комиксов и, время от времени, смотреть кино с предметом его навязчивой идеи. И у него есть свой путь с Голливудом» [6]. Публикации в СМИ не могли не задевать феминистски настроенных исследователей, которые свои работы посвящали женской половине фанатского сообщества. Среди них нашлись достойные оппоненты мужской половине научного сообщества, которые и подтолкнули Г.Дженкинса на полноценное исследование в области гендера. Так, К. Буссе, К. Хеллексон и другие исследовательницы в области фандома весной 2007 года на конференции, посвященной исследованиям СМИ, выдвинули несколько работ, посвященных женщинам в сфере массовой культуры и в фандоме. Исходя из отчетов прошедшей конференции и собственных наблюдений, Кристина Буссе выдвинула ряд обвинений в сторону acafan сообщества, таких, как:

- ученые постоянно заостряют внимание на деятельности мужчин-фанатов, при этом игнорируя многолетнюю женскую практику;
- проведение параллелей между женской группой поклонников и мужской следует считать ошибкой;
- у исследователей телевизионных СМИ недостаточно знаний в области fanstudies, чтобы делать выводы и считать их достоверными;
- мнение женщин-исследователей игнорируется потому, что в дискуссионных группах женщины представлены в меньшинстве;
- спектр гендерных вопросов в области fanstudies весьма ограничен.

Именно эти обвинения со стороны К. Буссе заставили Г. Дженкинса задуматься о роли гендера в условиях фандома и FanStudies и провести исследование, в котором приняли бы участие ученые «противоборствующих» сторон. Однако и здесь Дж. Миттелл отметил не утешающую тенденцию: «Даже просматривание списков приглашенных Генри для этого форума убеждает в предположении, что не случайно большинство женщин находится в менее низких традиционных академических ролях» [3]. Но, несмотря на это, гендерный аспект в данном научном направлении все же был рассмотрен в рамках исследования под названием «Genderandfanstudies» летом 2007 года в блоге американского профессора Г. Дженкинса. Его идея заключалась в том, что группа ученых своими рассуждениями способна усложнить существующие предположения о гендерных стереотипах в области фандома. Для полного раскрытия темы Г. Дженкинсу были необходимы такие ученые, которые причисляли себя к рядам поклонников. Поэтому Г. Дженкинс и К. Буссе выбирали исследователей из диапазона дисциплин и национальных контекстов, чья область исследования были не только научная

фантастика и фэнтэзи, «мыльные оперы», популярная музыка, игры, но и другое. В конечном счете в исследовании приняли участие 44 академика из разных научных направлений, не считая тех, кто присоединился к дискуссии вне официальных диалогов, причем соотношение женщин и мужчин было равным. Так, в 22-х диалогах речь шла о роли мужчин и женщин в развитии фандома. Среди главных тематик, связанных с гендерными представлениями, выступили такие, как: роль авторских прав при создании поклонниками артефактов, доступ к информации, жанровое разделение и рассмотрение фанфикшена как зоны женского доминирования.

Проблема авторских прав при создании поклонниками артефактов была затронута в диалоге К. Хеллексон и Дж. Миттелл. Здесь противостояние полов было показано в таких видах деятельности фанатов, как создание фанвидео и фанфикшен. Для описания сферы создания видео был использован принятый в фандоме термин машинима [machinima]. Машинима (от англ. machine – машина и cinema – кино) – короткий анимационный фильм на основе компьютерной игры, – воспринималась исследователями как «мужская деятельность». Фанфикшен [fanfiction] – создание литературных произведений на основе фильма, игры, книги, реальных событий и т.д. – был отнесен к женской сфере фандома. Машинима считалась деятельностью, которая не нарушает права правообладателя и следует так называемому канону – оригиналу. Тогда как фанфикшен нацелен на переформирование оригинальной (канонной) реальности и требует от создателя отказа от прав на авторство, дабы избежать конфликтных ситуаций. Следовательно, в рамках данных подходов становится очевидным, что женская деятельность, заключающаяся в фанфикшене, реализуется в пока еще традиционном (т.е. мужском) мире, где авторские права и лицензии значат больше, чем творческая активность, не требующая юридически правовой основы. Таким образом, область мужской деятельности в фандоме была оправдана с точки зрения авторских прав, тогда как женская получила статус маргинальной.

Обсуждение в дискурсе другой проблемы – доступности информации, по большей части, касалось такого вида фанатской деятельности, как создание видео на основе оригинального произведения (игры, фильма и т.д.). Собеседники Р. Джоунс и Л. Штейн при этом четко разделили эту деятельность на два термина – машинима и виддинг [vidding] – которые отличались друг от друга только по гендерным характеристикам. Машинима была определена ими априори как мужской жанр фанатского видео. Виддинг – создание музыкального видео на основе фильма, игры и т.д. – определено исследователями как чисто женский жанр. При этом исследователи отметили, что по мере упрощения интерфейса в программах для создания видео, авторами машинима становились теперь и женщины, численность которых постепенно возрастала. Данную слабую, но тенденцию подметили с появлением компьютерных игр, ориентированных на женскую аудиторию, которые были оснащены довольно простым интерфейсом, не требующим особых знаний, коими обладали мужчины, связанные с компьютерами в силу тяги к технике и/или производственным сферам деятельности. Проникновение в область виддинга представителей сильного пола было зафиксировано частично, и то только в сфере чисто мужских тематик. Другими словами, с упрощением интерфейса в компьютерных программах информация по созданию сложных фан-видео стала более доступна, в результате чего участились случаи проникновения женщин в «мужскую сферу доминирования», и адаптация женской половины сообщества в ней стала проходить более успешно.

Необходимо подчеркнуть, что и проблема авторского права, затронутая в дискуссии К. Хеллексон и Д. Миттеллом, рассматривалась с точки зрения традиционных взглядов академического сообщества. Оппоненты пришли к заключению, что при написании научных работ на тему машинима допустимо использовать слайды и материал «чужих» видео, и это не рассматривается в качестве плагиата. В то время как публикация работ на тему виддинга непременно упрется в стену из авторских прав, например, на использованную музыку, что не даст возможность исследователю включить виддинг как наглядный пример для научной работы.

В ходе дискурса был еще раз подтвержден тезис о том, что в академической среде больше внимания уделяется ученым – фанатам-мужчинам, нежели женщинам. В то же время было признано, что темы гендерной направленности у исследователей женского пола по сравнению с исследователями мужчинами более актуальны в силу масштаба и проблематики. Другими словами, был поднят вопрос о роли женского и мужского академических сообществ в области fanstudies, требующий дальнейших детальных исследований.

Но наибольший интерес у оппонентов вызвала тема фанфикшена, которая включала в себя жанровое разделение и рассмотрение фанфикшена как зоны женского доминирования. Ни у кого из участников исследования не было сомнения в том, что фанфикшен является областью женского доминирования. В свою очередь, Ксения Прасолова отмечала: "Первые исследования фанатов, которые я видела…, имели тенденцию концентрироваться на 'женских' действиях в фандоме, и это действительно выглядит так, будто нам дают понять, что фанатская коммуникационная сеть раньше была женской. Большинство других исследований фандома также имело тенденцию выбирать женское доминирование и женский творческий потенциал» [7]. Помимо этого затрагивалась тема критики женских жанров в фанфикшене как наиболее распространенных. Из-за большого количества однотипных текстов начала возрастать конкуренция, приведшая к росту критики как текстов, так и самих "женских" жанров (романтика, драма). Это обусловило переход авторов к «мужским» жанрам (экшен, приключения), которые менее критикуемы. К. Тозенбергер писала, что «поскольку фанфикшен циркулирует неофициально, он не связан соглашениями и ограничениями институциализированной публикации. …Вы можете сделать в фанфике то, что было бы трудным или невозможным сделать в беллетристике, предназначенной для коммерческой публикации, к примеру, эксперименты с формой и предметом, которые не соответствуют преобладающим вкусам. Эту свободу особенно чувствуют в представлениях романтических и сексуальных отношений – и это главная причина, я думаю, почему женщины и молодые люди сочли фанфик настолько привлекательным» [8].

Таким образом, в процессе рассмотрения этого аспекта все исследователи пришли к выводу о том, что в фанатской беллетристике существует четкое гендерное разделение по жанрам. В частности, женщины больше предпочитают романтические истории и драмы, тогда как мужчины склоняются к пародиям. При этом исследователи не различали ни читателей, ни писателей в области фанфикшена, что означает только одно – их разделение применимо к обеим группам.

Анализирируя результаты всего исследования Г. Дженкинса, можно прийти к выводу, что фандом и FanStudies в целом не могут быть охарактеризованы как явления с тотально проявляемой гендерной направленностью. Однако разделение по полу четко фиксируется в определенных сферах деятельности фанат-поклонников: фанфикшен, машинима и прочие. Во всех диалогах, вопреки ожиданиям Г.Дженкинса опровергнуть гендерные различия, наблюдалось четкое определение «мужского» и «женского» в области фандома и fanstudies, которое, кстати сказать, касалось не только фандома как такового, но и академических сообществ.

Подводя итог всему вышеизложенному, необходимо подчеркнуть: фандом – социальный феномен современного общества, роль которого в жизни членов социума постоянно возрастает. Накопление сведений по сообществу фанат-поклонников привело к формированию отдельной междисциплинарной области научного знания – FanStudies, ретроспективный анализ становления которой позволяет выявить несколько стадий становления, отличающихся друг от друга ракурсами изучения предмета исследования. Анализ исследований по изучению фандома позволяет констатировать наличие гендерной асимметрии (проявляемой во взглядах исследователей, деятельности фанат-поклоников и пр.) и асимметрии в количестве исследований зарубежных и отечественных ученых, свидетельствующих не в пользу последних. Хотя специфика развития фандома, развивающегося под влиянием российского менталитета, на наш взгляд, заслуживает более

пристального внимания со стороны научного российского сообщества.

Библиографический список

1. *Hellekson, K., Busse, K.* Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet [Text] / K. Hellekson & K. Busse. – Jefferson, NC: McFarland, 2006. – 296 p.

2. *Gray, J., Sandvoss, C., Harrington, C.* Fandom: Identities and Communities in a Mediated World [Text] / Jonathan Gray, Cornel Sandvoss, and C. Lee Harrington. – New York: New York University Press, 2007. – 432 p.

3. *Busse, K.* MiT5 Review [Electronic resourse] / Kristina Busse. – Mode of access: http://kbusse.wordpress.com/2007/05/01/mit5-review/ (Дата обращения: 23.04.2014). – Заглавие с экрана.

4. *Hellekson, K., Mittell, J.* Gender and Fan Studies, round one. [Electronic resourse] / Jason-Mittell&KarenHellekson. – Mode of access: http://fandebate.livejournal.com/1198.html (Дата обращения: 21.04.2014). – Заглавие с экрана.

5. *Jenkins, H.* The Magic of Back-Story: Further Reflections on the Mainstreaming of Fan Culture [Electronic resourse] / H. Jenkins. – Mode of access: http://www.henryjenkins.org/2006/12/the_magic_of_back_story_furthe.html (Дата обращения – 20.04.2014). – Заглавие с экрана.

6. Movies: Boys Who Like Toys [Electronic resourse] // The Time Magazine Arts. – Mode of access: http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1612687,00.html (Дата обращения – 20.04.2014). – Заглавие с экрана.

7. *Prasolova, K*. Gender and Fan Studies. Round Four. [Electronic resourse] / Ksenia Prasolova. – Mode of access: http://fandebate. livejournal.com/2469.html (Дата обращения – 21.04.2014). – Заглавие с экрана.

8. *Long, G., Tosenberger, C.* Gender and Fan Studies. Round Five. [Electronic resourse] / Geoffrey Long and Catherine Tosenberger. – Mode of access: http://fandebate.livejournal.com/2726.html – (Дата обращения – 22.04.2014). – Заглавие с экрана.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

УДК 904,572.9
ББК 63

ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕРЕПОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ С НЕПРЕДНАМЕРЕННОЙ ИСКУССТВЕННОЙ ДЕФОРМАЦИЕЙ (ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)[1]

Е.В. Перерва

Аннотация: В работе представлена попытка изучения патологических состояний черепов с непреднамеренной искусственной деформацией представителей золотоордынского времени, происходящих из подкурганных и грунтовых захоронений с территории Нижнего Поволжья. Анализ костного материала проводился с помощью метода палеопатологического исследования. Всего было изучено 655 черепов, 183 из которых со следами искусственной деформации. В процессе изучения оценивались частоты встречаемости аномалий черепа и патологических отклонений зубной системы, учитывались травматические состояния, анализировалось наличие признаков внутричерепной гипертензии, симптомов сосудистых нарушений, присутствие маркеров эндокринных заболеваний.

В результате проведенного исследования удалось установить, что у представителей эпохи позднего средневековья с территории Волгоградской области в подавляющем большинстве случаев распространена так называемая «бешиковая» колыбельная деформация. Характер деформации можно описать как промежуточный между теменно-затылочным типом и простым затылочным типом, так как область уплощения охватывает как нижнюю часть теменных костей, так и верхнюю чешую затылочной кости в лямбдоидной области. В процессе проведенного исследования выяснилось, что непреднамеренная искусственная деформация черепа вполне совместима с нормальной жизнедеятельностью человека. Тем не менее, длительное время нахождение ребенка в колыбели и изменения, возникающие в черепной коробке в результате давления массы собственной головы, могли провоцировать развитие различных патологических состояний.

Ключевые слова: золотоордынское время, непреднамеренная деформация, люлька бешик, аномалии, патологии, образ жизни.

RESEARCH OF SKULLS OF GOLDEN HORDE PERIOD FROM THE LOWER VOLGA RIVER REGION WITH UNINTENTIONAL ARTIFICIAL DEFORMATION (PALEOPATHOLOGICAL APPROACH)

E.V. Pererva

Abstract: This paper provides an overview of unintentional artificial pathological deformation of skulls of the Golden Horde population originating from beneath barrows and ground burials from the territory of the Lower Volga region. The bone material was analyzed using the paleopathological examination method. We examined 655 skulls of which 183 contained traces of artificial deformation. Such factors as frequency of skull and dental system abnormalities, traumatic conditions resulted from intracranial hypertension, symptoms of vascular disorders, endocrine diseases indices were assessed in this study.

The study found that population of the late Middle Ages to the Volgograd region in most cases spread so-called beshik lullaby deformation. The deformation can be described as intermediate between parieto-

[1] Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 13-06-00189, 13-06-97030 р_поволжье_а.

occipital nuchal type and simple type, as the area covering the flattening as the lower part of the parietal bone and occipital bone scales upper lambdoid area. During the study found that unintentional artificial cranial deformation is quite compatible with a normal human life. However, long time presence of the child in the cradle and the changes and emerging in the skull as a result of pressure from the masses own head, could provoke the development of various pathological conditions.

Keywords: Golden Horde time, unintentional deformation, cradle beshik, anomalies, pathologies, life style.

Введение

Эпоха средневековья на территории Нижнего Поволжья характеризуется наличием на черепах как преднамеренной, так и непреднамеренной деформации (рис. 1, 2). С большей частотой встречается так называемая бешиковая деформация, которая возникает как косвенное следствие тех или иных обычаев. К причинам такого типа деформации относят влияние колыбели и способов пеленания младенцев на форму и размеры головы. У народов Кавказа, Средней и Центральной Азии, Крыма (татары и караимы) такой тип наблюдается в результате содержания ребенка в колыбели типа бешика. Нечто похожее на бешик описано и у других народов. После рождения ребенка примерно на 2–10-й день его кладут в бешик и «туго притягивают свивальниками», ограничивая движения. Свободной остается только голова ребенка, но при такой фиксации тела движения головы тоже ограничены. Поэтому положение лицом вверх и затылком в подушку становится единственно удобным. Из колыбели ребенка берут редко. Мать кормит ребенка грудью, не вынимая его из колыбели (рис. 3). Деформирующее влияние колыбели сказывается очень быстро, спустя две-три недели головка становится брахикефальной. В боковой норме затылок совершенно плоский или слабо округлый, а в вертикальной норме затылочный отдел широкий и короткий. Уплощение обычно локализуется в области лямбдовидного шва [12; 10; 15; 19; 13; 20; 24; 26; 32 и др.].

В результате различий в механизмах давления, оказываемых на череп колыбелью, можно ожидать совершенно своеобразную степень эффекта в морфологии мозгового отдела черепа, его основания и лица, чем при лобно-затылочном и кольцевом типах деформации.

Очень похожие следы бешикового типа модификации головы наблюдались на черепах эпохи бронзы – раннего железного века Нижнего Поволжья (древнеямная, катакомбная, савромато-сарматские культуры), но чаще он встречается на черепах из погребений эпохи средневековья. В это время колыбель типа «бешик» появляется в нижневолжских степях вместе с древнетюркскими племенами.

Таким образом, временной интервал распространения затылочной деформации, связанной с использованием колыбели «бешик» достаточно продолжителен. Территориально непреднамеренная модификация черепа охватывает просторы от Азиатских степей до Южной Европы, а так же широко представлена в различных частях Южной Америки. На азиатской территории, далеко на Востоке, колыбель «бешик» вошла в быт среди тюркоязычных народов – якутов, бурятов и других (монголоиды). На Ближнем Востоке колыбель используется народами, которые в антропологическом плане относятся к южной ветви большой европеоидной расы, то же можно сказать и о Южной Европе, и о Кавказе [13, с. 37].

В отечественной науке предпринимались попытки подробного изучения непреднамеренной искусственной деформации черепа, которая возникала в результате использования различных типов колыбели [12, 19, 13, 9].

Так, Е.В. Жиров поставил вопрос о влиянии затылочной деформации на брахикефализацию древних и современных народов. Исследователь дал критический анализ развернувшейся в антропологической науке начала XX в. дискуссии о влиянии колыбельной деформации на форму головы. Обобщив научный опыт и используя работы отечественных и зарубежных антропологов и этнографов, Е.В. Жиров пришел к выводу, что использование колыбели «бешик» приводит к изменению формы затылка, иногда затылочной кости и, соответственно, черепного указателя [12, с. 72–73].

Ю.Г. Рычков исследовал степень влияния деформации головы в связи с обычаями ухода за детьми на антропологическом материале из Азербайджана. В своем труде ученый сделал

вывод, что деформирующее влияние колыбели сказывается на младенцах очень быстро, в течение двух-трех недель. В результате деформации происходит уплощение затылка. Автор отмечает, что встречаются случаи резкой асимметрии всего затылка или даже всей головы [19, с. 71–72]. Ю.Г. Рычков отметил, что под влиянием деформации происходит изменение основных диаметров головы: высотном и в меньшей степени лобном диаметрах, кроме этого бешик воздействует на изменение головного указателя в сторону его увеличения [19, с. 77–78].

В своем труде Ю.Г. Рычков лишь косвенно коснулся медицинской проблемы влияния колыбельной деформации на черепную коробку. Так, исследователь, ссылаясь на мнения врачей, предполагает, что длительное нахождение в колыбели приводит к накожным заболеваниям, недостаточному развитию ребенка в первые годы жизни, а у больных рахитом использование колыбели усугубляет болезнь [19, с. 82].

Р.М. Касымова остановилась на проблеме влияния различных типов колыбели на некоторые антропологические признаки на примере народов Кавказа, Передней и Средней Азии. Ученый также пришла к выводу, что использование колыбели типа бешик приводит к изменению черепа в области затылка. Наряду с массовым антропологическим исследованием, Р.М. Касымовой проведен и этнографический анализ степени распространения детской колыбели в Азербайджане [13, с. 41].

А.В. Громов и А.А. Казарницкий провели исследование влияния затылочно-теменной деформации на черепную коробку. Учеными была проанализирована обширная выборка краниумов, состоящая из серий ямной и катакомбной культуры Калмыкии, коренного населения Аляски, несториан Средней Азии, современных узбеков, казахов, ингушей и осетинов. Исследование осуществлялось с помощью внутригруппового анализа методом главных компонент. В результате ученым удалось установить влияние бешиковой деформации на изменения черепного указателя [9, с. 210].

В работе представлена попытка патологического изучения черепов представителей золотоордынского времени с непреднамеренной искусственной деформацией, происходящих из подкурганных и грунтовых погребений с территории Нижнего Поволжья.

Материал и методика исследования

Исследуемая выборка состоит из 718 костяков, датирующихся эпохой позднего средневековья. Из них 274 костяка мужских и 262 женских скелета, останки 170 человек – детские, 10 индивидов были подростками. У двух взрослых скелетов пол определить не удалось из-за фрагментарности костного скелета. В связи с этим следует указать, что степень сохранности костяков разнообразная. Черепа изучались только у 655 индивидов. Из них следы преднамеренной или непреднамеренной деформации были зафиксированы на 183 черепах. В подавляющем большинстве случаев распространена так называемая «бешиковая» колыбельная деформация (рис. 1, 2). Характер деформации можно описать как промежуточный между теменно-затылочным и простым затылочным типом, так как область уплощения охватывает нижнюю часть теменных костей и верхнюю чешую затылочной кости в лямбдоидной области. Деформирование черепной коробки чаще всего фиксировалось у женщин – 89 наблюдений, 81 случай отмечен у мужчин, 12 деформированных черепов принадлежало детям и один череп взрослого индивида, пол которого установить не удалось.

Гендерные определения осуществлены по программам, разработанным отечественными и зарубежными авторами [1; 2; 27, 3].

Патологический анализ антропологического материала осуществлялся по методике, разработанной А.П. Бужиловой. Также использовались методические рекомендации и справочники зарубежных исследователей [7, 8; 30; 28; 21; 31].

Сравнительный анализ серий позднесредневекового времени с деформированными и недеформированными черепами

Анализ половозрастных особенностей исследуемых серий показал следующее. Для выборки с деформированными черепами характерны более низкие частоты встречаемости погребений детей в возрасте от 1 года до 6 лет. Процентные показатели присутствия в погребениях индивидов в возрасте второго детства и подростков оценивается как практически одинаковые.

И для выборки с деформированными черепами, и для серии без деформации, в целом, характерна высокая смертность в возрасте от

25 до 35 лет – 49% и 36% соответственно. До возраста senilis у средневекового населения доживали лишь единицы в исследуемой выборке, 5 индивидов в группе с деформацией головы и 13 человек без деформации черепа (табл. 1).

Средний уровень смерти сравнительно невысокий для населения золотоордынского времени. Так, в суммарной серии возраст дожития достигает показателя в 30,6 лет с учетом детей. Средний возраст смерти повышается без учета детей, но незначительно. В выборке без деформации для взрослых индивидов он достигает 34,6 лет. Самые высокие показатели выявлены у мужчин без деформации 36,3 года. Выборка с искусственной деформацией черепа характеризуется самыми низкими показателями степени дожития. Данный критерий с учетом детей достигает значения 27,7 лет и без учета детей 29,9 лет. В отличие от серии с недеформированными черепами в данной группе дольше жили женщины, средний возраст смерти у них достигает 31,6 лет, что выше, чем у мужчин на 1,6 лет.

Из ярких особенностей серии деформированных черепов следует отметить на ряде краниумов значительную асимметрию в горизонтальной плоскости затылочной части (рис. 4, 5). Выявляется левосторонняя или правосторонняя асимметрия на черепах. Объяснить возникновение скошенной затылочной части черепа можно строгостью обычаев, запрещающих на долгое время вынимать ребенка из колыбели или переставлять кроватку. Появление асимметрии также может быть связана с неопытностью молодых матерей, кормящих ребенка с одной и той же стороны. Это могло стать причиной того, что ребенок привыкал поворачивать голову и смотреть в определенную сторону [12; 19; 13]. Искривление затылочной кости отмечалось многими исследователями, которые сталкивались с черепами с затылочной или теменно-затылочной деформацией [22; 11; 12; 19; 13; 25 и др.]

Одна из существенных проблем, возникающих при изучении искусственно деформированных черепов – степень распространения на них дискретно-варьирующих признаков и различного рода аномалий.

В отечественной и зарубежной литературе до сих пор отсутствуют обобщающие работы по исследованию влияния преднамеренной и непреднамеренной искусственной деформации головы на частоту проявления не метрических признаков. Тем не менее, нельзя сказать, что этому вопросу ученые не уделяли внимание.

Так, Г. Кальметт впервые выдвинул тезис о воздействии искусственной деформации головы на формирование костей черепной коробки [14, с. 34]. А.Г. Козинцев, исследуя проблему распространения метопического шва, приходит к выводу, что искусственная деформация черепа приводит к повышению частоты встречаемости лобного шва.

Н. Оссенберг изучал влияние искусственной деформации на дискретные морфологические признаки. В результате исследовании ученый установил, что для деформированных черепов характерны повышенные частоты встречаемости таких эпигенетических признаков как метопизм, родничковые кости и др. [29, p. 363–365].

П. Герстен, проанализировав искусственно деформированные черепа из Чили, датированные доколумбовым временем, предположил, что под воздействием деформирующей конструкции, в черепной коробке происходят процессы, которые приводят к повышению частоты развития вормиевых костей в затылочном шве [30].

Ауфдерхейдэ [30] и Гьюллин [23] пришли к выводу, что применение деформирующей конструкции могло стимулировать преждевременное зарастание черепных швов и развитие краниостеноза.

Н.П. Маклецова выявила большое количество пальцевидных вдавлений, которые, возможно, связаны с длительным бинтованием головы [16, с. 172].

М.А. Балабановой был отмечен факт увеличения встречаемости метопического шва и вормиевых костей на искусственно деформированных черепах поздних сарматов и катакомбников [4, 5].

Автором данной работы были изучены искусственно деформированные черепа поздних сарматов, так же пришел к выводу, что деформация головы могла приводить к повышению частоты встречаемости не только метопического шва, но и таких аномалий черепа, как родничковые кости, зародышевые швы, остеомы [17].

Изучение серии непреднамеренно деформированных черепов золотоордынского времени показало, что для нее характерны более вы-

сокие частоты встречаемости аномалий в строении зубной системы и черепной коробки.

Из эпигенетических признаков на черепной коробке в группе деформированных краниумов самых высоких частот встречаемости достигают остеомы, шовные кости и родничковые кости (табл. 2). Также были встречены следы зародышевых швов и метопический шов.

Из аномалий зубной системы на деформированных черепах незначительно чаще фиксируются диастемы и гиподонтии третьих моляров.

Следует отметить, что в изучаемой выборке деформированных черепов эпохи позднего средневековья отмечается снижение частот встречаемости такого отклонения, как краниостеноз. Тем не менее, оценить, характер погрешности достаточно сложно, так как различия недеформированных укладываются только в 6% (табл. 2).

Что же касается пальцевидных вдавлений, то в сериях наблюдаются практически одинаковые показатели, но с меньшей частотой в деформированной группе. Данный факт вызывает удивление, так как о наличии пальцевидных вдавлений у людей с преднамеренной искусственной деформацией головы писали Н.П. Маклецова, М.А. Балабанова, Е.В. Перерва, которые связывают проявление этой патологии с длительным применением деформирующей конструкции. Ученые также считают, что повышение внутричерепного давления могло приводить к симптомам расстройства центральной нервной системы [16, с. 172]. Пальцевидные вдавления были зафиксированы М.А. Балабановой и А.В. Сычевой при рентгенологическом изучении позднесарматских черепов с искусственной деформацией. Дополнительно ими был отмечен усиленный сосудистый рисунок. Наличие «пальцевидных вдавлений» и усиление сосудистого рисунка являются, по мнению авторов, признаками гипертензионного синдрома, который имеет выражение в общей слабости, стойкой головной боли, тошноте, рвоте, снижении выносливости и работоспособности [6]. По мнению профессора Д.Г. Рохлина, повышенное внутричерепное давление может возникать как следствие воспалительных и опухолевых заболеваний головы. Внутричерепное давление связано с постоянными сильнейшими головными болями и может вызывать потерю зрения [18, с. 135]. М.А. Балабанова высказала гипотезу, что использование деформирующей конструкции в детском возрасте и воздействие бандажей и других приспособлений в течение нескольких лет могли приводить к сильному уплощению лобной и затылочной кости. Это в свою очередь способствовало развитию синдрома внутричерепной гипертензии [6]. Конечно же, в ряде случаев признаки внутричерепной гипертензии вполне могли быть результатом возрастных процессов и развития патологий.

Наблюдения, сделанные в исследуемой серии, могут свидетельствовать о том, что факторы, воздействующие на появление признаков гипертензионного синдрома в сериях с преднамеренной искусственной деформацией и в группах с непреднамеренной модификацией головы, либо не действуют, либо имеют другую направленность. В данном случае следует отметить, что рентгенологическое исследование деформированных и недеформированных черепов эпохи позднего средневековья приводит нас к совершенно иным выводам. В связи с этим вопрос о воздействии непреднамеренной искусственной деформации на преждевременное развитие признаков внутричерепной гипертензии следует оставить открытым. Надеемся, что дальнейшее исследование в этом направлении прольет свет на этот вопрос.

Частота встречаемости кариеса в сериях, разделенных по принципу наличия и отсутствия непреднамеренной искусственной деформации практически одинаковы 22 и 24% соответственно (табл. 3). В остальных же случаях: абсцессы, зубной камень, прижизненная утрата зубов, пародонтоз и слом коронки – патологии проявляются выше в группе деформированных черепов. Не исключением является и такой важный индикатор физиологического стресса, перенесенного в детстве, как эмалевая гипоплазия, которая также чаще выявляется в серии деформированных черепов (табл. 3).

На искусственно модифицированных мозговых коробках в два раза чаще наблюдаются признаки васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки» (табл. 4). Данный маркер указывает, что воздействию низких температур интенсивнее подвергались люди в эпоху средневековья с непреднамеренной деформированной головой.

Интересны и результаты, полученные при анализе встречаемости маркеров нехватки микроэлементов в организме, а также признаков

распространения в группе инфекции. Следы таких заболеваний, как железодефицитная анемия, цинга, специфические и неспецифические инфекции чаще наблюдаются в группе индивидов с недеформированной черепной коробкой (табл. 4).

В исследуемой выборке зафиксированы признаки эндокринных нарушений, которые можно визуально наблюдать на мацерированных костных останках и чаще всего ассоциируются с маркерами развития внутреннего лобного гиперостоза (табл. 4). Частота встречаемости данного заболевания среди взрослого золотоордынского населения, применяющего колыбель бешик и не использующего ее в целом равны. Разница в частотах незначительна, что говорит об одинаковой степени подверженности средневековых групп подобного рода заболеваниям.

Еще одним из индикаторов специфического физиологического стресса являются травмы. В результате сравнения исследуемых серий оказалось, что травмы костей свода черепа, костей лицевого отдела черепа и костей посткраниального скелета чаще наблюдаются у населения, которое имеет следы непреднамеренной искусственной деформации головы (табл. 5).

Общие результаты

Результаты проведенного сравнительного анализа можно представить следующим образом:

1. Средняя продолжительность жизни средневекового населения с непреднамеренной искусственной деформации головы в меньше на 5 лет, чем у людей без следов модифицирования головы.

2. Частота встречаемости дискретно-варьирующих признаков на модифицированных черепах практически по всем показателям выше, чем у недеформированных, что подтверждается исследованиями других ученых.

3. Одинаковые показатели проявления в изучаемых группах признаков краниостеноза, пальцевидных вдавлений и внутреннего лобного гиперозтоза, указывает на то, что в отличие от преднамеренной деформации черепной коробки, непреднамеренная модификация может не так значительно влиять на стимулирование развития синдрома внутричерепной гипертензии и эндокринных нарушений.

4. Обращает на себя внимание то, что в серии индивидов с непреднамеренной искусственной деформацией головы, чаще встречаются такие заболевания зубной системы и патологические состояния, как зубной камень, эмалевая гипоплазия, пародонтоз, прижизненная потеря зубов и васкуляризация костной ткани. Причиной такой ситуации, скорее всего, является то обстоятельство, что серия с модифицированной головой состоит в основном из индивидов, происходящих из подкурганных погребений, то есть кочевников, а серия без деформации черепа в основном состоит из популяций городского (оседлого типа), которые погребались в грунтовых захоронениях. В связи с этим выборка с деформированными черепами обнаруживает сходство в распространении маркеров стресса с сериями кочевников раннего железного века и частью серий эпохи бронзы Нижнего Поволжья. Этот тезис подтверждается и характером проявления маркеров железодефицитной анемии, недостатком микроэлементов в организме и признаками воспалительных процессов, которые на порядок реже проявляются в серии населения с деформированными черепными коробками.

5. Особенности встречаемости травматических повреждений также указывают на то, что для популяций использующих бешиковую колыбель, более характерны высокие частоты встречаемости насильственных травм и повреждений бытового характера, что вновь сближает эту выборку с кочевниками сарматами раннего железного века.

Библиографический список

1. *Алексеев, В.П.* Краниометрия. Методика антропологических исследований [Текст] / В.П. Алексеев, Г.Ф. Дебец. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

2. *Алексеев, В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований [Текст] / В.П. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 251 с.

3. *Балабанова, М.А.* Некоторые краниологические особенности поздних сарматов с искусственной деформацией головы [Текст] / М.А. Балабанова // Вопросы краеведения: Материалы VI и VII краеведческой конференции. Вып. 4–5. – Волгоград, 1998. – С. 41–45.

4. *Балабанова, М.А.* Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и сужде-

ния [Текст] / М.А. Балабанова // НАВ. Вып. 4. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – С. 107–122.

5. *Балабанова, М.А.* О древних макрокефалах Восточной Европы [Текст] / М.А. Балабанова // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Сб. ст. – М.: Изд-во ИА РАН, 2004. – Вып. 3. – С. 171–187.

6. *Балабанова, М.А.* Рентгенологическое исследование позднесарматских черепов [Текст] / М.А. Балабанова, А.В. Сычева // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. Отв. ред. М.Б. Медникова / OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М.: ИА РАН, 2006. – Вып. 5. – С. 152–163.

7. *Бужилова, А.П.* Древнее население (палеопатологические исследования) [Текст] / А.П. Бужилова. – М., 1995.

8. *Бужилова, А.П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях [Текст] / А.П. Бужилова // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. – М., 1998.

9. *Громов, А.В.* К вопросу о влиянии затылочно теменной деформации на черепной указатель / А.В. Громов, А.А. Казарницкий // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого [Кунсткамера] РАН // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-211-1/978-5-88431-211-1_47.pdf

10. *Дебец, Г.Ф.* Палеоантропология СССР [Текст] / Г.Ф. Дебец. – М., 1947.

11. *Жиров, Е.В.* Об искусственной деформации головы [Текст] / Е.В. Жиров // Краткие сообщения о полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. – М.; Л., 1940. – Вып. 8. – С. 80–87.

12. *Жиров, Е.В.* Разновидности брахикефалии [Текст] / Е.В. Жиров // КСИИИМ. – №X. – 1941. – С. 63–74.

13. *Касымова, Р.М.* О влиянии различных типов колыбели на антропологические признаки в раннем детском возрасте в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа [Текст] / Р.М. Касымова. – Б.: Элм, 1980. – С. 8–41.

14. *Козинцев, А.Г.* Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека [Текст] / А.Г. Козинцев. – Л.: Наука, 1988. – 168 с.

15. *Левин, М.Г.* Деформация головы у туркмен [Текст] / М.Г. Левин // СЭ. – 1947. – №VI–VII. – С. 184–190.

16. *Маклецова, Н.П.* Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох из Средней Азии и Поволжья [Текст] / Н.П. Маклецова // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Ленинград, 1974. – С. 165–172.

17. *Перерва, Е.В.* К вопросу о некоторых патологических особенностях поздних сарматов с искусственной деформацией черепа [Текст] / Е.В. Перерва // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии // ŎPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Сборник статей. – Вып. 5. – М.: Изд-во ИА РАН, 2006. – С. 177–187.

18. *Рохлин, Д.Г.* Болезни древних людей [кости людей различных эпох нормальные и патологические изменения] [Текст] / Д.Г. Рохлин. – М.; Л.: Наука, 1960. – 302 с.

19. *Рычков, О.* Деформации головы в связи с обычаями ухода за детьми [По материалам антропологического обследования в Азербайджане] [Текст] / О. Рычков // Вестник института антропологии и этнографии. Краткие сообщения. – Вып. XXVII, 1957. – С. 64–82.

20. *Bjxrk, A.* Artificial deformation and cranio-facial asymmetry in ancient Peruvians / A. Bjxrk & L. Bjxrk // Journal of dental Research. – 1964. – №43(3). – P. 353–362.

21. *Brothwell, D.R.* Digging up Bones / D.R. Brothwell. – London: Trustees of British Museum, 1972. – 316 p.

22. *Dingwall, E.J.* Artificial cranial deformation: a contribution to the study of the ethnic mutilations / E.J. Dingwall. – London: John Bale, Sons & Danielsson, 1931.

23. *Guillen, S.* The Chinchorro Culture: Mumies and Crania in the Reconstruction of Preceramic Coastal Adaptation in the South Central Andes. Ph.D. dissertation, Department of Anthropology, University of Michigan USA, 1992.

24. *Heathcote, G.M.* Exploratory Human Craniometry of Recent Eskaleutian Regional Groups from the Western Arctic and Subarctic of North America. International Series. – 1986. Oxford: BAR. 348 p.

25. *Hilgeman, Sh. L., Black, Gl. A.* Artificial cranial deformation and porotic hyperostosis at Angel site, Aanderburgh county, Indiana // Proceedings of the Indiana Academy of Science [1988]. – Volume 98. – P. 83–91.

26. *Kohn, L.A, Leigh, S.R., Jacobs, S.C., Cheverud, J.M.* Effects of Annular Cranial Vault

Modification on the Cranial Base and Face // American Journal of Physical Anthropology. – 1993. – Vol. 90 (2). – P. 147–68.

27. *Milner, G.R.* A Handbook Prepared For Human Osteology at the Pennsylvania State University / G.R. Milner. – The Pennsylvania State University, 1994. – 118 p.

28. *Ortner, D.J., Putschar, W.G.J.* Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1981. – 479 p.

29. *Ossenberg, N.S.* The Influence of Artificial Cranial Deformation on Discontinuous Morphological Traits // American Journal of Physical Anthropology. – 1970. – Vol. 33. – P. 357–369.

30. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin. – United Kingdom, Cambridge University Press, 1998. – 478 p.

31. *Ubelaker, D.H.* Human Skeletal Remains. Excavation, Analesis, Interpretation. – Chicago: Adline Publishing company, 1978. – 116 p.

32. *Wilczak, C.A., Ousley, S.D.* Test of the Relationship Between Sutural Ossicles and Cultural Cranial Deformation: Results From Hawikuh, New Mexico // American Journal of Physical Anthropology. – 2009. – Vol. 139. – P. 483–493.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Половозрастные характеристики по признаку присутствия и отсутствия преднамеренной искусственной деформации

Возраст	Деформированные черепа			Недеформированные черепа		
	♂(%)	♀(%)	S(%)	♂(%)	♀(%)	S (%)
Infantilis 1	0(0%)	0(0%)	4(2%)	0(0%)	0(0%)	130(24%)
Infantilis 2	0(0%)	0(0%)	9(5%)	0(0%)	0(0%)	26(5%)
Uvenis	0(0%)	13(15%)	13(7%)	3(2%)	14(8%)	29(5%)
Adultus	44(54%)	44(49%)	89(49%)	96(50%)	58(57%)	195(36%)
Maturus	36(44%)	27(30%)	63(34%)	91(47%)	51(30%)	143(27%)
Senilis	1(1%)	4(4%)	5(3%)	4(2%)	9(5%)	13(2%)
Средний возраст смерти	30	31,6	27,7	36,3	32,9	28,6
	29,9			34,6		

Таблица 2

Распределение некоторых аномалий среди выборок, разделенных по признаку присутствия и отсутствия искусственной деформации черепа

Аномалии зубов и черепа	Деформированные (взрослые)			Недеформированные (взрослые)		
	Зубы					
	S	n	%	S	n	%
Диастемы	183	5	3%	472	5	1%
Краудинг	183	10	5%	472	25	5%
ГиподонтияM^3	183	22	12%	472	45	10%
Редукции	183	1	1%	472	1	1%
Другие аномалии	183	5	3%	472	59	13%
	Череп					
Метопический шов	183	8	4%	472	16	3%
Зародышевые швы	183	7	4%	472	6	1%
Остеомы	183	24	17%	472	30	6%
Шовные кости	183	62	34%	472	103	22%
Родничковые кости	183	52	28%	472	62	13%
Пальцевидные вдавления	183	36	20%	472	108	23%
Краниостеноз	183	8	4%	472	45	10%
Другие аномалии	183	64	35%	472	59	13%

Таблица 3

Распределение некоторых зубных патологий в выборках с непреднамеренной искусственной деформацией черепа и без деформации черепа

Зубные патологии						
	Деформированные (взрослые)			Недеформированные (взрослые)		
	S	n	%	S	n	%
Кариес	183	41	22%	472	115	24%
Абсцесс	183	51	28%	472	79	17%
Зубной камень	183	169	92%	472	322	68%
Эмалевая гипоплазия	183	84	46%	472	155	33%
Потеря зуба	183	66	36%	472	131	28%
Пародонтоз	183	104	57%	472	181	38%
Слом коронки	183	50	12%	472	74	16%

Таблица 4

Частота встречаемости патологических отклонений в выборках с непреднамеренной искусственной деформацией черепа и без деформации черепа

Признаки						
	Деформированные (взрослые)			Недеформированные (взрослые)		
	S	n	%	S	n	%
VR	183	86	47%	472	110	23%
Cribra orbitalia	183	35	19%	472	113	24%
Пороз	183	26	14%	472	135	29%
Лобный гиперостоз	183	4	2%	472	13	3%
Воспалительный пр.	183	5	3%	472	29	6%

Таблица 5

Травматизм населения эпохи средней бронзы, с непреднамеренной искусственной деформацией черепа и без нее

Локализация повреждений	Деформированные (взрослые)			Недеформированные (взрослые)		
	183S	n	%	S	n	%
Свод черепа	183	13	7%	472	22	5%
Лицевые травмы	183	25	14%	472	20	4%
Посткраниальный скелет	77	11	14%	404	37	9%

Рисунки

Рис. 1. Череп женщины 35–45 лет
из погребения 1 кургана 2
курганного могильника Абганерово-III

Рис. 2. Череп мужчины 25–35 лет
из погребения 1 кургана 3
курганного могильника Колобовка IV

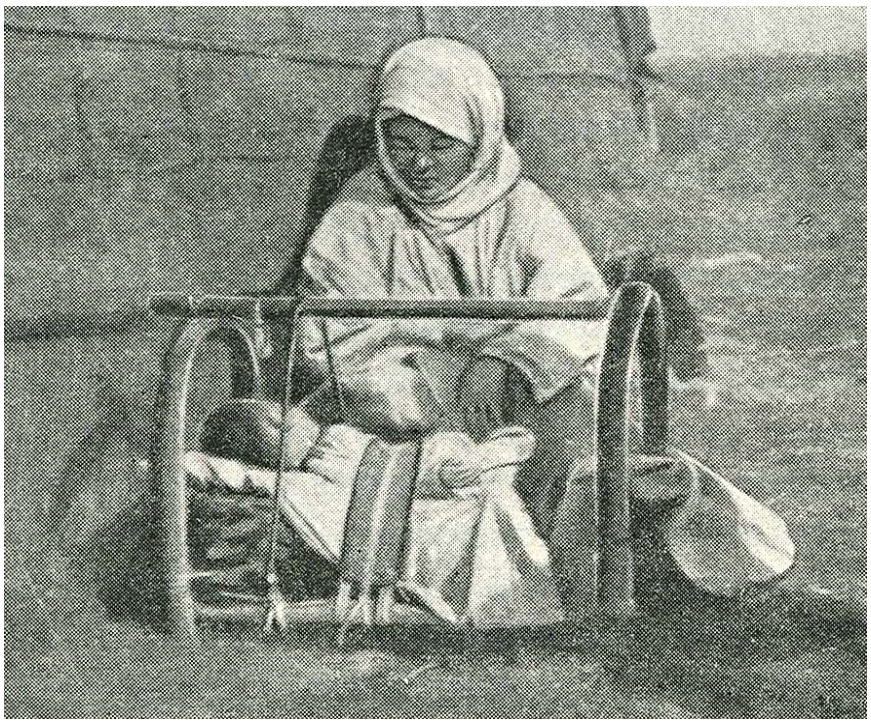

Рис. 3. Колыбель с ребенком («бешик»)

Рис. 4. Правосторонняя асимметрия черепа мужчины из погребения 1 кургана 75 могильника Царев

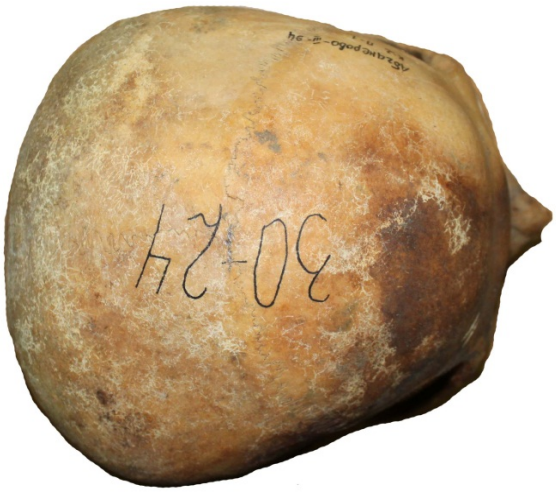

Рис. 5. Левосторонняя асимметрия черепа женщины из погребения 1 кургана 2 могильника Абганерово III

УДК 902/904
ББК 63,4

НЕСКОЛЬКО ЭТЮДОВ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕЙ ВОЛГИ[1]

В.Г. Блохин

Аннотация: Статья посвящена нескольким сюжетам, связанным с попыткой этнокультурной идентификации отдельных немногочисленных групп памятников золотоордынского времени. Первый сюжет связан со средневековыми комплексами из Волгоградского Поволжья, в погребальном инвентаре которых, присутствуют височные подвески с биконической нанизкой и коническими шипами. В историографии погребения с подобными подвесками получили неоднозначную хронологическую атрибуцию (от XII до XIV века) и этническую идентификацию (черные клобуки, половцы, «саксины»). Типологическое и технологическое единообразие нижневолжских подвесок указывает на то, что хронологический горизонт, маркирующий подвески должен иметь достаточно узкие временные границы. При этом комплексы разнотипны с точки зрения традиционной типологии, основанной на ориентировке погребенного и особенностях сопутствующего погребения лошади. Подобное типологическое разнообразие может свидетельствовать о том, что население, оставившее такие комплексы, представлено не монолитной группой кочевников, этнически неоднородной, перемешанной. Обосновывается связь нижневолжских комплексов с поросскими погребениями, что указывает на вероятность перемещения кочевников, входивших в черноклобуцкий союз, на территорию Поволжья в золотоордынский период. Во втором сюжете рассматриваются погребальные комплексы с нарушенной целостностью костных останков погребенного. Подобные комплексы ставят проблему более тщательной фиксации и интерпретации золотоордынских погребений, трактуемых как «ограбленные» или «разрушенные грабителями». С другой стороны, такие комплексы отражают неординарную практику в культуре средневековых кочевников тюрко-монгольского круга.

Ключевые слова: золотоордынский период, этнокультурная идентификация, Нижнее Поволжье, височные подвески, черные клобуки, демембрация, ритуальное обезвреживание.

---

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №13-06-097030 «Комплексное палеоантропологическое исследование оседлого и кочевого населения золотоордынского времени из погребальных сооружений Нижнего Поволжья»).

SEVERAL STUDIES ON ETHNIC AND CULTURAL IDENTIFICATION OF THE GOLDEN HORDE BURIAL MONUMENTS IN THE LOWER VOLGA REGION

V.G. Blohin

Abstract: The paper is devoted to several themes related to an attempt of identifying few and far between ethnic and cultural groups of monuments of the Golden Horde period. The first theme is related to the medieval burial complexes of the Volgograd area in the Volga region where there are temporal pendants with biconical beads and conical studs in the funeral inventory. In the historiography burial mounds with similar pendants were controversially referred to XII–XIV centuries and ethnically identified as black hoods, Kuman or "Saksins". Typological and technological uniformity of the pendants from the lower Volga indicates that they were produced in approximately the same period of time. In addition to the above, all the complexes belong to different categories according to the orientation of the buried person and features of the accompanying horse burial. Such typological diversity may indicate that the population was not a monolithic group of nomads, ethnically diverse and mixed. We give evidence to existing links between burial complexes of the Lower Volga and Porosye (historical region of ancient Russia between the River Stugna and the river Ros), which indicates the probability of movement of nomads being part of the Chorni Klobuky Union (a group of semi-nomadic Turkic tribes) to the Volga region in the Golden Horde period. In the second theme, we examined burial grounds with non integral skeletal remains. Similar complexes pose the problem of a more thorough fixation and interpretation of the Golden Horde burials presumably "robbed" or "damaged by robbers." On the other hand, the burial mounds reveal an unusual practice in the culture of medieval Turk and Mongol nomads.

Keywords: Golden Horde period, ethno-cultural identity, Lower Volga, pendants, black hoods, demembratsiya, ritual neutralization.

Вот уже чуть более 100 лет исследователей привлекают проблемы хронологии, периодизации и этнической принадлежности золотоордынских погребальных памятников Нижнего Поволжья. Несмотря на то, что в этот период были предложены и хронологические схемы деления золотоордынских погребений, и этнические характеристики отдельных групп погребальных памятников, эти проблемы еще очень далеки от окончательного решения.

Настоящая статья посвящена нескольким сюжетам, связанных с попыткой этнокультурной идентификации отдельных немногочисленных групп памятников золотоордынского времени, раскопанных, к настоящему времени, на Нижней Волге.

Этюд № 1. На территории Поволжья исследован ряд средневековых комплексов, в погребальном инвентаре которых присутствуют височные подвески с биконической нанизкой и коническими шипами. Подобные комплексы немногочисленны, но хорошо известны в Поросье, в Поднестровье, Подонье и на Северном Кавказе. Обратившись к этим материалам, можно обнаружить, что этнокультурная трактовка комплексов с височными подвесками неоднозначна, а их хронологические определения различны.

На территории Волгоградского Поволжья известны следующие отдельные находки и комплексы с подвесками: №1. Сарепта (случайная находка фрагмента, середина XIX в.) [47]; №2. с. Киляковка Среднеахтубинского района Волгоградской области (случайная находка 1970 г.) [19]; №3. Дорофеевский курганный могильник Октябрьского района Волгоградской области. Курган 1, погребение 5 (раскопки 1976 г. К.С Лагоцкого и В.П. Шилова) [46]; №4. Могильник Барановка I Камышинского района Волгоградской области. Курган 12, погребение 2 (раскопки И.В. Сергацкова в 1987 г.) [38]; №5. Могильник «Ложки II» Калачевского района Волгоградской области. Погребение 1 (раскопки В.И. Мамонтова в 1988 г.) [23]; №6. Одиночный курган у пос. им. Ленина в Котельниковском районе Волгоградской области. Погребение 6 (раскопки М.В. Кривошеева в 2006 г.) [17; 18].

Еще в 1958 г. С.А. Плетнева отнесла подобные украшения к торко-печенежским и черноклобуцким [34, с. 170, рис. 10, *2*]. Однако она подчеркивала, что такие украшения характерны и для половецкой группы погребений (IV – по

классификации исследовательницы). Эти подвески, по мнению С.А. Плетневой, являлись проявлением своеобразной «моды», употреблялись всеми кочевниками и не были принадлежностью какого-то определенного народа [34, с. 173, 179, рис. 14, *2*]. Комплексы с височными подвесками включены ею в состав черноклобуцких погребений Поросья [31]. В работе 1981 г. данный тип височных подвесок перечислен С.А. Плетневой в ряду инвентаря, характеризующего половецкую группу погребений [32, с. 218, рис. 84]. В учебном пособии от 2003 г. исследовательница также включает подвески в состав типичного набора половецкой эпохи, но при этом отмечает, что этот набор «широко использовался и в среде Черных клобуков…» [33, с. 165, рис. 60]. Т.е. С.А. Плетневой всегда подчеркивался интернациональный характер подобных украшений. Датировались погребальные комплексы с подобными подвесками исследовательницей достаточно узко – XII веком или же XII – началом XIII вв.

В середине 1960-х гг. Т.М. Минаева опубликовала несколько работ, в которых была представлена история присутствия половцев в Ставропольском крае. В них Т.М. Минаева определила височные подвески с биконической нанизкой как половецкие и датировала их XII–XIII веками [24, с. 157–195; 25, с. 78–79, рис. 20]. По всей видимости, в подобной интерпретации сказалось влияние дореволюционной историографии. В частности, в работе И.И. Толстого и Н.П. Кондакова от 1897 г., этот тип серег (подвесок) назван половецким и датирован XII–XIII веками [41, с. 139, рис. 197].

В 1966 г. Г.А. Федоров-Давыдов, анализируя материалы средневековых кочевников, выделил два типа подобных височных подвесок: тип IV – с биконической гладкой нанизкой и тип V – с биконической нанизкой и коническими шипами [42, с. 39–40, рис. 6, *IV, V*]. При этом исследователь отмечал, что нет каких-либо оснований, соотносить данные типы подвесок с половцами. А вот принадлежность их черным клобукам обосновывается, во-первых, распространенностью подвесок в домонгольское время в узко очерченном ареале – в Поросье и на Киевщине. Во-вторых, как отмечал исследователь, подвески встречаются в основном в погребальных комплексах, типологически характерных для черноклобуцкого Поросья [42, с. 153]. В этой же работе Г.А. Федоровым-Давыдовым была актуализирована еще одна важная мысль – встречаемость комплексов с подвесками в Поднестровье, Поволжье, Северном Кавказе маркирует перемещение, передвижение поросских племен в обозначенные районы в IV (золотоордынский) период. Таким образом, подвески IV, V типов, сами по себе, датируются в достаточно широком диапазоне – XII–XIV вв. [42, с. 115, 152–153]. Но в зависимости от региона их местонахождения датировка подвесок IV и V типов может быть несколько сужена. Для Поросья и Киевщины подобные типы датировались Г.А. Федоровым-Давыдовым домонгольским временем. Для Поднестровья, Поволжья и Северного Кавказа комплексы с височными кольцами IV и V типов отнесены к золотоордынскому периоду [42, с. 115, 152–153].

В 1970-х – 2000-х гг., при публикации позднекочевнических материалов с территории Северного Причерноморья, Кубани и Предкавказья, комплексы с височными подвесками указанных типов авторы чаще всего атрибутировали как половецкие и датировали обычно достаточно узко, в рамках XII – начала XIII века [1; 3; 16]. Хотя в этот период не исключались и иные трактовки. Так, А.А. Горбенко, В.А. Кореняко, В.Е. Максименко, публикуя позднекочевнический комплекс из кургана у хутора Нижняя Козинка в Ростовской области, датировали его XIII–XIV вв., не акцентируя внимания на этнической атрибуции [6]. Е.В. Круглов, при публикации погребений с серьгами (подвесками) V типа (по Г.А. Федорову-Давыдову) с территории Нижнего Поволжья (комплексы из могильника Барановка I и Ложки II), предположил, что они могли быть оставлены здесь не половецким населением. И таким населением, по его мнению, могли являться племена «саксинов» – потомков огузо-печенежского конгломерата, родственных черным клобукам. При этом датировка комплексов, как полагает Е.В. Круглов, укладывается в пределах XII-XIII вв. или XI – начала XIII вв. [19, с. 62–63; 20, с. 7, илл. XV].

Наконец, в 2000-х гг. вышло несколько работ Е.И. Нарожного, посвященных пребыванию на Северном Кавказе черных клобуков, условиям, времени их перемещения сюда из Поднестровья и Побужья. Определяющее значение в его обосновании миграций черных клобуков на Кавказ имеют комплексы с височными

подвесками IV, V типов [28; 29]. Версия Е.И. Нарожного формализуется следующим образом. Отдельные захоронения с биконическими украшениями, декорированными коническими шипами, по мнению исследователя, могли быть оставлены исключительно черноклобуцким населением. С завоеванием монголо-татарами восточноевропейских степей здесь происходят активные миграционные процессы. В период активизации деятельности Ногая на западных землях золотоордынского государства, происходит переселение черных клобуков из Поросья в Поднестровье и Побужье [29, с. 141; 11; 12]. Необходимо отметить, что этот процесс первой волны черноклобуцкой миграции А.О. Добролюбский датировал второй половиной XIII в. Территории Поднестровья и Побужья, по мнению Е.И. Нарожного, явились зоной «исхода» черных клобуков на Северный Кавказ. В северокавказский регион, как полагает исследователь, клобуки были перемещены в 60-е годы XIII в., вместе с Ногаем. Здесь он принял активное участие в военных действиях против Хулагуидов и размещался в районе Дербента, затем Дарьяла, и, возможно, на восточном побережье Черного моря, вблизи так называемой «дороги Запада» [29, с. 141–143; 28, с. 218]. На Северном Кавказе клобуки составляли заметный этнический компонент, что обусловило распространение дериватов черноклобуцких серег-подвесок и «многих видов предметов материальной культуры, позже ставшей частью материальной культуры населения Северного Кавказа» [29, с. 143–144]. После возвращения Ногая в свои западные владения черные клобуки остались на месте, расположившись на территориях степного Предкавказья, Подонья-Приазовья и пребывали здесь до 1300 г., т.е. до военного поражения и гибели Ногая. После этого происходит перераспределение племен, подвластных ранее Ногаю. Часть черных клобуков возвращается в Пруто-Поднестровье. Какая-то часть черноклобуцкого населения была перемещена в Поволжье и на территорию Калмыкии, с чем связано появление здесь комплексов с «черноклобуцкими украшениями и их позднейших дериватов» [29, с. 145].

Серьезные возражения вызывает безусловная связь между переселением клобуков с территории Поросья или Пруто-Поднестровья и деятельностью Ногая в 60-х гг. XIII в. Прежде всего, проблематична локализация личного домена Ногая на западных территориях Золотой Орды до 70-х гг. XIII в. Еще В.Л. Егоров отмечал отсутствие каких-либо данных о том, что западный улус числился за Ногаем с самого начала существования государства [14, с. 200]. Хотя, нужно отметить, тезис о том, что власть Ногая над западными землями Улуса Джучи досталась ему по наследству от отца и деда весьма устойчива [37, с. 58–59]. Между тем, как справедливо полагал Г.А. Федоров-Давыдов, для того чтобы признать этот тезис правомерным необходимо доказать тождественность Мауци, которого упоминает Плано Карпини как владеющего «степью близ Днепра» и Бувала (Мовала, Могола), деда Ногая [35; 43, с. 53]. По сути же, тождественность Мауци Плано Карпини, Могучея Ипатьевской летописи и Бувала (Мовала, Могола) арабо-персидских источников определяется только созвучием вариантов имени этих фигур [15; 27, с. 46-47]. Вполне допустимо отождествление Мауци и Могучея, так как помимо созвучия имен, эти фигуры объединяет единая территориальная привязка (близость к южнорусским землям) и единый хронологический пласт (1245–1247 гг.). Но идентификация Мауци-Могучея с дедом Ногая, Бувалом, не имеет под собой абсолютно никаких оснований. Ни в одном из источников нет ни одного, даже косвенного указания, на то, что дед (Бувал) или отец (Тутар) Ногая владели одним из западных улусов Золотой Орды.

Более того, имеются весьма веские основания для того, чтобы утверждение Ногая на западных окраинных землях государства относить ко времени после кавказской войны, которую вели Берке и Менгу-Тимур в начале своего правления с одной стороны и ильханы Ирана с другой стороны, т.е. к началу 70-х гг. XIII в. До начала 60-х гг. XIII в. Ногай был еще очень молодым человеком и не принимал активного участия в политической жизни Золотой Орды [27, с. 113]. Достаточно отметить, что во всем блоке письменных источников, причем, источников разнородных и вполне информированных (русские летописи, византийские хроники, арабские и персидские сочинения) не фиксируется ни военная, ни политическая активность Ногая на западных границах Золотой Орды вплоть до 70-х гг. XIII в. Более того, в «Истории…» Георгия Пахимера прямо указано, что на западную окраину Ногай был послан «от бе-

регов Каспийского моря начальниками своего народа…» [5, с. 217].

Таким образом, появление Ногая на Северном Кавказе в 60-х гг. XIII в. отнюдь не означает перемещения черных клобуков в этот регион в указанный период. Абсолютно не подкреплен какими-либо аргументами тезис о том, что черные клобуки выступали сторонниками и союзниками Ногая в борьбе против Токты в конце 90-х гг. XIII в. [29, с. 145]. Нет ни одного факта, который свидетельствовал бы о перемещении черных клобуков в Поволжье с Северного Кавказа именно после поражения и гибели всесильного военачальника, т.е. после 1300 г. Следует констатировать, что миграционная схема Е.И. Нарожного, при всей ее кажущейся стройности, выглядит достаточно гипотетично.

На сегодняшний день состояние источниковой базы таково, что наличие в Поволжье погребальных комплексов с подвесками может свидетельствовать о перемещении сюда группы кочевников из Поросья (а точнее, с территории южнорусского пограничья) в золотоордынский период. Но конкретные политические обстоятельства этого перемещения остаются за кадром исторической ретроспективы.

Актуальность проблемы этнического и хронологического определения позднекочевнических комплексов с подвесками IV и V типов очевидна. Основная сложность в решении этой проблемы заключается в разнотипности этих комплексов. В настоящее время широко используется типологическая схема, разработанная еще Г.А. Федоровым-Давыдовым, основанная на сочетании двух основных признаков – ориентировке погребенного и особенностях сопутствующего погребения лошади [42]. Классическая процедура этнохронологической атрибуции погребального комплекса предполагает, что особенности обряда отражают этническую принадлежность, а типологические особенности инвентаря рассматриваются как хронологический маркер. При этом исследователи не раз акцентировали внимание на трудностях в атрибуции и датировке позднекочевнических памятников [10; 28, с. 212–213].

Нижневолжские комплексы с подвесками, без всякого сомнения, можно отнести к единому хронологическому горизонту. Данный тезис бесспорен и обоснован, прежде всего, типологическим и технологическим единством височных подвесок. По датировкам этого горизонта в Нижнем Поволжье могут быть намечены, по крайней мере, два варианта: во-первых, XI – начало XIII вв. [19, с. 62–63; 20, с.7]; во-вторых, золотоордынский период [29, с. 145; 42, с. 115, 152–153]. При этом в первом случае погребальные комплексы с подвесками атрибутируются с автохтонным населением «саксинов», отличающихся от половецких племен [19, с. 62–63; 20, с. 7]. Во втором случае, памятники соотносятся с черными клобуками.

Совершенно очевидно, что хронологический горизонт, маркирующий подвески, должен иметь достаточно узкие временные границы. Этот вывод также следует из типологического и технологического единообразия нижневолжских подвесок. При этом комплексы разнотипны с точки зрения традиционной типологии, основанной на ориентировке погребенного и особенностях сопутствующего погребения лошади. Примечательно, что четыре нижневолжских комплекса, типологически идентифицируемые, представлены четырьмя различными типами погребений. Дорофеевский комплекс относится к типу БIV, погребение 1 в «Ложках-II» относится к типу В I, барановский комплекс относится к типу Б X, ленинское погребение относится к типу Г III. Подобное типологическое разнообразие может свидетельствовать о том, что население, оставившее такие комплексы, представлено не монолитной группой кочевников, этнически неоднородной, перемешанной. Такая характеристика в большей мере соответствует племенам черноклобуцкого объединения, сложившегося в XII в. в Поросье. Черные клобуки – наименование надэтничное. В этот конгломерат входили торки, печенеги, берендеи, возможно, половцы. Это локальная, и притом, этнически не однородная, перемешанная кочевническая группа. В этой связи, более предпочтительным выглядит положение Г.А. Федорова-Давыдова, согласно которому в золотоордынский период происходит перемещение части поросских кочевников в Поволжье [42, с. 152–153]. Топография нижневолжских комплексов также создает впечатление того, что они были оставлены группами кочевников, инкорпорированных в чуждую среду. Дело в том, что все нижневолжские комплексы представлены впускными погребениями. При этом они единичны, комплексы не образуют могильные группы и разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Подобный характер погребальных па-

мятников характерен для групп кочевников, которые не имели четко обозначенной территории кочевания, устоявшихся маршрутов перекочевок. Такой группой могли быть как раз перемещенные в Поволжье поросские кочевники.

Этюд № 2. В июле 2004 г. экспедиция Волгоградского государственного университета проводила раскопки курганного могильника Аксай-I, располагавшегося у с. Аксай Октябрьского района Волгоградской области [13]. Интерес представляет всхолмление под №11 с нестандартным обрядом погребения (умерший расчленен) и возведенной вокруг могильной ямы квадратной конструкцией из сырцовых кирпичей.

Исследуемый объект представлял собой четко выраженное всхолмление. В процессе раскопок во всех секторах объекта встречались обломки сырцового кирпича сероватого цвета. После зачистки дна раскопа в центральной части холма обнаружена кладка сырцового кирпича, представлявшая собой двойную оградку, возведенную вокруг могильной ямы. В плане, сырцовая оградка имела подквадратную форму, сторонами ориентирована по линиям ССЗ-ЮЮВ и ВСВ-ЗЮЗ. Размеры внешнего периметра – 6,8 х 6,5 м; внутреннего – 4,8 х 4,8 м. Оградка сложена из серых и темно-серых сырцовых кирпичей. В отдельных местах сохранилось 4–5 рядов кладки. Ширина внешней и внутренней стенок сооружения достигала 40–50 см. Верхние слои кладки были разрушены, видимо, в результате распашки и естественных почвообразующих процессов. Высота сохранившейся части сырцовой конструкции по профилям бровок составляет 35–40 см. Внутри кирпичного сооружения, к югу от погребения, фактически на погребенной почве зачищено кострище (слой мелких угольков и золы) овальной формы 1,1 х 0,8 м. Прокал почвы под кострищем незначительный (до 1 см), что говорит о непродолжительном его горении. Кости домашних животных, обнаруженные в насыпи, а также кострище имеют непосредственное отношение к погребальному ритуалу, являясь, по всей вероятности, элементами тризны.

Внутри ограды находилось одно погребение, располагавшееся в центральной части сырцового сооружения. Могильная яма имела удлиненно-прямоугольную форму с сильно скругленными углами. Продольной осью она ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Размеры ямы по верху – 2,3 х 0,9 м. В верхних слоях заполнения встречались мелкие угольки. Около западной стенки на глубине 0,1 м от УПП обнаружен небольшой фрагмент трубчатой кости овцы. Также в заполнении ямы у северной и западной стенок, на глубине 0,55 м от УПП, встречены обломки сырцовых кирпичей. На дне могильной ямы расчищен скелет молодого мужчины 25–30 лет. Погребенный был расчленен: от туловища отделены череп и ноги. Грудная клетка, руки и таз лежали в сочленении. Верхняя часть костяка оказалась смещенной от продольной оси могильной ямы к ЮЗ, позвоночным столбом ориентирована по линии ЗЮЗ – ВСВ (шейный отдел позвоночника направлен в юго-западную сторону). Руки согнуты в локтях под прямым углом; правое предплечье находилось на тазе, запястье левой располагалось под левым крылом таза. Кости правой ноги, лежащие в сочленении в вытянутом положении, находились под грудной клеткой. Левая нога, слабо согнутая в колени, лежала поперек оси позвоночника около таза. Под бедренной костью левой ноги обнаружен череп человека, лежащий на левом виске, лицевой частью обращенный на ЮВ. Нижняя челюсть находилась на плечевой кости левой руки. Около правого плеча на дне ямы найдена серебряная монета. Еще 3 серебряные монеты были обнаружены вместе, на дне ямы, возле бедренной кости правой ноги. Одна из монет, найденная у правого плеча – хана Джанибека, чеканена в Сарай ал-Джедиде. Год выпуска не читается, но тип относится к широко распространенным в 40-е гг. XIV в. Другая монета – хана Узбека с суннитским символом веры. Место и год чеканки не сохранились, но тип относится к широко распространенному сарайскому чекану 734 и 737 гг. х. Две другие монеты – хана Кульны, чеканенные в Гюлистане. Одна выпущена в 760 г. х., а другая – в 761 г.х. Под костями таза около черепа собраны фрагменты серебряной височной (?) подвески, выполненной из тонкой изогнутой проволоки с маленькой желобчатой петелькой на конце.

Нумизматический комплекс погребения позволяет датировать его временем не ранее 761 г. х. (1359–1360 гг.), скорее всего, в пределах одного десятилетия.

Совершенно очевидно, что нарушение анатомической целостности скелета, в данном случае, не может быть связано с деятельностью

грабителей. Об этом свидетельствуют такие факты, как целостность могильного сооружения, сохранность достаточно привлекательного могильного инвентаря (серебряных монет). Если бы мы имели дело с грабительским перекопом, то кости скелета (или их часть) были бы смещены в засыпь ямы. Кости погребенного лежали на дне единым пластом, а это свидетельствует о том, что до момента расчленения птомы яма не была засыпана. Очевидно, если бы имело место быть повторное вскрытие уже засыпанной могилы и расчленение погребенного на месте (в могиле), то укладка его останков в том порядке, в котором они зафиксированы, была бы невозможна. Повторное вскрытие могилы, изъятие останков с их расчленением и последующая раскладка в том виде, в котором они зафиксированы, также маловероятно. В этом случае останки легли бы на остатки слоя первичного заполнения.

Разрушению подвергнуты череп погребенного и его ноги. Голова мужчины была отсечена, череп перемещен в район тазовых костей, а нижняя челюсть – на плечевую кость левой руки. Ноги погребенного были отсечены от туловища по тазобедренным суставам и размещены

Расчленение погребенного, судя по всему, проводилось посредством рассечения (перерезания) тела острорежущим инструментом (ножом, кинжалом или т.п.?) по суставам. При этом, по наблюдениям антропологов, никаких следов на суставных площадках и костях не обнаружено [2, с. 268, 273]. Механизм расчленения не вполне понятен. Ясно, лишь, что перемещение частей птомы происходило до истлевания связок скелета, но, по всей вероятности, после распада мягких тканей, т.к. при их наличии расчленить тело не повредив кости, не оставив каких-либо следов на костях, суставных площадках, шейных позвонках практически невозможно. Интересно, что согласно наблюдениям, проводившимся в рамках судебно-медицинской экспертизы, на открытом воздухе (на поверхности земли) в теплое время года в условиях умеренного климата, при доступе влаги, ветра, солнечной радиации, действия насекомых (особенно мух) разрушительные процессы гниения мягких тканей протекают в очень короткие сроки, исчисляемые 2–4 неделями для птомы взрослого человека. Для жаркого климата эти сроку могут сократиться до одной недели [40, с. 164–166; 30, с. 273].

Не совсем ясно, где проводилась демембрация тела человека – в могильной яме или на стороне. Можно, лишь утверждать, что после расчленения трупа останки человека были размещены в могильной яме в соответствии с неким ритуалом или обрядом. Вначале были уложены правая нога и голова погребенного, затем останки туловища. Причем следует обратить внимание на то, что расположение корпуса (он имеет дорзальное положение) и рук погребенного (они симметрично согнуты в локтях) указывает на преднамеренный характер укладки останков человека. После этого в могилу были помещены левая нога и нижняя челюсть погребенного.

Обращает на себя внимание, хотя и не нашел у нас объяснение, тот факт, что размеры и форма могильной ямы выдержаны в пропорциях, более подходящих для размещения анатомически целого тела умершего в вытянутом положении.

Определенные сложности возникают с этнокультурной идентификацией памятника. С одной стороны, демембрация принципиально несовместима с повседневными похоронными обычаями тех религиозных канонов, которые нашли распространение в пределах Золотой Орды – мусульманства, языческого погребального обряда шаманистического толка, христианства, буддизма. Не стыкуется данная операция и с зороастрийским погребальным ритуалом. С другой стороны, те признаки, которые характеризуют аксайское погребение (наличие монет в погребении, сырцовая оградка, широтная ориентировка могильной ямы) отнюдь не являются маркирующими, определяющими. Обычай снабжать умерших монетами или предметами их замещающими – традиция, безусловно, интересная и многоплановая. Но совершенно очевиден и тот факт, что этот обычай нашел достаточно широкое распространение и в исламе, и в традиционной кочевой культуре, и в христианстве, и в буддизме, и в зороастризме [22, с. 150–161]. Появление погребальных комплексов с сырцовыми оградками большинство исследователей прямо связывают с процессом исламизации населения Золотой Орды. Но вопрос этот имеет отнюдь неоднозначное решение. Среди комплексов с сырцовыми оградками значительно количество погребений с отклоне-

ниями от мусульманского обряда или не имеющих ничего общего с таковым [4; 7; 26]. Уже в силу этого, невозможно констатировать безусловную связь сырцовых оградок с исламизацией.

На мой взгляд, возможна трактовка комплекса в рамках обряда ритуального обезвреживания погребенных. Т.е. расчленение птомы могло производиться с целью предохранения живых от влияния умерших. Вера в возможность нежелательного воздействия мертвых приводила к различным видам «уродования тела» [39, с. 98]. Нарушению подвергались, прежде всего, голова погребаемого и опорно-двигательный аппарат умершего. При этом использовались самые разнообразные способы «обезвреживания» – пеленание и связывание конечностей ремнями, веревками и пр., подрезание мышц и связок, отсечение конечностей, деструкция костей, экскарнация трупа, нарушение анатомической целостности птомы, с возможным изъятием отдельных костей из погребения и пр. По мнению В.С. Флерова сознательное повреждение трупов «возникали независимо у множества народов на определенной стадии развития, а ритуалы и способы обезвреживания трупов принимали самые разные формы» [45, с. 54]. Анализ постпогребальных обрядов, проделанный исследователем показал его широчайшее распространение в пространственно-временном континууме человеческой культуры [44].

Обрядовая практика, связанная с ритуальным обезвреживанием погребенных была распространена у населения черняховской культуры, раннесредневековой аланской и салтово-маяцкой среде, а также у ряда других этнических групп [44]. Это нашло отражение в материалах значительных серий погребальных комплексов указанных общностей, где достаточно четко фиксируются следы постпогребальной практики (по терминологии В.С. Флерова).

Обрядовая специфика аксайского комплекса не находит сколько-нибудь внятных аналогий в синхронных золотоордынских погребальных памятниках. С одной стороны, этот факт ставит проблему более тщательной фиксации и интерпретации золотоордынских комплексов, трактуемых как «ограбленные» или «разрушенные грабителями». Полное или неполное нарушение анатомической целостности скелета, смещение или отсутствие отдельных костей скелета, зачастую, однозначно связывается с деятельностью грабителей. Таких комплексов довольно много. Достаточно отметить, что, например, в статье Е.П. Мыськова, посвященной погребальным сырцовым сооружениям могильника Маляевка VI, в трех из четырех описываемых конструкций зафиксированы ограбленные погребения [26, с. 217–219, рис. 1-4]. В статье В.В. Дворниченко и Э.Д. Зиливинской, где рассматриваются погребальные оградки золотоордынского времени, два комплекса из трех рассматриваются как ограбленные [7, с. 281–283, рис. 1–8]. Между тем, следует высказать предположение, что не во всех этих комплексах, нарушение целостности скелета находится в безусловной связи с деятельностью грабителей. Иначе трудно объяснить наличие, например, в погребении кургана 5 могильника Кривая Лука среди костей погребенного, которые перемещались якобы грабителями, одиннадцати серебряных монет. Кроме монет, здесь же находились костяные орнаментированные накладки колчана, железные пряжки, наконечники стрел, нож, пинцет, обломки различных железных предметов, костяная рукоять ножа, пластина и обойма, бусы [7, с. 282]. Вряд ли грабители не обратили внимание на достаточно привлекательный могильный инвентарь.

С другой стороны, отсутствие выраженной серии комплексов с четко обозначенным обрядом расчленения погребенных свидетельствует о том, что мы имеем дело с неординарной практикой в культуре средневековых кочевников. По представлениям тюрко-монгольских народов, человек, пройдя жизненный цикл, может возродиться в новой ипостаси. Но условием его перерождения является непотревоженность костяка, наличие всех костей скелета в целом. Отсутствие хотя бы одной кости, расчлененность скелета влечет невозможность перевоплощения [8, с. 212–219; 9, с. 185–186]. Очевидно, подобные представления тесно связаны с понятием о жизненной и духовной силе sülde, вместилищем которой могла быть голова, костяк, скелет человека [36, с. 67]. В различных вариациях понимание сакральной субстанции sülde фиксируется у монгольских и тюркских народов. Согласно этим представлениям разрушение костей производилось тогда, когда требовалось лишить покойного sülde, которая могла бы привести к его возрождению [36, с. 67]. Возможно, в аксайском комплексе

нашла отражение обрядовая практика, обусловленная подобным религиозным восприятием.

Библиографический список

1. *Анфимов, И.Н.* К вопросу о датировке предметов из разрушенного позднекочевнического погребения из станицы Староминской [Текст] / И.Н. Анфимов, Ю.В. Зеленский // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Вып. 2. – Краснодар, 2002. – С. 144–147.

2. *Балабанова, М.А.* Новые антропологические данные к изучению погребальных обрядов древнего и средневекового населения северной части Волго-Донского междуречья [Текст] / М.А. Балабанова, Е.В. Перерва // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. – Волгоград, 2006. – С. 268–292.

3. *Бессонова, С.С.* Курганы у с. Филатовка [Текст] / С.С. Бессонова, Л.А. Черных, С.А. Куприй // Курганы степного Крыма. Сборник научных трудов. – Киев, 1984. – С. 41–68.

4. *Васильев, Д.В.* Статистический анализ золотоордынских захоронений в подкурганных оградках [Текст] / Д.В. Васильев // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана, №1–2 (пятый выпуск). 2006. – С. 208–220.

5. *Пахимер, Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. Том 1. Царствование Михаила Палеолога (1255–1282). Серия: Византийская историческая библиотека [Текст] / Георгий Пахимер. – Рязань: Александрия, 2004. – 354 с.

6. *Горбенко, А.А.* Позднекочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка [Текст] / А.А. Горбенко, В.А. Кореняко, В.Е. Максименко // СА. 1975. – №1. – С. 286–289.

7. *Дворниченко, В.В.* Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области [Текст] / В.В. Дворниченко, Э.Д. Зиливинская // НАВ. Вып. 7. Волгоград, 2005. – С. 281–302.

8. *Дмитриев, С.В.* Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общеазиатский контекст) [Текст] / С.В. Дмитриев // STRATUM. Структура и катастрофы. Сб. символической индоевропейской истории. – СПб., 1997. – С. 212–219.

9. *Дмитриев, С.В.* Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников [Текст] / С.В. Дмитриев // Антропология насилия. – СПб., 2001. – С. 178–190.

10. *Добролюбский, А.О.* К проблеме этнической атрибуции и датировке погребений средневековых кочевников в причерноморских степях [Текст] / А.О. Добролюбский // Северное Причерноморье (материалы по археологии). Сборник научных трудов. – Киев, 1984. – С. 73–80.

11. *Добролюбский, А.О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья [Текст] / А.О. Добролюбский. – Киев, 1986. – 140 с.

12. *Добролюбский, А.О.* Черные клобуки в Поднестровье и в Побужье [Текст] / А.О. Добролюбский // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. I. Сборник научных трудов. – Запорожье, 1990. С. 153–159.

13. *Дьяченко, А.Н.* Отчет о проведении археологических исследований у с. Аксай в Октябрьском районе Волгоградской области в 2004 г. [Текст] / А.Н. Дьяченко // Архив Волгоградского государственного университета, б/н. – 2005.

14. *Егоров, В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. [Текст] / В.Л. Егоров. – М., 1985. – 247 с.

15. Ипатьевская летопись [Текст] // Полное собрание русских летописей. Т. II. – М., 1998. – С. 1–938.

16. *Кравченко, А.А.* Кочевническое погребение XII в. у с. Флориновское [Текст] / А.А. Кравченко // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. – Киев, 1978. – С. 196–204.

17. *Кривошеев, М.В.* Отчет о проведении археологических разведок в зоне строительства волоконно-оптических линий передач в Камышинском, Дубовском, Среднеахтубинском, Быковском, Николаевском районах и спасательных раскопках одиночного кургана в Котельниковском районе Волгоградской области в 2006 году [Текст] / М.В. Кривошеев // Архив НИС ВолГУ. – Волгоград, 2006.

18. *Кривошеев, М.В.* Спасательные раскопки одиночного кургана в Котельниковском районе Волгоградской области в 2006 году [Текст] / М.В. Кривошеев // АО 2006 г. – М., 2008. – С. 44.

19. *Круглов, Е.В.* Новые памятники средневековья в Нижнем Поволжье [Текст] / Е.В. Круглов // Древности Волго-Донских степей. Вып. 1. – Волгоград, 1990. – С. 57–64.

20. *Круглов, Е.В.* Поволжье в половецкое время, XI–XIII вв. [Текст] / Е.В. Круглов // Куль-

тура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. – Волгоград, 2001. – С. 7.

21. *Лагоцкий, К.С.* Исследования Волго-Донской экспедиции [Текст] / К.С. Лагоцкий, В.П. Шилов // АО 1976 г. – М., 1977. – С. 157–159.

22. *Литвинский, Б.А.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд [Текст] / Б.А. Литвинский, А.В. Седов. – М., 1984. – 239 с.

23. *Мамонтов, В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции ВГПИ в 1988 г. [Текст] / В.И. Мамонтов // Архив ВОКМ, 1988. – №56.

24. *Минаева, Т.М.* К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным [Текст] / Т.М. Минаева // МИСК. Т.II. – Ставрополь, 1964. – С. 157–195.

25. *Минаева, Т.М.* Очерки по археологии Ставрополья [Текст] / Т.М. Минаева. – Ставрополь. – 1965. – 112 с.

26. *Мыськов, Е.П.* Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища [Текст] / Е.П. Мыськов // НАВ. Вып. 6. – Волгоград, 2003. – С. 216–235.

27. *Мыськов, Е.П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.) [Текст] / Е.П. Мыськов. – Волгоград, 2003. – 178 с.

28. *Нарожный, Е.И.* Половцы или черные клобуки? (По поводу критических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) [Текст] / Е.И. Нарожный // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир, 2003. – С. 212–223.

29. *Нарожный, Е.И.* Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения [Текст] / Е.И. Нарожный // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. – Воронеж, 2000. – С. 138–150.

30. *Пашкова, В.И.* Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам [Текст] / В.И. Пашкова, Б.Д. Резников. – Саратов, 1978. – 320 с.

31. *Плетнева, С.А.* Древности Черных Клобуков / С.А. Плетнева. – М., 1973 (САИ, Е1-19). – 96 с.

32. *Плетнева, С.А.* Кочевники восточноевропейских степей в X–XIII вв. Печенеги, торки, половцы [Текст] / С.А. Плетнева // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С. 213–222.

33. *Плетнева, С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века [Текст]: учебное пособие / С.А. Плетнева. – Воронеж, 2003. – 248 с.

34. *Плетнева, С.А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях [Текст] / С.А. Плетнева // МИА. 1958. – №62. – С. 151–226.

35. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука [Текст]: серия: Путешествия. Открытия. Приключения. – Алматы: Гылым, 1993. – 248 с.

36. *Рыкин, П.О.* К вопросу об обычае расчленения и скальпирования у средневековых монголов [Текст] / П.О. Рыкин // Сибирский сборник. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 2. – СПб., 2009. – С. 169–177.

37. *Сафаргалиев, М.Г.* Распад Золотой Орды [Текст] / М.Г. Сафаргалиев // Ученые записки Мордовского государственного университета. Вып. XI. – Саранск, 1960. – 276 с.

38. *Сергацков, И.В.* Отчет об археологических исследованиях Иловлинского отряда экспедиции Волгоградского госуниверситета в Камышинском районе в 1987 г. [Текст] / И.В. Сергацков // Архив НИС ВолГУ, 1987. – №45.

39. *Смирнов, Ю.А.* Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь [Текст] / Ю.А. Смирнов. – М., 1997. – 279 с.

40. *Смольянинов, В.М.* Судебная медицина [Текст] / В.М. Смольянинов, К.И. Татиев, В.Ф. Черваков. – М., 1959. – 368 с.

41. *Толстой, И.* Русские древности в памятниках искусства, вып. V. Курганные древности и клады домонгольского периода [Текст] / И. Толстой, Н. Кондаков. – СПб., 1897. – 168 с.

42. *Федоров-Давыдов, Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов [Текст]: археологические памятники / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1966. – 274 с.

43. *Федоров-Давыдов, Г.А.* Общественный строй Золотой Орды [Текст] / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1973. 180 с.

44. *Флеров, В.С.* Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на археологическом фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. [Текст] / Флеров В.С. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том. 4. Хазарское время. – Донецк. 2005. – С. 383–406.

45. *Флеров, В.С.* Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) [Текст] / В.С. Флеров. – Волгоград, 1993. – 143 с.

46. *Шилов, В.П.* Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1976 г. [Текст] / В.П. Шилов, К.С. Лагоцкий // Архив ВОКМ, 1976, б/н.

47. *Maria Otchir-Goriaeva, Stephan Augustin.* EinearchäologischeKollektion von der unterenWolga (Kalmykische Steppe) in der Sammlung des VölkerkundemuseumsHerrnhut // PraehistorischeZeitschrift. 77. Band. Heft 2. WalterdeGruyter-Berlin-NewYork, 2002. – P. 224–238.

Список сокращений

АО – Археологические открытия

МИА – Материалы и исследования по археологии

МИСК – Материалы по изучению истории Ставропольского края

НАВ – Нижневолжский археологический вестник

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

УДК 94(470.4/6):32
ББК 63.3(2)

ПРОЦЕССЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА КАЗАЧЬИХ ТЕРРИТОРИЯХ ЮГА РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

О.В. Рвачева

Аннотация: В 1917 г. состояние российской государственности вошло в критическую фазу своего развития. Ряд территорий не признали власть большевиков и стали формировать собственные системы власти и управления. На Юге России процесс создания таких систем власти и управления проходил очень интенсивно. В связи с тем, что на данной территории располагались несколько крупных казачьих областей, имевших особый статус и эффективную систему военно-гражданского управления, здесь сразу после октябрьского переворота начинают складываться самостоятельные государственные системы антибольшевистского характера. Организация здесь же на Юге России белого лагеря антибольшевистских сил, являвшегося носителем идеи «единой неделимой» России привело к столкновению двух диаметрально противоположных начал будущего устройства российской государственности – унитарного, сторонником которого являлись белые и федеративного – сторонником которого являлось казачество.

Ключевые слова: российская государственность, гражданская война, казачьи войска, белая добровольческая армия, казачьи системы власти и управления, федеративное государственное устройство, унитарное государственное устройство.

THE PROCESSES OF RESTORATION OF RUSSIAN STATEHOOD IN THE COSSACK TERRITORIES IN THE SOUTH OF RUSSIA DURING THE CIVIL WAR

O.V. Rvacheva

Abstract: In 1917 the Russian state system was in the most desperate condition. Some territories would not recognize the Bolshevik rule and began the forming of their own government organs. This process was very intensive in the South of Russia. There were several large Cossack territories there that enjoyed a special status and en effective military-and-civilian government system. Right after the October Revolution there began the formation of independent anti-Bolshevik state systems. Also it was in the South of Russia where the anti-Bolshevik White movement originated with the idea of the “one and indivisible” Russia. All this led to the conflict of the two opposite views of the future Russian state system – the unitary one supported by the Whites, and the federative one supported by the Cossacks.

Keywords: Russian state system, Civil War, Cossack troops, White Volunteer Army, Cossack government systems, federative state system, unitary state system.

В 1917 году состояние российской государственности вошло в критическую фазу своего развития. Спровоцированные Первой Мировой войной и революциями центробежные тенденции явно начали брать верх на огромных просторах Российской империи. Потеря связующего центра привела к тому, что на поверхность вышли силы, ратующие за самоопределение окраин. Естественное стремление национальных сообществ, где этническая и духовная «сопринадлежность людей», местное «мы», была гораздо сильнее эфемерной «общероссийской идеи», повела последних к организации жизни на основах «общего права, общей власти и общей территории» [6, с. 328].

Не обошли эти тенденции стороной и казачьи области Юга России. Однако приобрели они здесь своеобразную специфику и самодостаточность не в последнюю очередь из-за особого статуса казачьих войск в прежней Российской империи. Уникальное своей неразрывностью сочетание этнических и сословных элементов казачьей культуры, так или иначе, привело к особой социально-экономической и политической организации этих территорий.

К началу XX в. в казачьих областях сохранились основные институты народоправства как на станично-хуторском уровне, так и на уровне войскового управления в лице наказных атаманов и Войсковых кругов. Несмотря на то, что войсковые структуры управления на протяжении долгого времени были лишены самостоятельности и при их организации отсутствовал принцип выборности, это не помешало казакам в 1917 г. после снятия ограничений в области местного самоуправления на территории казачьих войск превратить круги и рады в региональные парламенты, а атаманам стать региональными политическими вождями.

После октябрьского большевистского переворота, когда стал очевиден распад прежней российской государственно-политической системы, казачьи областные структуры, дистанцируясь от непризнанной ими власти большевиков, присвоили себе функции и статус государственной власти в казачьих областях.

26 октября 1917 г., то есть на следующий день после совершения большевиками государственного переворота, донской атаман А.М. Каледин заявил об «узурпации власти» и создании соответствующих общероссийским донских государственных органов управления в лице Атамана и Правительства. То же самое сделал и кубанский атаман А.П. Филимонов. С этого момента на территориях казачьих войск Юга России начнут складываться и развиваться тенденции формирования самостоятельных суверенных систем власти и управления, которые позволят казачьим войскам в короткое время организоваться и довольно успешно противостоять большевикам.

Однако процессы государственного строительства на казачьих землях и идеи создания на Юге России самостоятельных казачьих республик с самого начала войдут в противоречие с идеями и планами другой антибольшевистской силы, которая начнет организовываться здесь, на Юге России – Добровольческой армией. Ее вожди Л.Г. Корнилов, М.А. Алексеев, а впоследствии А.И. Деникин были последовательными сторонниками воссоздания единой и неделимой России. В рамках единонеделимческой концепции стремление казачьих войск к автономии, и тем более к федеративному устройству рассматривалось едва ли не как предательство интересов России.

Формирование двух диаметрально противоположных подходов к будущему государственному устройству России обозначилось уже в самом начале создания антибольшевистских сил на юге России. Но в программные установки эти подходы «отольются» в 1918 г. Осенью 1917 г. и казачьи, и добровольческие политические лидеры имели пока еще смутное представление о будущем политическом устройстве как России в целом, так и казачьих территорий и их месте в системе российской государственности.

Первыми документами политического характера, в которых обозначались цели Добровольческой армии и формулировались положения о будущем России можно назвать Воззвание Добровольческой армии от 27 декабря 1917 г. и Политическая программа ген. Л.Г. Корнилова, первый вариант которой был разработан еще до создания Добровольческой армии в Быховской тюрьме 1 сентября 1917 г., а второй, более детальный, составлен в декабре 1917 г. членами Донского гражданского Совета. В обоих документах политическая программа антибольшевистского белого движения была намечена лишь в самых общих чертах. На первое место

ставилась вооруженная борьба с большевиками и необходимость организации для этого сил.

Что же касалось политического устройства будущей России, то в Воззвании говорилось о том, что Добровольческая армия «…должна быть той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России… Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской – ее народ – выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою…» [5, с. 78]. Политическая программа ген. Корнилова предусматривала после сокрушения большевизма создание правления, которое обеспечивало бы в стране порядок, восстанавливало бы «попранные права гражданства…» [12, с. 285]. Программа предусматривала созыв Учредительного собрания, осуществление ряда гражданских прав и свобод, а также признание за отдельными народностями, входящими в состав России «право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства…» [12, с. 286].

Так же как и Воззвание, Политическая программа ген. Корнилова носила в большей степени пропагандистский, нежели программный характер. С учетом того, что программа являлась документом, который делегация Добровольческой армии везла в Сибирь, с целью завязать отношения с Краевым антибольшевистским правительством, главным ее назначением являлось, по-видимому, декларирование наиболее общих политических целей и идей, которые позволили бы сплотить как можно большее число противников большевиков. Отсюда упор с одной стороны на непредрешение будущей формы политического устройства России (его должно определить Учредительное собрание), с другой привлечение окраин обещанием автономии.

В конце 1917 – начале 1918 гг. Добровольческая армия, находясь еще в процессе своего формирования и к тому же располагаясь на территории Области войска Донского, не имела ни достаточных военных сил, ни политического авторитета для того, чтобы навязать другим (прежде всего казачьим) антибольшевистским силам Юга России свой взгляд на политическое устройство будущей России.

Ситуация, при которой армия формировалась не на собственной территории, а как бы находилась «в гостях у казаков», сильно осложняла дело. Во-первых, «казаки слишком привыкли опасаться старой централистской политики Петербургского правительства, а потому не питали полного доверия к вождям, в рядах которых они видели так много старых имен» [11, с. 59]. Во-вторых, происходивший на всем пространстве бывшей Российской империи процесс локализации самодостаточных социумов провоцировал в Донской области настроение соглашательства и невмешательства в дела Центральной России, в надежде на ответное невмешательство с ее стороны. Военные приготовления красных на границах Донской области казачество начинало напрямую связывать с деятельностью «добровольцев». Положение усугублялось возвращавшимися с фронта распропагандированными казачьими частями. Настроения апатии и нежелания воевать, характерные в этот период для всего станичного мира, особенно сильно проявлялись среди казаков-фронтовиков. Они враждебно смотрели на всех, «…кто может вовлечь казачество в новую бойню» [5, с. 32]. В результате многие станичные сборы и собрания номерных полков уже в декабре 1917 г. вынесли резолюции о нежелании воевать против большевиков [3]. Чуть позже, когда красные начали широкомасштабное наступление на Дон, казачество старалось «прощупать» новую общероссийскую власть на предмет возможности «договориться» с ней на конкретных условиях в обмен на сохранение автономии Дона и неприкосновенности традиционных донских порядков в области бытовой и поземельных отношениях. Одним из главных таких условий, выдвигавшихся большевистскими военно-политическими вождями, являлось удаление с донской территории «контрреволюционеров», т.е. белой Добровольческой армии [8, с. 42].

Донской атаман А.М. Каледин не раз просил перенести деятельность организации за пределы Донской области, в Ставрополь или Камышин, а пока «не делать никаких официальных выступлений и вести дело в возможной тайне» [5, с. 28, 32]. До приезда Л.Г. Корнилова, генералы А.С. Лукомский, С.Л. Марков и А.И. Деникин после беседы с А.М. Калединым уехали во Владикавказ и на Кубань. Приезд в декабре 1917 г. Л.Г. Корнилова первоначально

не изменил ситуацию. Корнилов и сам жил полуконспиративно, ходил в штатском, и «имя его не упоминалось официально в Донских учреждениях». Более того, официально Добровольческая армия подчинялась А.П. Богаевскому, дабы не слишком афишировать в левых кругах независимость добровольцев [1, с. 17].

Статус легальности Добровольческая армия получила после ноябрьского выступления большевиков в Ростове, когда А.М. Каледин, за неимением собственных сил, вынужден был обратиться к генералу М.А. Алексееву за помощью. Тем не менее, тесного взаимного сотрудничества так и не получилось. В частном заседании 3-го Войскового круга говорилось: «Пусть армия существует, но если она пойдет против народа, она должна быть расформирована» [5, с. 48]. Неказачья часть населения Донской области на съезде, проходившем с 29 декабря 1917 г. по 4 января 1918 г. потребовала немедленного разоружения и расформирования Добровольческой армии [14]. Обострившиеся же в этот период разногласия казачьего и неказачьего населения Области, грозившие перерасти в открытый конфликт, заставляли Донское правительство во главе с Войсковым атаманом принять по вопросу Добровольческой армии компромиссное решение. Пытаясь смягчить то негативное впечатление, которое очевидно производило на донское общество такое количество российского генералитета и офицерства, априори ассоциировавшегося с монархизмом и контрреволюцией, Войсковое правительство объявило Добровольческую армию на Дону опорой в борьбе за Учредительное Собрание, а также защитницей Дона от большевиков. На основе этого положения Добровольческая армия оставлялась в пределах Донской области, но под строгим контролем Донского правительства, дабы вовремя обнаруживать и удалять за пределы Донской области контрреволюционные элементы [17]. Добровольческая армия, в свою очередь, вынуждена была заявить, что ее первая и непосредственная цель «противостоять вооруженному нападению (большевиков – *О.Р.)* на Юг и Юго-восток России», а также защита областей, давших им приют, «в союзе с казачеством и по первому призыву его Круга» [5, с. 78].

Естественно, что в таких условиях существования вопросы российской политики руководителями Добровольческой армии поднимались лишь в самом обобщенном виде.

Несмотря на относительную военную и политическую слабость, добровольческая организация позиционирует себя уже в начальный период гражданской войны как организация не регионального, а общероссийского характера и предпринимаемые ею организационно-политические действия также имеют характер общероссийских. Так в Области войска Донского параллельно с войсковыми структурами власти складываются общероссийские. Таковым стал Донской гражданский Совет, возглавил который триумвират, состоявший из М.А. Алексеева, Л.Г. Корнилова и А.М. Каледина. По характеристике А.И. Деникина «триумвират» представлял из себя в скрытом виде первое общерусское противобольшевистское правительство» [5, с. 67].

При этом сам же А.И. Деникин отмечает, что сам триумвират и проект Конституции, написанный к нему, являлись «не упражнением в области государственно-правовых форм власти, а исключительно психологическим средством…» [5, с. 67]. А.И. Деникин отмечает, что в тот период «…формы не существующей фактически государственной власти временно были совершенно безразличны. Единственно, что было тогда нужно – создать мощную вооруженную силу… С восстановлением этой силы пришла бы и власть» [5, с. 67].

Уход Добровольческой армии с территории Донской области на Кубань и активные боевые действия, которые добровольцы совместно кубанским казачеством вели до лета 1918 г., освобождая территорию Кубани, замедлили процессы оформления государственно-политической идеологии белого движения на Юге России. В данный период наиболее ярким проявлением единонеделимческих устремлений белых на Юге России становится борьба между командованием Добровольческой армией и военно-политическим руководством казачьих войск за политическое первенство, которая вылилась в противостояние нового руководителя Добровольческой армии А.И. Деникина и нового Войскового атамана донского казачества П.Н. Краснова.

Противоречия между Красновым и Деникиным вызревали, прежде всего, в сфере выработки генеральной политической линии антибольшевистских сил на Юге России. Политика,

краеугольным камнем которой являлся лозунг за «единую неделимую Россию», проводимая командованием Добровольческой армией, шла вразрез с все более эволюционирующей в сторону политической самостоятельности линией Донского атамана. Амбиции двух политических лидеров делали невозможным выработку конструктивных действий по объединению руководства, в результате которого один должен был бы непременно подчиниться другому.

Упомянутое «единонеделимческое» направление политики Добровольческой армии, ставшей к тому времени не просто военным соединением, а политическим организмом, по мнению ее руководства, потенциально содержало в себе обоснование претензий руководителей Добровольческой армии на лидерство в антибольшевистском движении на Юге России.

Так во время переговоров в станице Манычской 15-го (28-го) мая 1918 г., А.И. Деникин впервые поставил вопрос о подчинении донских частей добровольческому командованию. По оценке Краснова, генерал Деникин хотел, чтобы «…Войско Донское было областью с некоторой автономией…он не соглашался признать Донскую армию, но хотел иметь донские полки там, где они понадобятся» [9, с. 205]. П.Н. Краснов, в свою очередь, заявил, что он более не бригадный генерал, но представитель пятимиллионного народа и «… разговор должен вестись в несколько ином тоне» [9, с. 201]. Результатом переговоров стал отказ А.И. Деникина идти с П.Н. Красновым на Царицын и выбор белыми в качестве приоритетного военного направления освобождение от большевиков Кубани.

Дальнейшее развитие амбиции Добровольческого командования по вопросу о едином руководстве и осуществлении единой политики получило толчок в результате разработки П.Н. Красновым проекта возрождения Юго-Восточного Союза, задуманного и начавшегося осуществляться еще при А.М. Каледине. После ознакомления с Декларацией Союза А.И. Деникин обратился с письмом к председателю Совета управляющих (правительства – О.Р.) Всевеликого войска Донского А.П. Богаевскому, отметив, что «некоторые положения этого документа являются совершенно несовместимыми с идеологией Добровольческой армии» [4, с. 318]. Речь шла в основном о противоречии между статусом «Союза» как суверенного государственного образования и идеей «единой и неделимой России». Отсюда вновь начались трения «добровольцев» и «донцов» на почве вопроса о командовании. Пытаясь нейтрализовать неприятные для добровольцев последствия государственного строительства, вытекающие из постановки задач «Союза» – борьба с большевистскими войсками только на территории Юга России – Деникин еще категоричнее заявил о необходимости объединения вооруженных сил под своим командованием. В Верховный Совет Союза планировалось ввести генерала М.А. Алексеева как гаранта общерусского направления политики Союза.

После Манычского совещания взаимоотношение двух руководителей крупнейших на Юге России военных формирований продолжали развиваться в русле взаимных упреков и противоречий. В конце концов, переписка между добровольческим командованием и донским руководством стала вестись исключительно через А.П. Богаевского.

Ужесточение политики Краснова по отношению к Добровольческой армии выразилось в целом комплексе приказов относительно русских офицеров, пробиравшихся в Добровольческую армию через Донскую область. Так, после объявления 3 июля 1918 г. Донской области на осадном положении въезд на ее территорию разрешался только казакам, уроженцам Войска. Срок же пребывания на Дону офицеров, следующих в Добровольческую армию, ограничили тремя днями [15, с. 312]. В июне 1918 г. Краснов отказал деникинскому представителю генералу Эльснеру в наборе иногородних (то есть представителей неказачьей группы населения) Донской области под предлогом того, что неопытные новобранцы из донских сел и городов не смогут выполнять военных приказов, однако, через несколько дней сам начал набор иногородних на военную службу [4, с. 212].

В свою очередь, командование Добровольческой армии предпринимало различные шаги в попытке взять под свой контроль внутреннюю политику Войска. Самым значительным здесь выглядело организация и поддержка оппозиции атаману П.Н. Краснову. К А.И. Деникину бежали генералы: Э.Ф. Семилетов, В.И. Сидорин, П.Х. Попов, представлявшие по оценке одного из мемуаристов И.М. Калинина, «наиболее опасную оппозицию Краснову, как сподвижники Каледина и участники степного

похода» [7, с. 58]. Внутренняя оппозиция Атаману сформировалась в лице депутатов Круга, во главе с его председателем, кадетом В.А. Харламовым. Она имела постоянные контакты с руководством Добровольческой армией. Так, присутствуя на одном из заседаний Круга в качестве официального наблюдателя от «добровольцев», генерал А.С. Лукомский располагал специальными инструкциями по поддержке и усилению оппозиции и оказанию влияния на депутатов с целью корректировки политики Атамана по отношению к Добровольческой армии [4, с. 325].

По мере освобождения Юга России от большевистских вооруженных сил и упрочения военного положения Добровольческой армии более явственно вырисовывается и стремление добровольческих политических верхов как носителей идеи государственного унитаризма России к политическому доминированию. 23 апреля 1918 г. была издана Декларация Добровольческой армии, в которой формулировались политические цели борьбы. В Декларации говорилось, что «Добровольческая армия борется за спасение России путем: 1) создания сильной дисциплинированной и патриотической армии; 2) беспощадной борьбы с большевизмом; 3) установления в стране единства государственного и правового порядка…» [4, с. 226]. Добровольческое руководство оставалось на позициях «непредрешения» форм будущего государственного устройства России до окончания гражданской войны и созыва Учредительного собрания.

В августе 1918 г. военная организация Добровольческой армии, превратившейся к этому времени в Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) дополнилась организацией гражданского управления – Особым совещанием, законосовещательным и исполнительным органом. Положение об Особом совещании от 18 августа 1918 г. содержало разделы, четко указывающие как на сохранение ВСЮР приверженности идеалу «единой неделимой России[1]», так и на то, что гражданское правительство ВСЮР в лице «Особого совещания» присваивает себе полномочия российского правительства. Так, в Статье 1 Положения говорилось не только о полномочиях «Особого совещания» восстанавливать органы государственного управления и самоуправления в местностях, на которые распространяется власть и влияние Добровольческой армии, но и подготавливать законопроекты «…в широком государственном масштабе по воссозданию великодержавной России в прежних ее пределах…» [18, с. 31]. По мнению К.Н. Соколова, занимавшегося разработкой Конституции ВСЮР в 1918 г., именно из-за Статьи 1 все «Положение об Особом совещании» было засекречено, видимо, чтобы не вызвать оппозиционных настроений, прежде всего, среди казачества, на территориях которого все еще в основном дислоцировались ВСЮР.

Создание Особого Совещания – организации явно правительственного характера, свидетельствовало об «осознании» руководством ВСЮР своего общероссийского государственного призвания, дававшего ему «право» строить отношения с окраинными государственными образованьями (прежде всего казачьими) по принципу превосходства «общегосударственного» характера Добровольческой армии над областным статусом местных государственных образований. Казачьи войска планировалось включать в орбиту российской государственности ВСЮР, по возможности сводя на нет их претензии на федеративный статус.

Воссоздание великодержавного (унитарного) устройства Российского государства не встречало поддержки у казачества с самого начала антибольшевистской борьбы на Юге России. Сформировав весной – летом 1918 г. структуры власти и управления в форме Войскового круга, Рады и института атаманства и постоянно декларируя желательность для казачьих территорий федеративного устройства, Донское и Кубанское казачьи войска (а в начале 1919 г. к ним присоединится и освободившееся от власти большевиков Терское казачье войско) всячески сопротивлялись попыткам добровольцев и, в частности, А.И. Деникина установления контроля над своими властными структурами.

[1] «Единая неделимая Россия» – лозунг борьбы антибольшевистских (белых) сил на Юге России, сражавшихся за национальную государственность России. По мнению П. Кенеза, в деникинском лозунге «единой неделимой России» отражался национализм, который должен был стать краеугольным камнем белой идеологии. «Офицеры всегда думали о себе как о патриотах и были националистами в том смысле, что желали сражаться и жертвовать собой, защищая свой народ». П. Кенез Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. С. 103.

Нередко это приводило к политическому противостоянию казачьих и добровольческих сил, а подчас и к тяжелым конфликтам.

Так, в августе 1918 г. Деникин послал Кубанскому атаману А.П. Филимонову телеграфное извещение о взятии белыми Екатеринодара и письмо, текст которого содержал основные принципы восстановления Кубанского войска в том виде, в каком их предлагал для Кубани Деникин. Первый из них – принцип единоличной твердой власти, второй, – тесная военно-политическая связь с «добровольцами», и третий, – признание единства с Россией и непредрешение основ ее будущего государственного устройства [4, с. 251]. В другом письменном обращении Деникина к Кубанскому атаману содержатся прямые указания на необходимость предварительного согласования с командованием Добровольческой армии схем гражданского управления Областью и военных мероприятий, а также уточнения способов проведения их в жизнь. Специально подчеркивались надобность в единстве военных сил для выполнения общегосударственных задач и запрет на какие бы то ни было сепаратистские демонстрации.

Диктаторский тон в отношении кубанского казачества сводил на нет возможности равного сотрудничества и оставлял место лишь для существования Кубани «под знаком субординации высшего руководства над низшим» [16, с. 65]. В более дипломатичном духе (созвучно моменту ее произнесения) выглядела речь Деникина на открытии Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады 1 ноября 1918 г. Однако основные принципы устройства власти на Юге России и здесь обозначались по всем канонам «белого дела»: «единая временная власть и единая вооруженная сила». Инициатива же создания и того, и другого изначально должна была принадлежать «добровольцам». Добровольческая организация, таким образом, ставилась в центр предполагаемой военно-политической системы с претензией на постепенное расширение сферы своего влияния, о чем и было заявлено в правительственной речи Деникина на открытии Кубанской Рады: «Добровольческая армия приглашает все части русского государства, признающих единую неделимую Россию, сомкнуться вокруг нас для совместного государственного строительства, для общей борьбы с врагом России» [2, 2 ноября]. В результате жесткая реакция Добровольческой фракции на Краевой Раде в ответ на принятие кубанцами резолюции о месте Кубани и форме российского государства выглядела вполне закономерно.

В ответ на деникинское предложение о признании необходимости широкой автономии составляющих частей Российского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта, кубанцы приняли решение о будущем федеративном устройстве российской государственности, где у Кубани имелся бы соответственно, статус члена подобной федерации. Более того, вместо признания приоритета общерусской власти в лице «добровольцев» в военном командовании и едином представительстве на предстоящей мирной конференции, долженствующей завершить Первую Мировую войну, Кубанцы предложили создание Южно-Русского Союза на федеративных началах [2, 11 ноября]. После этого добровольческая фракция демонстративно покинула зал заседаний. Эта демонстрация произвела довольно сильное воздействие на кубанских политиков. Стремление к компромиссу выразилось в том, что они попытались создать согласительную комиссию из 32-х человек (по 16 с каждой стороны). Главная задача участников тут состояла в поисках общих принципов конструирования власти. По мысли добровольческих политиков, единственным принципом, на котором могло строиться взаимодействие, – оставалось признание власти Главного командования «во имя единой русской государственности и успешного ведения вооруженной борьбы с большевизмом» [18, с. 54]. Итогом стал «ультиматум» «добровольцев» кубанцам, содержавший уже в который раз приводимые, основные положения о власти на Кубани: временная единоличная власть, неограниченная в военном отношении, а в гражданском – признающая широкие автономные права за казачьими областями.

В результате таких политических давлений усилилось противостояние кубанской и «добровольческой» политических доктрин. Кубанское положение о Российской Федерации, по сути дела, являлось антитезой «единой неделимой» России «добровольцев», а принципы широкого народовластия – альтернативой единой твердой власти авторитарного типа. Наконец, союз равноправных политических субъектов, в том числе и Добровольческой армии, можно считать контр позицией по отношению к

деникинскому предложению «сомкнуться вокруг нас для совместного государственного строительства» [16, с. 70–71].

Трагическим результатом противостояния казачьих и добровольческой политических сил стал конфликт ВСЮР с Кубанской Радой в результате которого несколько депутатов Рады были арестованы, а один из них А.И. Кулабухов – повешен по приговору военно-полевого суда. Это событие спровоцировало военный и политический кризис ВСЮР. Во второй половине 1919 г. казачьи лидеры все чаще стали оценивать приносимые жертвы во имя «спасения Родины» в ее единонеделимческой интерпретации как непомерные, а саму идею «спасения России» как навязываемую казачеству идеологами деникинской ориентации [13, с. 258.].

В этот период казаки Дона, Кубани и Терека активизировали свои усилия по созданию южнорусской власти. 9 января 1920 г. в Екатеринодаре открылся Верховный круг Дона, Кубани и Терека, провозгласивший, что все дела, касающиеся этих казачьих областей, он «берет в свои руки» [10, 9 янв.]. Объединение казачьей власти демонстрировало неприятие деникинской доктрины «целокупной русской государственности» и противопоставление ей принципа соглашения между «общерусским правительством» и «правительством окраин». В начале января 1920 г. Верховный казачий круг и главнокомандующий ВСЮР А.И. Деникин заключили соглашение о создании объединенной южнорусской власти. Однако создание этой власти происходило уже в обстановке поражения антибольшевистских сил Юга России и никаких реальных действий этой власти не последовало.

Библиографический список

1. *Богаевский, А.П.* 1918 год. Ледяной поход [Текст] / А.П. Богаевский // Белое дело. – М., 1993. – С. 5–112.

2. Вольная Кубань. 1918 г. 2 ноября.

3. ГАРО. Ф. 864. Оп. 1. Д.23. Л. 31 об. и др.

4. *Деникин, А.И.* Белое движение и борьба Добровольческой армии [Текст] / А.И. Деникин // Белое дело. Дон и Добровольческая армия. – М., 1992. – С. 210–328.

5. *Деникин, А.И.* Борьба генерала Корнилова [Текст] / А.И. Деникин // Белое дело. Дон и Добровольческая армия. М., 1992. – С. 5–245.

6. *Ильин, И.А.* Родина и мы [Текст] / И.А. Ильин. – Смоленск, 1999. – 512 с.

7. *Калинин, И.М.* Русская Вандея [Текст] / И.М. Калинин. – М., Л.: Госиздат, 1926. 420 с.

8. *Кириенко, Ю.К.* Крах калединщины [Текст] / Ю.К. Кириенко. – М.: Мысль, 1976. – 248 с.

9. *Краснов, П.Н.* Всевеликое Войско Донское [Текст] / П.Н. Краснов // Архив русской революции. – М., 1992. – Т. 5. – С. 190–321.

10. Кубанская воля [Текст]. Екатеринодар. 1920.

11. *Милюков, П.Н.* Россия на переломе [Текст] / П.Н. Милюков. – В 2-х тт. – Париж, 1927. – Т. 2. – 281 с.

12. Политическая программа ген. Корнилова [Текст] // Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 9. Приложение №2. – С. 285–286.

13. *Рвачева, О.В.* «Единая неделимая…» и казачий регионализм 1918–1919 гг. Конфликт интересов [Текст] / О.В. Рвачева // Казачество России: прошлое и настоящее: сборник научных статей. Вып. 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

14. Резолюция съезда неказачьего населения Донской области (29 дек. 1917 г. – 4 янв. 1918г.). Приложение к ст. Денисова С.В. Начало Гражданской войны на Дону // Донская летопись. – Белград, 1924. – №2. – С. 102–104.

15. Сборник узаконений и распоряжений правительства Всевеликого Войска Донского. – Новочеркасск, 1918. – Вып. 5. – 325 с.

16. *Скобцов, Д.Х.* Три года революции и гражданской войны на Кубани / Д.Х. Скобцов // Кубань. 1991. – № 5. – С. 64–74.

17. Соглашение, достигнутое Войсковым правительством с представителями съезда неказачьего населения Области войска Донского по вопросу об основаниях вступления в состав членов Войскового правительства представителей неказачьего населения. Приложение к ст. Денисова С.В. начало Гражданской войны на Дону // Донская летопись. – Белград,1924. – №2. – С. 105–106.

18. *Соколов, К.Н.* Правление генерала Деникина / К.Н. Соколов // Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. – М., 1992. – С. 5–284.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бардаков Алексей Иванович – д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
контактная информация: **bardakov@mail.ru**

Беликова Екатерина Олеговна – канд. социол. наук, доцент кафедры русского я зыка и документалистики Волгоградского государственного университета,
контактная информация: **katena.belikova.81@mail.ru**

Березнечук Мария Вячеславовна – студентка Волгоградского государственного университета,
контактная информация: **berezenchuk.m.v@gmail.com**

Блохин Василий Геннадьевич – канд. ист. наук, главный специалист отдела археологии ГБУК ОНПЦ по охране памятников,
контактная информация: **blohinvasdar@mail.ru**

Борисенко Евгения Викторовна – аспирант кафедры философии и социологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
контактная информация: **borisenco@mail.ru**

Варакин Сергей Володарьевич – канд. филос. наук, доцент кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
контактная информация: **varakinsv@rambler.ru**

Ленская Ирина Юрьевна – канд. социол. наук, доцент кафедры корпоративного управления Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
контактная информация: **lenskaya.irina@bk.ru**

Одинцов Александр Владимирович – канд. социол. наук, доцент кафедры философии и социологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», контактная информация: **yugrasil@yandex.ru**

Олейникова Елена Геннадьевна – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
контактная информация: **gattogatto@mail.ru**

Перерва Евгений Владимирович – канд. ист.наук, начальник научно-организационного отдела Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
контактная информация: **pererva fox@mail.ru**

Поломошнов Андрей Федорович – д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Донского государственного аграрного университета,
контактная информация: **paf1@mail.ru**

Полтавская Мария Борисовна – канд. социол. наук, доцент кафедры философии и социологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
контактная информация: **poltavskayamb@yandex.ru**

Рвачева Ольга Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
контактная информация: **olgarvacheva@mail.ru**

Субочев Николай Сергеевич – д-р социол. наук, профессор кафедры корпоративного управления Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
контактная информация: **subnikser@mail.ru**

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует статьи, рецензии, научные сообщения; выходит 4 раза в год (ежеквартально), материалы для публикации в очередном номере принимаются до 25 числа второго месяца каждого квартала. Публикация осуществляется **БЕСПЛАТНО**, авторский экземпляр журнала можно получить в научно-организационном отделе Волгоградского филиала РАНХиГС (Волгоград, ул. Гагарина 8, ауд. 303).

Материалы представляются на электронном носителе в виде двух файлов. В первом файле на русском и английском языках приводятся данные об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень и ученое звание, должность, контактная информация (место работы/учебы, полный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail). Во втором файле предоставляется материал для публикации.

Требования **к рукописям:**

1. Объем не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами), шрифт Times New Roman размером 14, через 1,5 интервала, поля по 2 см с каждой стороны, нумерация страницы по центру внизу.

2. Представленный материал должен включать следующие элементы издательского оформления: индексы УДК и ББК, заглавие, инициалы и фамилия, аннотация (100–500 слов), ключевые слова (5–8) (на русском и английском языках).

3. Текст статьи (рецензии, сообщения) и список литературы на русском языке. Список литературы располагается после текста статьи, предваряется заголовком «**Библиографический список»**, оформляется в алфавитном порядке и нумеруется. Ссылки на использованные источники приводятся внутри текста после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [5, с. 12].

4. Для обособленных фрагментов текста можно использовать шрифт Arial и др. Для табличного, вспомогательного текста допускается использование шрифта меньшего размера. Рисунки (чёрно-белые, цветные) внедрены в текст, журнал публикуется в черно-белом варианте.

Рукописи рецензируются членами редколлегии и приглашенными специалистами. По результатам рецензирования рукопись может быть возвращена на доработку с краткими замечаниями редакции. Редакция не разглашает имена рецензентов, не знакомит авторов с текстом рецензии, не вступает в содержательную полемику с авторами. Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (подлинник или сканированный вариант). **Все материалы проходят проверку по программе «Антиплагиат». Компьютерный перевод на английский язык не принимается!**

Статьи печатаются на русском, английском, немецком и французском языках. Журнал размещается в базе РИНЦ и учитывается при подсчете индекса цитирования. **Адрес для пересылки статей и последующей переписки: vestnik_1@vags.ru**

Более подробная информация о требованиях, рекомендациях для подготовки научных публикаций в журнал расположена по ссылке:
http://vlgr.ranepa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2671

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС
Серия: политология и социология. 2014. № 1.

Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей

Редактор *П.В. Епифановский*
Компьютерная верстка *Г.В. Подшиваловой*

Свидетельство ПИ №ФС77-58708 от 28.07.2014

Подписано в печать 27.11.2014. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Уч.-изд. л. 9,61. Физ. п. л. 15.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik-vags@yandex.ru
Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10.